

Родина белых медведей

Аннотация

В книге известного советского зоолога, исследователя фауны Арктики рассказывается о природе острова Врангеля, о его животном мире, об охране обитающих на Севере ценных зверей и птиц.

Источник:

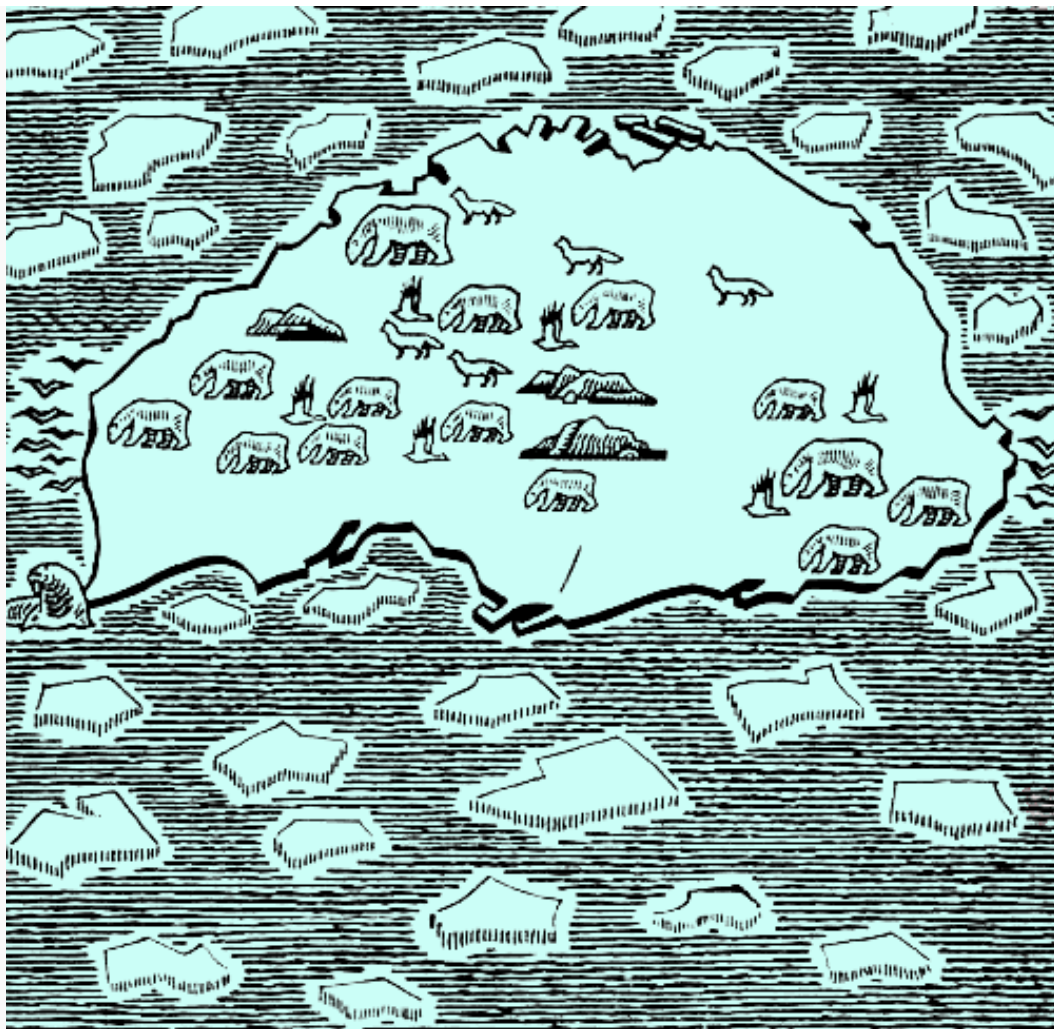
<http://animal.geoman.ru/books/item/f00/s00/z00000004/index.shtml>

[Оглавление](#)

Савва Михайлович Успенский Родина белых медведей

Вместо введения

Северный Ледовитый океан. Хаос торосов, долгая морозная полярная ночь, свирепые вьюги. Казалось бы, жизнь в этой пустыне, да еще на поверхности льда, невозможна, во всяком случае, для крупного теплокровного животного. Однако именно здесь обитает крупнейший на планете наземный хищник. Это белый медведь.

Остров Врангеля — родина белых медведей

В наши дни этот зверь привлекает к себе все более пристальное внимание биологов. Исследователи пытаются понять смысл удивительных приспособлений белого медведя к жизни в стуже, к длительным голодовкам, вообще к чрезвычайно экономному расходованию энергии, раскрыть секреты удивительно высокого к. п. д. его организма. Ведь в отличие от своего бурого собрата белый медведь даже не впадает в регулярный зимний сон, не прячется от невзгод и лишений полярной ночи, а будто намеренно идет им навстречу. Он совершает непрестанные, но целенаправленные кочевки, бродит среди дрейфующих льдов как летом, так и зимой, подчас в полной темноте. Он обладает весьма своеобразной способностью к ориентации и даже к навигации (то есть внесению в свой путь необходимых поправок в зависимости от направления и скорости движения льдов), однако механизм этой его способности остается непознанным.

Не только ученых, но и многочисленных друзей и защитников природы беспокоит судьба белых медведей. Их осталось на земном шаре не так уж много. И, к сожалению, вполне реальна угроза полного истребления этой замечательной «биологической модели» и лучшего живого украшения арктических просторов...

Арктические просторы

Изучением белого медведя и других животных Арктики, поисками путей их охраны я и мои товарищи (с ними вы познакомитесь в книге) занимаемся уже не один год. Наша работа протекала главным образом на острове Врангеля, где находится основной медвежий «родильный дом».

В своей книге я хочу рассказать о нашей работе на острове, о его четвероногих и пернатых обитателях. Но главным «действующим лицом» здесь будет белый медведь. И если среди вас появятся новые друзья и защитники этого зверя и остальных нуждающихся в охране животных Арктики, цель книги будет достигнута.

На стыке двух полушарий

I

Остров Врангеля приютился на крайнем северо-востоке Советского Союза. Летом, когда солнце круглые сутки не покидает небосклона, остров укутывают туманы, а долгой полярной ночью на нем беснуются метели. Типичная и в то же время необычная часть суровой арктической суши.

Остров Врангеля

У побережья острова смыкают свои воды Восточно-Сибирское и Чукотское моря. Сто восьмидесятый меридиан делит его на две почти равные части, одна из которых относится к западному полушарию, другая — к восточному. Остров горист, однако горные хребты с величественными, круглый год заснеженными пиками перемежаются здесь с обширными участками равнинных тундр. Растительность на большей части острова, как и всюду в Арктике, чахлая и скудная, обширные пространства его покрыты пустынными, безмолвными россыпями камней, окутанных, словно корой, разноцветными накипными лишайниками. Едва поднимаются над землей бледно-желтые цветы полярных маков, далеко одна от другой разбросаны кустики камнеломок или незабудок, цветы которых тянутся к солнцу на крошечных стебельках. Зато в долинах крупных рек можно встретить настоящие оазисы. Здесь буйно разрастаются травы, выше чем на полметра поднимаются заросли ивняков, порхают бабочки, без умолку звенят птичьи голоса, басовито жужжат шмели.

У побережья острова Врангеля. Фото автора

На географических картах остров давно уже не значится «белым пятном». Описанию его природы, недр, истории изучения и освоения посвящены многие десятки статей и книг, и, тем не менее, он продолжает привлекать исследователей. Почти каждое лето здесь можно встретить какую-нибудь экспедицию (появление их островитяне считают обычным сезонным явлением, как, скажем, таяние снега или прилет птиц). Сюда приезжают географы и геологи, климатологи и этнографы. Но, пожалуй, особенно интересен остров Врангеля для зоолога. Правда, обитающих здесь животных, как правило, можно встретить и в других частях Арктики, но зато в фауне острова есть ряд местных подвидов птиц, насекомых и т. д., и при этом некоторые из них только здесь достигают очень высокой концентрации или встречаются в необычных для высоких широт сочетаниях. В самом деле, здесь, на острове, крупнейшие на земном шаре «родильный дом» белых медведей, гнездовая колония белых гусей, береговое лежбище моржей. Большие птичьи базары острова по составу и образу жизни их обитателей могли бы считаться типично арктическими, но на них гнездятся, например, берингов бакланы — пернатые, характерные лишь для побережий северной части Тихого океана. По соседству с черными казарками, аборигенами самых высоких широт Арктики, выращивают птенцов чечетки, свойственные гораздо более южным районам... Попасть сюда, познакомиться со здешней природой, особенно с жизнью пернатых и четвероногих обитателей, было моим давним желанием. Впервые оно осуществилось летом 1960 г. Кратковременная поездка еще сильнее разожгла мой интерес к острову. Если действительно существует «полярный микроб», способный заразить человека неизлечимой тягой к арктическим просторам, заставляющей его возвращаться сюда вновь и вновь, то на острове Врангеля подобное «болезнетворное начало» представлено, несомненно, одной из

самых «вредных» разновидностей. И не удивительно, что я оказался здесь снова. В следующий раз я попал на остров в 1964, а затем в 1969 г., как участник небольших по составу биологических экспедиций.

II

Остров Врангеля принадлежит к средним по площади арктическим островам (*наибольшая длина его — около ста шестидесяти километров*). Пролив Лонга шириной почти сто сорок километров отделяет его от Чукотского побережья. Рельеф острова сильно расчленен. Большая часть этой суши вообще представляет собой горную страну, состоящую из трех параллельных хребтов; на западе и на востоке они снижаются и заканчиваются прибрежными скалистыми обрывами. Южный хребет, еще относительно невысокий, проходит недалеко от морского побережья. За ним высится основной, средний хребет; венчает его как и всю горную систему, гора Советская высотой около тысячи ста метров. Северный хребет — самый низкий и состоит из обособленных возвышенностей и пологих холмов, которые постепенно переходят в широкую заболоченную равнину, носящую название тундры Академии.

Здесь зимой, самому продолжительному времени года, свойственны устойчивая морозная погода, сильные ветры, неглубокий и неравномерно залегающий снежный покров. Заморозки и снегопады здесь нередки и летом, но особенно холодно на острове в феврале и марте, когда температура воздуха неделями не поднимается выше минус двадцати — тридцати градусов. Ветер то и дело рождает пургу: с ураганной скоростью несет он снежную пыль, оголяет вершины, в низинах наметает сугробы, по прочности похожие на бетон. Летом на побережье острова обычно прохладное, туманное и дождливое. В центральных частях острова, отгороженных от моря горами, летом гораздо теплее, чаще проглядывает солнце. Случаются (хотя и не каждый год) даже жаркие дни, когда островитяне с удовольствием купаются в речках, загорают и нежатся на роскошных песчаных пляжах (такие дни выдавались, например, летом 1960 г.).

Рек на острове довольно много, но большинство их бывает многоводно лишь весной, во время таяния снега. Летом реки сильно мелеют, а к осени превращаются в жалкие ручейки. Исключение составляют лишь наиболее крупные реки — Мамонтова и Клер; название «ручьи» к ним не подошло бы даже осенью. Озера здесь невелики по площади, мелки и сосредоточены главным образом в тундре Академии. Островные побережья большую часть года скованы ледяным панцирем и окружены хаотическими нагромождениями торосов.

Льды обычно отходят от берегов в конце июля — в августе, но в сентябре — октябре они вновь смыкаются. Впрочем, бывают годы, когда море у острова вовсе не вскрывается. Интересно геологическое прошлое острова Врангеля. Еще в четвертичное время он был частью Берингии — обширной суши, некогда соединявшей Азию с Америкой, и выглядел иначе, чем теперь. По мнению геологов, это была слабо всхолмленная равнина с группой невысоких гор в центре и несколькими широкими речными долинами. Около пятидесяти тысяч лет назад море отделило остров от материка. Впоследствии здесь происходили подъемы и разломы земной коры, остров подвергался выветриванию, воздействию морских вод и прибрежных льдов, неоднократно испытывал оледенения, хотя ледники здесь и не достигали больших размеров и не покрывали всей его поверхности.

Большинство исследователей считает Берингию центром формирования арктической фауны и флоры. Правда, о населявшем ее животном мире теперь напоминают лишь остатки костей мамонтов и северных оленей, вымываемые из берегов островными реками. Зато растительность острова очень своеобразна, богата видами и характеризуется большой древностью. В самом деле, только трав, кустарников и кустарничков здесь обнаружено сто шестьдесят видов, в то время как на Новосибирских островах их насчитывается семьдесят шесть, на островах Северной Земли — сорок шесть, на Новой Земле — семьдесят, а на

архипелаге Земли Франца-Иосифа — всего тридцать шесть. Флора острова содержит много реликтов. Исконная арктическая растительность на этом «осколке» Берингии следовательно, не была уничтожена ледниками, и в то же время море препятствовало проникновению сюда с юга потока позднейших мигрантов.

Современный растительный покров острова почти везде низкорослый, несомкнутый. Причина тому — холодные короткие летние месяцы, а зимой — морозы, пурги, неглубокий снег. Первый исследователь растительности острова Врангеля, известный советский ботаник и североовед Б. Н. Городков относит его к зоне «арктических или полярных пустынь». Он различает здесь участки собственно арктических пустынь, где растительный покров крайне разрежен и беден видами, и тундровые участки, обычно покрытые лишайниками. На хорошо удобренных почвах, чаще всего у птичьих базаров и вокруг колоний наземных птиц встречаются даже альпийские луга. В тундре Академии много моховых болот. В межгорных котловинах, где зимой скапливается глубокий снег, есть заросли ивняков, которые здесь называют лесом.

III

Неясные сведения о существовании острова были получены русскими землепроходцами от жителей Чукотки — чукчей и эскимосов еще в середине XVII в. Однако на географических картах он «родился» почти на два столетия позже, и то вначале лишь в качестве гипотетической земли. Только в 1881 г. впервые удалось высадиться на нем. В 1911 г. здесь был поднят русский флаг, а постоянное население на острове существует лишь с 1926 г. Остров получил свое название более ста лет назад и носит имя крупнейшего русского географа и путешественника прошлого столетия Ф. П. Врангеля.

Итак, постоянное население — эскимосы и чукчи — охотники за песцами и морским зверем, оленеводы и звероводы — живет здесь менее пятидесяти лет. И, тем не менее остров имеет обжитой вид. В поселке, носящем имя первого советского начальника острова пионера освоения и исследования этой суши Г. А. Ушакова на трех его улицах разместились обыкновенные двухквартирные, вполне «материкового» типа бревенчатые дома, тянутся провода электрической сети. Врач местной больницы, как и в любом подобном учреждении земного шара, принимает новорожденных и прописывает слабительное, удаляет у пациентов воспаленные аппендиксы и больные зубы. Школьники пишут диктанты и заучивают таблицу умножения. На почте можно отправить письмо или телеграмму, почтальон разносит подписчикам относительно свежие газеты и журналы.

Кратчайшее расстояние между островом Врангеля и Москвой превышает шесть тысяч километров. Отсюда до ближайшего областного центра — города Магадана (*в административном отношении остров Врангеля входит в состав Чукотского национального округа Магаданской области*) — более двух тысяч километров. Однако это не значит, что остров очень удален от Большой земли.

Пользуясь здесь многими благами цивилизации, невольно вспоминаешь о первых островитянах, о людях, начинавших освоение острова. Расстояние отсюда до материка, до больших городов не казалось им столь коротким. Каждый шаг первых островитян по этой тогда еще неизведанной и очень уединенной суше был полон неожиданностей, тягот и испытаний.

Трудности, собственно, начались еще раньше. Например, не так-то просто было найти желающих переселиться на остров. Вместе с Ушаковым восьмого августа 1926 г. здесь высадились, включая женщин и детей, пятьдесят пять человек. Среди них были сам начальник острова; врач; учитель И. М. Павлов, который провел всю жизнь на Чукотке, был и тому же хорошим охотником и в совершенстве знал эскимосский язык; русский охотник С. С. Скурихин со своей семьей и девять семей эскимосов, решившихся покинуть родные поселки на материке. Вопрос с переселением Скурихина решился быстро. Ушаков разыскал его в

Петропавловске-Камчатском, куда судно с зимовщиками заходило для пополнения запасов угля.

«— Поедете на остров Врангеля? Промышленник на мгновение задумался.

— А что там делать? Есть ли там что-нибудь?

— Там есть пушнина, — ответил Ушаков, — песец, белый медведь, морской зверь.

Скурихин подумал еще немного.

— А золотишка там нет?

Ушаков развел руками:

— Не знаю, может быть, и есть. Вот приедем — посмотрим.

Выяснив еще некоторые вопросы, в частности как будут снабжаться зимовщики, какие цены на пушнину, условия расчета, Скурихин деловито спросил:

— Когда отходит пароход?

— Завтра. Как уголь возьмем да еще кое-что погрузим, так и уйдем.

— Хорошо, я подумаю.

Через три-четыре часа после этого разговора по улицам Петропавловска громыхала телега, нагруженная горой всякого домашнего скарба. На ее вершине сидела дородная женщина с девочкой. Скурихин шел рядом с телегой, держа вожжи в руках и подбадривая лошадь. Ушакова удивила способность этого человека так быстро принять решение и ликвидировать все свои дела. За несколько часов Скурихин успел сдать свой дом в аренду, продать корову, погрузить семью и вещи на судно».

Так со слов Ушакова описал этот эпизод А. И. Минеев, бывший начальником острова в 1929–1934 гг. (А. И. Минеев. *Остров Врангеля*. М. — Л., 1946).

Договориться с эскимосами помогли случай и мужество Ушакова. Минеев пишет об этом так:

«Едва шлюпка ткнулась носом в песок (у поселка в бухте Провидения на Чукотке. — С. У.), Ушаков выпрыгнул на берег. В этот момент из юрты, стоявшей на берегу, выскочили две девочки, совершенно голые, имевшие на теле только набедренные повязки. За ними гнался старик с гарпуном в руках. Испуганные девочки промчались мимо Ушакова; в нескольких шагах за ними бежал старик. Ушаков выставил ногу, и старик растянулся на земле. Спустя несколько секунд, он вскочил, поднял свой гарпун, как копье, и, повернувшись к Ушакову, занес гарпун над головой для удара. Расширенные, обезумевшие глаза старого эскимоса горели бешенством. Сделай Ушаков хотя бы одно движение — копье наверняка вонзилось бы ему в грудь. Но он остался недвижим и глядел старику прямо в глаза. Старик замер. Через мгновение в глазах у старика появилось нечто осмысленное; его рука дрогнула, стала медленно опускаться. Старик хрипло спросил:

— Ты всегда так делает?

— Всегда!

— Может быть, ты хорошо делает.

Помедлив немного, старик скрылся в юрте.

Девочки скоро вернулись обратно. Всклипывая и смущаясь, они объяснили Ушакову, что страшный старик — это знаменитый и смелый охотник по имени Иерок, пользующийся общим уважением, а они, девочки, его дочери — Таслекак и Нанехак. На беду, Иерок добыл у матросов «Анадыря» спирта, напился и пришел в невменяемое состояние. Не заступись Ушаков, он мог бы убить своих дочерей... Утром к «Ставрополю» (судну, доставившему зимовщиков на остров Врангеля. — С. У.) подошла байдара, в которой сидел старый Иерок. Поднявшись на судно, Иерок спросил, где умилек (начальник). Его проводили к Ушакову. Ушаков

запросто поздоровался с ним, как со старым знакомым. Иерок, немного сконфуженный сказал:

— Ночью я был пьян, поэтому плохо говорил. Теперь моя голова чистая, я могу говорить хорошо.

Ушаков рассказал ему, зачем он идет на остров Врангеля, сообщил, что ему нужны промышленники, и спросил:

— Пойдем со мной промышлять на остров песца, моржа, медведя?

Иерок, подумав, твердо ответил:

— Ты хорошо делает. Ты хороший человек. Поэтому я пойду с тобой.

— Подумай, Иерок, там еще никто не был!

— Я не знает, где остров. Я знает, что ты хороший человек. Кончил думать. Я поеду.

Согласие Павлова и Иерока ехать на остров облегчило набор промышленников. Когда Ушакову пришлось заговорить с эскимосами о поездке на остров, все они, прежде всего, спросили, кто едет. Узнав, что Павлов и Иерок уже дали согласие, они не стали колебаться».

О первых днях и месяцах жизни островитян рассказывают скупые, но яркие строки дневников Г. А. Ушакова (Г. А. Ушаков. *Робинзоны острова Врангеля*. М. — Л., 1931).

«Угрюмо встретил нас остров. Пароход «Ставрополь», завезший нас, выгрузил продукты и 16 августа 1926 г. покинул остров Врангеля. С этого дня всякая связь с материком была утеряна. В течение трех лет только один раз нас навестили гидропланы. Все эти три года мы были предоставлены сами себе и могли рассчитывать только на свои силы...

Полное незнакомство с необитаемым до нас островом, с его природой и условиями жизни сделало первый год существования колонии самым тяжелым. Постройка жилищ и склада для продуктов и снаряжения заняла первый месяц нашего пребывания на острове.

Не менее важной заботой была заготовка мяса. Колония, имевшая свыше сотни собак и состоявшая преимущественно из эскимосов, без мяса обрекалась на гибель. Поэтому все силы были брошены на охоту. Не один раз приходилось рисковать жизнью, чтобы сколько-нибудь обеспечить колонию моржовым мясом на долгую полярную зиму...

...Северо-восточный ветер густой массой гонит лед вдоль берега. В миле от берега я замечаю льдину с небольшим стадом моржей. Эскимосы тоже видят моржей, но на этот раз они не бегут стремглав к лодкам, а, сбившись в кучу, угрюмо рассматривают море. Оно сегодня не манит охотников.

Резкий ветер поднял на свободных пространствах воды крупную волну. То и дело доносится треск ломающихся льдин. Где пять минут назад была свободная вода, теперь плотная масса льдин. Вот почему эскимосы, всегда готовые броситься на моржей, теперь не двигаются с места.

Надежда на одного Иерока: он энергичный охотник и пользуется славой лучшего рулевого на всем Чукотском побережье. Я отзываю его в сторону.

— Иерок, у нас нет мяса.

— Да, начальник, у нас нет мяса, — соглашается Иерок.

— Надо ехать.

— Да, надо ехать.

— Почему же никто не двигается?

— Видишь, как быстро гонит лед, какой плохой ветер! Они боятся.

— Но зима без мяса еще страшнее.

— Да, начальник, ты прав. Без мяса зима страшна.

— А ты поедешь?

— С тобой поеду. А если мы скажем — надо ехать, они поедут.

Мы берем оружие и, ни слова не говоря, идем к вельботу. Павлов, слышавший наш разговор, идет вслед за нами. А за ним к нам присоединяются еще пять эскимосов...

Началась полярная ночь. Она была первой и самой трудной в жизни колонии. Жестокие непрерывные метели и отсутствие солнца часто делали невозможными сколько-нибудь отдаленные поездки. Запасы мяса быстро стали уменьшаться. Собак стали кормить вареным рисом и потеряли их почти половину.

Скоро начались заболевания и среди людей. В большей или меньшей степени переболела вся колония. С каждым днем настроение колонистов падало. 19 января 1927 г. круп вырвал из среды колонистов первую жертву: умер самый опытный, преданный и энергичный эскимос Иерок...

Когда я вошел в юрту, Иерок лежал, укутанный в меха, и бредил. Вместо дыхания у него вырывалось хрипение, в груди kloкотало.

Я понял, что старик не перенесет этой болезни. Конец его близок. Больно сжалось сердце. В моей памяти пронеслись моменты, проведенные с ним. Вспомнилось, как он в темную бурную ночь собрал всех охотников и отправился на поиски меня, Таяны и Анакулы. Вспомнилась его маленькая, приземистая фигура, освещенная светом костра, когда он стал на мою сторону и горячо выступил против суеверий своих сородичей. Яркими картинками пронеслись сцены на совместной охоте и длинные вечера в палатке, проведенные вместе... Я терял человека, который понимал меня, был незаменимым товарищем, с которым крепко сроднили пять месяцев совместной жизни и борьбы...

Положение с мясом не улучшалось. Многие болели. Все это привело крайне суеверных эскимосов к мысли, что на острове Врангеля живет очень злой черт, который не желает, чтобы на его земле жили люди...

Оправившись от болезни, я выехал на северную сторону, где, по мнению эскимосов, была штаб-квартира черта, и, на мое счастье, убил медведя. Это был удар по черту. Охотники решили, что он уже не так силен, как они думали, и потянулись на охоту...»

Жизнь первых островитян была суровой, но люди выдерживали тяготы, выходили победителями в борьбе с морозами и пургой, штормами и голодом. Они охотились, вели топографическую съемку и опись острова, метеорологические наблюдения, собирали коллекции минералов и горных пород, зоологические коллекции и гербарий.

— Скучали ли вы?

Теперь мне часто задают этот вопрос.

Обычно я на него отвечаю:

— Да, скучаю. Скучаю по острову, по моим спутникам-эскимосам, по моей упряжке собак, по метелям.

В этом году (1928. — С. У.) мы, видя состояние льдов, не ждали парохода и готовились к четвертой зимовке. «Литке», буквально продравшись сквозь стену льдов, разбил наши планы. Как забились наши сердца, когда мы увидели ледорез! Ведь это был первый пароход за три года...

...«Литке» дал ход. Скрывается в тумане наш домик. Бледнеют очертания берега. Мы уходим от берега. Не раз за три года у каждого из нас срывались проклятия по его адресу. А теперь мы почувствовали, как крепко сжились с ним, с его суровой природой, с его метелями.

Скучали ли мы?»

Так заканчивает свои записи Г. А. Ушаков.

VI

Тем более не скучают современные островитяне, многие из которых родились уже на острове и приходится не только сыновьями, но и внуками, даже правнуками первым переселенцам с Чукотки.

Подавляющее большинство местных жителей работает в совхозе и занято добычей песка и морского зверя. Поэтому осенью, с установлением санного пути, поселок пустеет: охотники с семьями разъезжаются по своим промысловым избушкам, разбросанным вдоль побережья. Еще до открытия промысла каждый охотник раскладывает на приметных местах обычно на возвышенностях, остающихся бесснежными и зимой, привады — куски моржового или нерпичьего мяса. Привады обкладываются камнями с таким расчетом, чтобы доступ к ним был лишь с одной стороны.

После того как улетят птицы и скроются под затвердевшим снегом лемминги, жизнь песцов становится трудной и они охотно лакомятся найденной приманкой, вначале «бесплатно», а после открытия промысла — расплачиваясь за угощение своей пушистой шкуркой. Однако добыть песка вовсе не просто. Если летом он неосторожен, постоянно попадает на глаза и не спешит скрыться при виде человека, то зимой, словно понимая, что ценность его шубки резко возросла, песец начинает вести себя очень осмотрительно.

Летом песец выглядит невзрачно. Фото Л. В. Жирнова.

Песцов на острове Врангеля, так же как и на Чукотке, ловят капканами. У каждого охотника есть свои приемы подготовки капканов (очистка от ржавчины, предохранение от посторонних запахов). Ставят ловушку чаще всего под след зверька. Для этого сбоку от тропки проторенной песцами к приваде, вырывается пологая ямка, в которую и опускается капкан с таким расчетом, чтобы от следа его отделяла лишь тонкая снежная пластинка. Эта поистине ювелирная работа требует навыков, большого терпения и специального, хотя и несложного оборудования. Переносят и перевозят капканы в особом, чистом мешке, ставят их при

помощи узкой длинной деревянной лопатки, надевая чистые, больше нигде не используемые рукавицы. К капкану обязательно прикрепляется цепь с тяжелым чурбаком на конце. Это «якорь» (он тоже зарывается в снег) не позволяет пойманному зверьку уйти вместе с ловушкой.

Но главные трудности промысла заключаются в другом. Чтобы успешно ловить песцов нужно расставлять много капканов, располагать большим охотничьим участком. Для этого необходимо содержать собачью упряжку, а значит, суметь обеспечить собак кормом. Десятками километров измеряется дневной маршрут охотника, десятки капканов приходится ему ежедневно поправлять, переставлять, настораживать и снова маскировать. Путь его скупо освещают луна или неярые вспышки полярных сияний. Снежная пустыня однообразна уныла, и нужно очень хорошо знать дорогу, чтобы не сбиться. Мороз леденит кровь. Нет-не-да и застигнет человека вдали от жилья жестокая пурга. Ложатся вконец обессиленные собаки. Не остается другого выхода и у охотника, как самому залечь у саней, зябко поживаясь в куклянке. Иногда приходится так «пурговать» не одни сутки. Не раз за зиму сойдет кожа на скулах и на носу. И, тем не менее, зима, хотя она и сурова, не особенно страшит островитянина. Больше того, зима считается здесь едва ли не лучшим временем года. По санному пути на собаках всегда можно съездить в поселок, навестить соседа или друга, если даже он живет на противоположном конце острова. Войдя в дом с мороза приятно посидеть перед растопленной печкой. А если удачен промысел, то, кажется, что и мороз спадает, и забываются недавние невзгоды.

символическое значение, но победитель получает его с нескрываемой гордостью.

В мае начинается охота на нерпу. Этот промысел не так труден, как песцовый, но тоже требует и мастерства и выдержки. Тюлени вылезают на лед, чтобы погреться под солнцем, засыпают, но спят очень чутко и при малейшей опасности ныряют в лунки. Охотник с упряжкой должен пробиться сквозь лабиринт торосов, подобраться из-за укрытия и метким выстрелом с расстояния сто и больше метров поразить нерпу в голову. Промах — и все тюлени скрываются. Нужно ехать дальше, опять продираться сквозь торосы, подползать и скрадывать новую нерпу. Этот промысел длится до тех пор, пока у берегов держится лед. В жизни местного населения он играет важную роль: нерпичье мясо идет на корм ездовым собакам, сохраняется до зимы и используется для песцовых привад. Им не брезгуют и люди. Котлеты или жаркое из тюленя предпочитают консервам не только эскимосы или чукчи, но и многие из русских островитян. Печень же нерпы вообще признается на Севере за деликатес. Не меньше нуждается охотник и в нерпичьих шкурах: из них шьются летние непромокаемые штаны, меховые сапоги; шкуры нерп вывозятся с острова как сырье для выделки меха. Во время промысла нерпы иногда удается добывать также лахтак. Если вес нерпы редко достигает ста килограммов, то лахтак может весить и триста и четыреста килограммов. Мясо его тоже съедобно, шкура незаменима при изготовлении собачьей упряжи, из нее делают лучшие подошвы для обуви, прочные легкие ремни, используемые в моржовом промысле. Но охота на этого тюленя очень трудна. Лахтаки осторожнее нерп, ложатся на льду поодиночке и лишь у краев полыньи. Чтобы подобраться к ним на верный выстрел охотнику иной раз часами приходится ползти по залитым водой, шероховатым, как терка льдинам, надолго замирать среди луж в самой неудобной позе.

В летние месяцы попутно охотятся на птиц. На вездеходе или тракторе охотники добираются до своих промысловых изб, приводят их в порядок, завозят туда тюленье мясо, запас топлива, продовольствия, снаряжение. Немало островитян едет летом на материк, чтобы навестить там родных, а иногда чтобы найти невесту или жениха. Женщинам работы хватает круглый год, но летом ее особенно много. Самое трудоемкое занятие эскимосок и чукчанок — изготовление для семьи меховой одежды и обуви (ими пользуются в основном зимой, а летом — только во время промысла морского зверя; обычно же в летние месяцы население острова носит одежду фабричного производства). Фасоны кулянок, сапог — торбазов, меховых чулок, штанов, рубах, женских зимних комбинезонов — керкеров и технология их изготовления выработаны тысячелетиями. Поэтому при шитье (обязательно оленьими или моржовыми сухожилиями) выдерживается определенный стандарт. Вместе с тем каждое изделие отражает «почерк», вкус самой мастерицы. Одежда или обувь могут быть не только прочны и удобны, но и щеголеваты. Таким талантом гордятся и швея, и ее муж.

За лето нужно успеть сшить зимнюю одежду: ее в лучшем случае хватает на два сезона. Приходится без конца менять подошвы на торбазах: на льду и камнях они быстро пронашиваются. Необходимо заготовить на весь год запас растений — съедобных или используемых в хозяйстве как-то иначе.

Распространено мнение, что единственной пищей эскимосов и чукчей в прошлом было лишь мясо. На самом деле это не совсем верно. Жители северо-востока Азии, как, очевидно, и вообще высоких широт Арктики, охотно и при каждом удобном случае употребляли только растительную пищу.

Одни растения использовались ими в свежем виде, другие заквашивались и подавались к столу зимой. Современные северяне, несмотря на то что в их рацион входят хлеб и крупы

Навигация: Использовать фильтр: **Аннотация**

Пользователь

пятидесяти видов трав, кустарничков, кустарников и водорослей). При выделке кож или меха они применяют растительные красители и дубители. Поэтому в погожие летние дни женщины вооружаются специальными крючками и расходятся по тундре. Возвращаются они

оттуда с грузом стеблей мытников и камнеломок, с пучками ивовых веток и различными корешками.

После того как вскрыется море, начинается промысел моржей. От его удачи до недавнего времени вообще зависело благополучие эскимосов и прибрежных чукчей. Морж давал им мясо для еды и кормления ездовых собак, шкуры для постройки жилищ и лодок. Желудки и кишки использовались для шитья непромокаемой одежды и изготовления домашней утвари: сухожилия моржа заменяли нитки. Не пропадали даже кости животных: их использовали для постройки лодок и саней. Кости применялись и как кухонная утварь: лопатка моржа например, заменяла блюдо. Наконец кости моржей заменяли дрова: их поливали моржовым же жиром и сжигали в очагах.

Характерно, что у народностей Севера, живущих вблизи морских побережий, существуют различные, иногда многочисленные названия для старых и молодых моржей, для самцов и самок, причем звери каждой возрастной и половой группы в хозяйстве используются особо. Эскимосы острова Врангеля (как и Чукотки) называют старого самца антохпак, чукчи — кытхвайю; шкуры таких животных, очень толстые, морщинистые, с многочисленными рубцами и шрамами, вообще не поддаются обработке. Не особенно ценится и их мясо — очень грубое и жесткое. Старая самка, агнаналик — по-эскимосски или наурырка — по-чукотски дает хотя и толстую, но большую шкуру, пригодную для постройки байдары. Мясо ее тоже жесткое, однако немного нежнее, чем у старого самца. Шкура молодого, но уже подросткового самца, которого эскимосы называют ункавак, хороша для изготовления ремней. Мясо его так же как и молодой подростковой самки (по-эскимосски — айвок), неплохое на вкус и довольно нежное. Из шкуры совсем маленького детеныша, который по-эскимосски называется кассекак, а по-чукотски — кайрырка, можно делать подошвы для торбазов. Мясо его наиболее нежно. Конечно, роль моржей в жизни островитян в последнее время значительно уменьшилась, однако до сих пор остается существенной. Каждое хозяйство в течение года использует для корма собак, ловли песцов и отчасти для питания не менее пяти-шести туш животных. Неизмеримо легче стал и моржовый промысел. Зверобой выходит в море на быстроходном катере. Прибуксированную добычу вытаскивает на берег трактор. Он же немало помогает и при разделке туш. Важным подспорьем для местного населения стало разведение домашних оленей. Небольшое стадо домашних оленей было завезено с Чукотки совсем недавно, в середине 50-х годов. Завозили их с опаской: выживут ли переселенцы на этой суровой земле, будут ли они круглый год обеспечены кормами? Но результаты опыта превзошли все ожидания: олени не только выжили и размножились (в стаде теперь несколько тысяч голов), но и успели сильно измениться, причем в лучшую сторону. Средний вес оленьей туши на Чукотке достигает пятидесяти килограммов, на острове Врангеля он в полтора-два раза больше. Чукотские олени к весне сильно худеют, островные остаются жирными круглый год. Конечно, этому есть объяснение: на острове нет волков, комаров. А быть может, дело в том, что стадо не опекают пастухи. Олени здесь пасутся там, где желают, они встретили на острове привольную и отнюдь не беспокойную жизнь. Надо полагать, что и пастбища здесь оказались не хуже, чем на материке.

В 1926 г., с началом освоения острова, на нем была организована полярная станция. Ее постройки — жилые дома, мастерские, склады, радиостанция — размещаются на прибрежной песчаной косе в нескольких десятках метров от поселка. В течение сорока с лишним лет здесь регулярно ведутся наблюдения за погодой и снежным покровом, за морскими водами и льдами. Сведения о здешней погоде несколько раз в сутки по радио сообщаются на материк.

Жизнь современных островитян, даже в благоустроенном поселке, конечно, имеет свои особенности; одни из них вообще свойственны Арктике, другие присущи только этой суше.

Внимание свежего человека в первую очередь обращают на себя собаки. У каждого жилого дома привязана (если она не в пути) упряжка, стоят несколько саней. Лай, вой и визг — обычный на улицах шум. «Собачья тематика» — обсуждение достоинств или недостатков четвероногих помощников — занимает в разговорах людей далеко не последнее место.

Хорошая упряжка — предмет гордости владельца, вожделений и зависти его соседей. Это и не удивительно: собачий транспорт все еще очень важен на Севере, и в то же время немалого труда стоит обеспечить собак кормом.

Не так просто добыть здесь воду. «Сырьем» для нее большую часть года служит снег, а «снеголомни» размещаются в ближайших к поселку сугробах. Разрабатываются они при помощи пил, и отсюда к домам снежные блоки подвозятся на собаках. Особенно оживленная работа в «снеголомнях» идет по субботам, в «банные дни». Основным видом топлива на острове служит каменный уголь, доставляемый сюда пароходом. Большая куча угля на прибрежной косе зимой сильно смерзается, и островитянам он достается не легче, чем горнякам.

Основу питания большинства населения составляет мясо. Зимой и дома и в пути едят наструганную ножом мороженую сырую оленину (с ней могут соперничать по своему вкусу лишь немногие из «цивилизованных» блюд). В русских семьях к строганине подается соус из уксуса, горчицы, соли и перца. Эскимосы и чукчи чаще обходятся без приправы, но зато в их меню есть свое острое блюдо — копальгин — свернутое вместе с кожей в виде рулета и заквашенное моржовое мясо. Копальгин, если он сохранился до этого времени, едят и летом.

Чтобы познакомить здешних школьников с белым медведем, вовсе не обязательно вести их на экскурсию в зоопарк (которого на острове, конечно, нет). Случается, что в подходящий момент живого дикого зверя учитель показывает им из окна классной комнаты. Зато самое обычное в средних широтах животное подчас поражает и удивляет местного жителя. Рассказывают, например, какое впечатление произвела здесь первая коза, привезенная на полярную станцию. От нее разбегались в ужасе не только дети, но и собаки. Даже взрослые охотники, много повидавшие на своем веку, не раз отражавшие в море атаки разъяренных моржей, прежде чем выйти на улицу, опасливо выглядывали из дома: не идет ли где «рогатое чудовище».

Медведя у поселка первыми встречают собаки. Фото В. К. Орлова.

У современных эскимосов и чукчей, хотя никто из них, за исключением стариков, не жил в сделанных из шкур ярангах, сохранилось немало обычаев предков. Эти народы всегда любили танцы, но в тесной яранге на долю танцора приходилась площадь, равная подошвам его сапог. И сейчас, в просторных деревянных домах, нередко танцуют, не двигаясь с места либо сидя, либо стоя. Местные танцы, следовательно, исполняются лишь при помощи торса и рук; однако эта особенность нисколько не лишает их динамичности и выразительности (они главным образом изображают разные сцены охоты). В обиходе женщин бытуют, казалось бы, и неудобные теперь, но традиционные, пришедшие из яранг орудия вплоть до ножей имеющих совсем необычную, полулунную форму.

Современные охотники, даже молодежь, обычно с уважением относятся к ворону —

«положительному» персонажу многих сказаний и легенд, родившихся в давнюю пору, в долгие зимние вечера под сводом яранги.

Хотя в домах есть стулья, эскимосы и чукчи предпочитают сидеть и работать на полу. Обычно они пользуются столами с короткими ножками. Это тоже дань прошлому — жизни под низким меховым пологом яранги.

V

Жителей здесь, в общем, и сейчас немного. Поэтому наши, хотя и небольшие по числу участников, экспедиции заметно пополняли население острова. Из зоологов кроме меня здесь были Феликс Борисович Чернявский и Александр Александрович Кишинский. Первый из них принимал участие в экспедиции 1964, второй — 1969 г. (А. А. Кишинский работал на острове также в 1970 г.) Оба они, хотя их с полным основанием можно было отнести к категории молодых людей, были уже зрелыми исследователями, путешественниками по Северу и авторами многих научных работ. В составе экспедиции были и охотоведы, и в их числе — Юрий Анатольевич Герасимов, известный специалист по обездвигиванию диких животных; были и ботаники. В 1964 г. в состав экспедиции входили также кинооператор Анатолий Александрович Попов, большой мастер своего дела, и его юный ассистент Игорь. Участниками нашей работы и незаменимыми помощниками были местные охотники — великолепные знатоки острова и его природы — эскимос Василий Алексеевич Нанаун и чукча Ваня Ульвелькот.

У подножия птичьего базара еще был лед. Фото автора.

В задачи наших экспедиций входило изучение жизни редких животных Арктики — белых медведей и белых гусей и разработка мер, способствующих их охране и восстановлению. Нам предстояло также обследовать птичьи базары и определить запасы обитающих на острове песцов, вообще уточнить состав местного животного населения. Наконец, нам следовало выяснить, годится ли остров для первого опыта акклиматизации в советской Арктике овцебыков. Когда-то они были широко распространены на острове (сейчас здесь встречаются их ископаемые остатки), но теперь сохранились только на севере Америки и в Гренландии. В некоторых местах, в том числе на Шпицбергене, в последние десятилетия они акклиматизированы. У овцебыков хорошее мясо и прекрасная шерсть, они в состоянии довольствоваться самыми скудными пастбищами арктических пустынь и не считаются конкурентами северных оленей; не исключена перспектива превращения их на Севере даже

в домашних животных. Поэтому вопрос о возможности завоза этих животных в СССР и их акклиматизации давно уже обсуждается советскими зоологами. *(Экспедиция установила что климатические условия, рельеф и кормовые возможности острова вполне благоприятны для жизни стада по крайней мере из нескольких сотен овцебыков. Отсюда, как из питомника, они могут расселяться дальше, на другие арктические острова и участки материкового побережья).*

Но основным объектом наших исследований были все-таки белые медведи. Помимо выяснения недостаточно изученных или вовсе не изученных сторон жизни зверей нам предстояло провести здесь полный учет медвежьих берлог. Таким путем мы рассчитывали узнать, сколько животных обитает в Арктике, увеличивается или уменьшается их поголовье.

Нужно сказать, что определение общей численности белых медведей, весьма важное для организации их охраны, представляет собой отнюдь не легкую задачу, поскольку звери рассеяны на громадных и труднодоступных для человека пространствах. В принципе казалось бы, всех их можно пересчитать «по штукам» или «по головам» с самолета. Но такой путь слишком трудоемок и дорог: для одновременного облета всей Арктики потребовались бы десятки самолетов. Кроме того, летом медведей часто скрывает во льдах туман, зимой они исчезают в сумраке полярной ночи. Да и не так-то просто провести эту работу одновременно в пяти государствах, владеющих Арктикой, а, следовательно, и белыми медведями. Приходится поэтому проводить учет на сравнительно небольших площадях Арктики и распространять полученные данные на весь ареал (Область распространения животного (а при этом возможны очень большие ошибки) либо искать косвенные показатели. Ими-то и могут быть данные о количестве берлог в основных медвежьих «родильных домах». Где находятся такие «родильные дома», сейчас известно; с той или иной степенью достоверности можно судить и о том, какая доля общего количества берлог в Арктике приходится на остров Врангеля, а также какую долю среди поголовья медведей составляют беременные, то есть залегающие в зимние убежища, самки... Используя эти сведения и зная сколько убежищ находится на острове, можно, конечно, приблизительно, зато с малыми тратами сил и средств определить современную численность зверей. Проводя здесь учет берлог из года в год, можно получить представление и о том, сокращается эта численность или увеличивается, достаточны ли существующие меры и формы охраны белых медведей.

Предстояло нам также освоить на острове обездвигивание и мечение белых медведей.

Мечение, например, ножными алюминиевыми кольцами птиц получило широкое распространение в зоологических исследованиях. Оно позволяет установить, куда и как мигрируют животные, остаются ли неизменными места их размножения и зимовок, какова продолжительность их жизни и многое другое. В данном случае мечение преследовало также особую цель — организацию более действенной охраны белых медведей. Ведь только так можно выяснить, насколько протяженны перемещения зверей, придерживаются ли они во время кочевок каких-то определенных районов, скажем, морей или даже их участков, или бродят по всей Арктике, а следовательно, все поголовье их представляет единое, постоянно перемещающееся стадо. Естественно, что в первом случае (если действительно существуют «норвежские», «канадские» медведи или медведи, обитающие только в СССР) отношение к животным будет внутренним делом отдельных государств; во втором случае охрана белых медведей превращается в международную проблему и потребует усилий всех арктических стран.

Медвежий «родильный дом»

Двадцатое марта. Хотя температура воздуха и днем не поднимается выше минус двадцати, солнце заметно пригревает. На припеке, на южных склонах холмов, показались черные пятна первых пропарин: снег в этих местах не растаял, а испарился, минув жидкое

состояние.

Островитяне рады недавно появившемуся светилу. На завалинке полярной станции, сняв рубашки, однако в валенках и ватных штанах с утра сидят и загорают, болтая о том, о сем полярники. Блаженно жмурятся, растянувшись на снегу, собаки. В такую погоду с удовольствием принимают солнечные ванны и лемминги. Всюду вокруг поселка показались на поверхности снега их норки.

Лемминг. Фото автора.

Сегодня наш первый маршрут на вездеходе на восток острова. В машину, несмотря на более чем скромную вместимость ее кузова, набилось полно людей. Здесь и вся наша экспедиция, и просто наблюдатели — свободные от вахт полярники. Здесь же бочка с бензином, киноаппаратура, какие-то ящики, поверх них — коробки с петардами и дымовыми шашками. Погрузочно-посадочная суতোлка, и вездеход трогается. Он пробегает по льду лагуны, карабкается на крутой коренной берег, а затем долго пляшет на плотных, будто окаменевших, застругах. Тяжело прыгая по снежным барханам, с размаху ударяясь о них вездеход оставляет на снежной поверхности лишь едва заметные отпечатки гусеничных траков. Путь длится час, другой, третий; люди и предметы успели найти свои места, в кузове

стало относительно свободно. И вот, наконец, остановка. Мы в верховьях Снежной, на заранее намеченном «перспективном» участке.

Дальше по двое или поодиночке, захватив на всякий случай карабины или ракетницы, сунув в карманы две-три петарды, расходимся по распадкам. Вооружившись карабином и петардами, я отправляюсь один. Вдали постепенно затихают человеческие голоса, скрип шагов, и воцаряется какая-то особая, звенящая тишина; кажется даже, что стук сердца и шум собственного дыхания отзываются окрест многократным эхом. Как и на побережье, здесь совсем по-весеннему припекает солнце. Идти в меховой одежде тяжело и жарко. То и дело приходится протирать запотевшие очки-светофильтры, а сняв их, невольно жмуришься защищаясь от потока слепящего света, исходящего солнцем и снегом. Пересекая несколько увалов, спускаюсь на дно глубокого каньона и... неожиданно для себя натываюсь на берлогу.

Продух в снегу выдает еще не вскрытую берлогу. Фото автора.

Это убежище еще не вскрыто медведицей, я мог и не заметить его, тем более что берлога устроена у подножия склона и вход в нее сверху и с боков прикрыт козырьком снежного надува. Чело берлоги, отдушину диаметром немногим более кулака, легко принять за торчащий из-под надува камень. Однако следы дыхания медведицы и медвежат запечатлевшиеся на сине-белой снежной стенке яркими желтыми разводами, выдают отсюда, снизу, их убежище. Присмотревшись, начинаю различать и иней, осевший по краям отдушины, и свисающие с козырька небольшие сосульки. Сомнений нет: где-то здесь, совсем рядом, быть может прямо подо мной, лежит с малышами «матуха», как называют медведица местные охотники. *(В начале мая мне пришлось быть здесь еще раз, и я действительно увидел берлогу, хотя и покинутую семейством, но еще хорошо сохранившуюся)* Медведица, конечно, слышит человеческие шаги и вряд ли рада моему появлению.

Медведица с медвежатами уже покинула эту берлогу. Фото автора.

Позже мы на опыте убедились, что к жилой берлоге, даже вплотную, может без всякого для себя риска, подходить и невооруженный человек. Худшее, что его ожидает, — он увидит на мгновение показавшуюся из-под снега голову зверя и услышит его недовольный голос. Но сейчас рука невольно потянулась к висящему за спиной карабину. С оружием наготове ступая как можно легче (перспектива провалиться в убежище медведицы мне не показалась заманчивой), отхожу на несколько шагов, открываю планшет и наношу на карту первую найденную берлогу.

Можно идти дальше. Оглядываясь по сторонам и невядалеке на увале замечаю одного из своих спутников. Он лежит на снегу, распластавшись, сняв шапку, и, заглядывая поверх заструга, по-видимому, с любопытством за чем-то наблюдает. Вскоре и я лежу рядом с ним и оказываюсь очевидцем интересного зрелища. На противоположном, освещенном солнцем склоне большим округлым пятном чернеет вскрытая берлога. Перед входом в нее хорошо выделяется на гладкой поверхности надува куча снежных комьев, виднеется несколько ям или пещер, явно выкопанных живыми существами. Сняв шапку, я еще больше вытягиваю шею и замечаю на дне оврага обитателей жилища — медведицу с двумя медвежатами. Мать, топчась на одном месте, что-то разыскивает под снегом, временами погружаясь в яму с головой (как потом выяснилось, ее привлекали здесь, за неимением лучшей еды, чахлые стволики ползучих ив). Малыши, хотя и небольшого роста, но уже бойкие и юркие, то суются к матери в яму, то затевают игру: один за другим карабкаются вверх по крутому склону, а затем с увлечением скатываются вниз на животах.

Наши наблюдения прервал зафырчавший вдали мотор вездехода. Едва послышался шум как медведица насторожилась, осмотрелась, а затем махами бросилась к берлоге. Ее обогнали и первыми исчезли в убежище медвежата. Мать напоследок еще раз оглянулась и будто провалилась под снег, удивительно шустро и ловко втиснув свое большое тело в узкий лаз.

В поселок возвращаемся затемно в хорошем настроении. Расчеты на вездеход, пожалуй оправдываются: и зимой на этой гористой суше он оказывается неплохим транспортным

средством. За день найдены и отмечены на карте три вскрытые жилые берлоги. Все эти убежища были обнаружены дважды: сначала при пешем обходе распадков и увалов, а затем уже другими наблюдателями, с вездехода. Значит, и при учете берлог с этой машины могут быть получены достаточно точные результаты.

Собачьи упряжки в пути. Фото автора.

Через день, уже на собачьих упряжках (шум мотора и запах бензина могли осложнить работу), в маршрут отправились наши кинооператоры. Им предстояло снять у берлог медвежьих семейства. Однако на этот раз будто злой рок обрушился на Анатолия Александровича и Игоря: неудачи преследовали их одна за другой. Они начались еще на старте, в поселке. На две нарты уже был уложен объемистый багаж путешественников: киноаппаратура и штативы, ящики с пленкой, спальные мешки и палатки, запас продуктов и собачьего корма; Каюрам и пассажирам оставалось лишь захватить какие-то забытые в домах мелочи. И тут-то, воспользовавшись безнадзорностью, одна из упряжек рванулась плохо державший ее остол (толстая палка с железным наконечником) сдал, и собаки, набирая скорость, помчались по накатанной дороге вниз с пригорка.

Привязанные у домов псы, завидуя, а может быть, сочувствуя беглецам, взвыли разноголосым хором. Наперерез упряжке кинулись люди, но безуспешно. Собаки теперь сами спасались от наступающих на них саней и бежали все быстрее. На крутом повороте сани упали на бок и поволоклись, вздымая снежную пыль, теряя поклажу. Разбросав груз упряжка продолжала мчаться, не снижая скорости, и вот-вот скрылась бы среди торосов, на припае. Сани, конечно, не выдержали бы ударов о льдины и рассыпались бы на составные части... Однако уже на последних метрах суши нарты зацепились за оттяжку радиомачты, и собаки стали. Ремонт саней под ухмылки собравшихся островитян, новая погрузка, увязка

поклажи, к счастью почти не пострадавшей при падении, — и наши путешественники наконец тронулись в путь.

С утра в этот день стояла тихая, солнечная погода, но уже к обеду над вершинами синеющих вдали хребтов повисли белые облачка. Они, казалось бы, не были ничем примечательны, но старожилы посматривали на них настороженно; это были предвестники приближающейся пурги. Действительно, прошло еще немного времени, и струйки снежной пыли потекли с ближайших к поселку увалов. Ветер все крепчал. Ручейки поземки слились в один общий поток. Солнце померкло. За стенами домов загрохотала, застонала пурга. Упряжка встретила с ней, едва отъехав от поселка на десяток километров. Собаки легли утомленные борьбой с ветром и снежными вихрями. Пришлось поставить в ближайшем распадке палатку и забраться «пурговать» в спальные мешки.

Путешественники пережидали пургу двое суток. Но и на этом их испытания не кончились. Тронувшись при первой возможности дальше, они попали в новую переделку.

Мерно поскрипывая, сани опять подпрыгивали на застругах, часто семенили по снегу собачьи лапы. Пригревало солнце. Порядком померзнув и помучившись в тесной палатке, не только кинооператоры, но и каюры клевали носами. Нарта Анатолия Александровича отстала. Вдруг собаки, на которых он ехал, резко свернули в сторону и с азартным лаем бросились к берлогу, не замеченной предыдущей упряжкой. То ли от толчка, то ли с перепугу не сообразив сразу, в чем дело, первым слетел с саней каюр. Нарта помчалась еще быстрее. Анатолий Александрович, пока еще ничего не понимая, лишь крепче ухватился за веревки, прижимая кинокамеру к груди. Он свалился уже у самого входа в берлогу, и на его глазах нарта вслед за собаками исчезла в убежище. Из-под снега слышались рев, визг, и тут же на поверхность стало вылетать все то, что еще недавно было упряжкой. Происшествие длилось секунды. Следующей картиной были валявшиеся обломки нарт, растерзанная поклажа, окровавленные и корчившиеся на снегу собаки... О продолжении маршрута не могло быть и речи. Оставив невдалеке почти весь груз, на уцелевших санях несчастные путешественники вернулись в поселок.

...Дождавшись окончания пурги, я поднялся на одну из ближайших к поселку гор, сел на камень и осмотрелся. Ветер совсем стих, но солнце смутно проглядывало сквозь дымку неярким малиновым диском. Где-то слышался крик ворона, единственного на острове пернатого зимовщика. Из-под снега почти у моих ног блеснули бусинки-глаза. После долгих колебаний копытный лемминг выбрался наружу, прокатился пушистым светло-серым шариком и скрылся в соседней норке.

Один из дальних склонов сплошь заснежен, на поверхности его угадываются гряды заструг, желоба, недавно промытые поземкой. На фоне снега виднеется какое-то темное пятнышко. Бинокуляр превращает его в нечто более конкретное: медведицу с двумя медвежатами. Звери идут довольно быстро, деловито, не меняя направления. Мать впереди, малыши один за другим сзади. Семья держит путь к ближайшему участку побережья. Дальше, почти на границе суши и припая, бинокль открывает еще одну семью. Третья показывается на гребне хребта. Видимо, начался массовый уход медведиц с острова на льды, а раз так — наступило лучшее время для поисков и учета медвежьих берлог.

Палаточный городок экспедиции. Фото автора.

Ранним утром двадцать восьмого марта вездеход вышел в свой следующий маршрут. На этот раз нам предстояло обследовать центральную часть острова, достигнуть горы Китовой где, по рассказам, ложится много медведиц, наметить место будущего летнего лагеря у горь Тундровой. Вновь сутолока с посадкой и погрузкой, теснота в кузове на первых километрах пути, пока люди и вещи не нашли своих мест... Теперь с нами нет праздных зрителей, но груза прибавилось: поскольку маршрут продлится дня два-три, захватили не одну, а две бочки с горючим, спальные мешки, оленье шкуры, запас продуктов.

Горные хребты перед поселком труднопроходимы, поэтому решаем пересечь их западнее от бухты Сомнительной.

Без происшествий минуем равнинную часть пути, взбираемся на перевал, и перед нами открывается величественная панорама горной страны. К востоку тянутся громады Центральных гор. Венчают их тающие вершинами в мгlistом небе самые высокие на острове пики Советский и Берри. Впереди, на севере, виднеется гора Маяк, дальше — гора Первая. На западе, действительно похожие на стадо спящих исполинов, громоздятся кряжи Мамонтовых гор. Строго и даже мрачно величие этих гор. Куда ни взглянешь, склоны почти бесснежны и подчас чуть ли не до самых вершин покрыты пологими каменными россыпями. Здесь нет мест, пригодных для устройства берлог. Разве что самые невзыскательные из медведиц ложатся в хилых наносах, белеющих кое-где в распадках и речных долинах.

Но жизнь в этой горной пустыне все-таки теплится. На рыхлом снегу, укрывшемся от ветра среди заструг и камней, начинают попадаться отпечатки широких, похожих по форме на полумесяц оленьих копыт, а вскоре показывается и оленье стадо. Оно сгрудилось в низине и как периной, окутано густым облаком пара. Виднеется только часть стада, ближайшая к вездеходу, и, тем не менее, бросается в глаза, что олени непрерывно топчутся на месте, с краев протискиваются внутрь стада, где, конечно, теплее (мороз сегодня около сорока).

Наиболее крупное стадо диких северных оленей обитает в СССР обитает на полуострове

Вперемежку с оленьими кое-где видны и песцовые следы. Вряд ли это случайно. Разбивая копытами плотный снег и добираясь до растительности, олени, вероятно, раскапывают подснежные жилища леммингов, облегчая песцам охоту на зверьков.

Яркие пятна накипных лишайников, красных, рыжеватых, желтых, местами расцвели отвесные утесы. Необычно смотрятся эти «цветники». Они, презревшие морозы и пургу воспринимаются сейчас как символ самой жизни, вечной и всепобеждающей.

Последний перевал — и открывается обширная равнина тундры Академии. На горизонте вновь показывается скованное льдами море. Конечная цель маршрута близка.

На таких склонах чаще всего встречаются берлоги. Фото автора.

Гора Китовая — невысокий вытянутый кряж, до вершины заметенный снегом. Еще издали замечаем на склоне берлогу, потом еще одну. К первой карабкаемся вдвоем с Феликсом. Склон крутой, до берлоги метров пятьдесят. Подняться к ней можно только по ступенькам. С собой мы взяли топор и лопату, но от лопаты толку мало. Даже топор, со звоном ударяясь о надув, с трудом вгрызается в него, высекая брызги снежной пыли. Наша лестница медленно растет, обходит сбоку медвежье убежище — и вот оно рядом. На полу в коридоре скопился свежий снег. Значит, берлога пуста, семья уже покинула ее.

На всякий случай бросаем внутрь куски снега, прислушиваемся. Тихо. Лаз узкий, сантиметров восемьдесят в диаметре. Медведица проходила в него свободно, но человек тем более в кухлянке, протискивается сюда с трудом. Первым заползает в берлогу Феликс, он меньше меня. Будто уже из недр самой горы Китовой раздается его приглушенный крик «Еще есть место, заходи». «Захожу», конечно, тоже ползком. Прямой горизонтальный коридор длиной метра два, ступеньки вниз, и вот сама берлога. Хотя уже вечерело, здесь всего лишь полумрак. Видно, что помещение просторное, яйцеобразной формы. Вдвоем мы

свободно сидим здесь, при желании можем и лежать. Нельзя только встать в полный рост (высота камеры оказалась равной ста шестидесяти сантиметрам). На голубоватых стенах и потолке тускло поблескивают кристаллики снежных зерен. Пол темнее: затоптан лапами жильцов. Измерив сантиметровой лентой берлогу и выкурив по сигарете, с неохотой выбираемся наружу — так здесь уютно, тихо и чисто.

Засветло успеваем осмотреть, обмерить, описать еще две берлоги, потом ужинаем: едим консервы и пьем чай (все это разогрето на паяльной лампе) — и как-то умудряемся втиснуться все вместе в вездеход спать. В машине теплее, чем под открытым небом, хотя бы потому, что всю ночь через полчаса — час приходится заводить и прогревать мотор. И все равно даже в спальном мешке совсем не жарко. Ноги мерзнут. Кто-то не выдерживает и ступая прямо по телам, пробирается к выходу. Человек топчется, бегают вокруг вездехода (слышно, как звонко скрипит под ним снег), Но, заморозив нос, опять протискивается в «братскую могилу». Под утро, еще в сумерках, поднимаемся почти все сразу с одним желанием — отогреться чаем; дрогнуть в мешках уже не вмогуту.

День уходит на обследование гор Китовой и Тундровой. Особенно тщательно обходим и объезжаем Китовую, но берлог здесь оказывается меньше, чем можно было ожидать: всего семь. Все они уже пусты, хотя следы зверей у некоторых берлог совсем свежие — вчерашние или позавчерашние. Всюду одна и та же картина: медведица раскапывала снег у подножия склона, вырывая ямы до метра глубиной, ела траву, ветки и стебельки ив. Медвежата резвились, съезжали с гор. По всем распадкам тянутся цепочки следов матерей с детенышами, шедших самой короткой дорогой к морю.

Заманчиво было бы увидеть самих обитателей берлог, освоить с помощью вездехода «бескровную» ловлю медвежат (чтобы добыть их, медведей до недавнего времени убивали). Бинокли то и дело обшаривали окрестные склоны, тундру Академии, но тщетно. И вдруг из-за ближайшего мыса совсем рядом с вездеходом неожиданно вышли медведица с медвежонком! Звери шли спокойно: она медленно ступала, наклонив к земле голову, малыши то отставал, то трусцой забегал вперед и путался у матери под ногами. Услышав взревевший мотор, медведица тотчас обернулась. На какие-то мгновения она застыла, рассматривая источник шума и беспокойства... и вопреки ожиданиям пустилась бежать не по равнинной тундре, а узким, извилистым распадком обратно в сторону гор. Переваливаясь на заступгах вездеход двинулся в погоню. Но где там! Звери, словно они хорошо знали возможности машины, ее «слабые места», взбирались на крутые каменные россыпи, ныряли в глубокие каньоны и на первом же километре исчезли из поля зрения.

Семь уже покинутых убежищ найдены и на склонах горы Тундровой. Итак, двухдневный «счет» — четырнадцать берлог! С юга к горе Тундровой подходит обширная котловина, из года в год дающая приют множеству белых гусей. Через месяц-другой придется жить в ней и нам. Здесь есть холмы, ручьи, текущие по многочисленным оврагам. Но все это летом. Сейчас снег до предела упростил рельеф, и нелегко решить, где лучше будет соорудить наш лагерь, обосноваться так, чтобы палатки стояли на сухом и ровном месте, недалеко от воды, были укрыты от сильного ветра и в то же время находились по возможности близко к гусиному гнездовью. Еще одна ледяная ночь, потом день пути по горным кручам, подъемы и спуски, многие из которых сошли бы за великолепные цирковые трюки (обратно мы едем прямым путем, а в горах это вовсе не значит, что самым легким и коротким), — и вот уже поселок. Пышущая жаром печка, заслуженная чарка к ужину, блаженный сон...

Вечереет... Фото автора.

Дни становились все длиннее. В начале апреля солнце можно было видеть на небосклоне еще и в девять вечера. До десяти длились сумерки, и лишь позже в небе вспыхивали первые звезды, разгорались сполохи. Но зима не сдавалась, морозы даже стали сильнее, зачастили вьюги.

В очередной маршрут мы отправились на собаках. Нас четверо: Феликс, я, двое каюров — Нанаун и Ульвелькот. Первый из них — сухощавый старик небольшого роста с добрым улыбчивым лицом, второй — средних лет, кряжистый, на первый взгляд мрачноватый Нанаун, последний из живых спутников Ушакова, без малого сорок лет провел на острове и знает его как свои пять пальцев. О лучшем проводнике нельзя и мечтать. Старик прихварывает: еще прошлой зимой сломал ногу. Но просьба экспедиции о помощи льстит ему. Согласие Нанауна решило успех наших переговоров и с Ульвелькотом. Ваня — владелец лучшей здесь упряжки и вообще один из самых «справных» охотников.

Выезжаем вечером в расчете на ночлег в Ваниной избе: до нее от поселка километров тридцать. С Ваней едет Феликс, с Нанауном — я. Ударяясь о гребни заструг, подпрыгивает и скрипит тяжело груженная нарта. Старик молчит. «Кх-кх», «подь-подь», — время от времени подправляет он бегущих собак, где-то тормозит, чертя снег остолом. Дорога хорошо видна, светят сполохи. Через весь небосклон с востока на запад протянулись два гигантских желтовато-розовых змея. Они то ползут куда-то, лениво извиваясь и точно повторяя движения друг друга, то замирают и подолгу лежат недвижимо. Но вот тела их переплетаются в судорожном объятии, катятся клубком, ярко вспыхивают и вновь распадаются. Змеи опять ползут, сливаются, расходятся и незаметно исчезают, превращаясь в занавесь. Но и занавесь тоже не стоит на месте. Она колыхается, желтеет

зеленеет, становится алой, снова желтой. Палитра невидимого художника постепенно иссякает. Складки устойчиво синеют, распрямляются, занавесь взлетает ввысь и принимает обличье большущей запятой.

Часами можно неотрывно смотреть вверх, поражаясь бескрайней фантазии природы вышивающей в темном небе замысловатые узоры сияний. Лениво роясь, сменяют одна другую мысли. Нанаун молчит. Замечаю, что он тоже смотрит вверх. Значит, и ему еще не наскучило это зрелище. О чем он думает? Возможно, вспоминает молодые годы, удачные охоты, несбывшиеся мечты... Все может быть.

С головы до пят мы в оленьих мехах: меховые рубахи — кухлянки, на ногах мягкие меховые сапоги — торбаза, меховые же чулки — липты. И все равно мороз добирается до тела. Постепенно немеют пальцы ног, холод ползет по лопаткам. Пора погреться. Соскакиваю с саней и трусцой бегу рядом сотню-другую метров. То же проделывает Нанаун «Греясь», лучше держаться за дугу, укрепленную поперек нарты. Собаки, почувствовав облегчение, прибавляют скорость, норовя вообще освободиться от груза. Не случайно за санями тянется длинная веревка. Упал человек с саней, замешкался — у него все-таки остается последний шанс не распрощаться с упряжкой, поймать конец веревки.

Пора, наверное, рассказать о том, как вообще ездят на собаках. На острове Врангеля, как и всюду на востоке Сибири, их запрягают цугом, одна пара за другой, по бокам потяга — длинной веревки, ремня или куска нетолстого стального троса. На севере Западной Сибири и Европейской части ездят иначе: там чаще пользуются веерной упряжкой, когда собаки бегут рядом в одной шеренге. И тот и другой способы имеют свои преимущества и недостатки. В первом случае собаками управляют голосом, во втором — вожжой. Езда цугом требует собак более «высокой квалификации», лучше обученных, чем при езде веером, она не так маневренна (нельзя, например, повернуть нарту круто в сторону), зато экономнее расходует собачьи силы. При цуговой упряжке на нарту можно положить больше груза, легче проехать по морскому льду, среди торосов, по дну узких оврагов, по глубокому, рыхлому снегу. И в том и в другом случае в сани запрягают от восьми до двенадцати собак. С поклажей в четыреста — пятьсот килограммов по приличной дороге упряжка движется со скоростью до семи восьми километров в час.

Собачий транспорт существует на Севере с незапамятных времен. И, тем не менее, даже в наши дни он себя не изжил. Четвероногие помощники выносливы, неприхотливы, способны пройти там, где уже нет пути вездеходу. Для них не существует нелетная погода. Здешняя собака не просто «друг человека», а необходимый рабочий скот, без которого в тундре не проживешь. Поэтому взаимоотношения ее с хозяином здесь своеобразны, строятся, как правило, на чисто утилитарной основе и лишены каких бы то ни было сантиментов. По собачьим спинам то и дело гуляет тяжелый остол, однако захромавшего пса каюр отпряжет и то и посадит на сани. При насте, на колючем весеннем льду, хозяин не поленился надеть на каждую собачью ногу специально сшитые из нерпичьей кожи «сапоги», а на привалах терпеливо штопает десятки порванных подметок.

Труд собак тяжел, и, тем не менее, каждая поездка воспринимается ими как радостное событие. Дома собак постоянно держат на привязи, поэтому сборы в дорогу всегда проходят под веселый возбужденный лай. Еще бы, можно будет размяться, а при случае и свести старые счеты с соседями! В цуговой упряжке до тех пор, пока собаки не выдохлись, они трудятся особенно увлеченно и азартно и к своей работе относятся словно к интересной игре. Каждая из них преследует и изо всех сил старается догнать предыдущую. Исключения составляют лишь собаки передовой пары: их удел — спасаться от преследования (остановиться и завязать драку «правила игры» не позволяют: каюр здесь выступает в роли строгого судьи).

Конечно, важную деталь в собачьем транспорте составляет нарта. В изготовлении ее чукчи и эскимосы достигли необычайного совершенства. Местная нарта прочна, легка, вслед за собаками протискивается в самые узкие щели (наши кинооператоры совсем недавно имели случай в этом убедиться). На ходу она «дышит» всеми своими сочленениями изгибается, как змея, скрипит, но даже при тяжелом грузе и сильных ударах не рассыпается. В большой мере это объясняется тем, что в ней нет ни одного гвоздя: все ее части лишь хитро скреплены ремнями.

* * *

Небо постепенно заволакивается облаками, сияние тускнеет, и к Ваниной избе мы подъезжаем темной ночью. Жилье по крышу замечено снегом и, даже когда в окне загорается неяркий огонек, поначалу кажется угрюмым. Но вот слышится несколько неуверенных хлопков, затем частая трескотня мотора — и в окнах вспыхивает, освещая упряжки и заиндевелых путников, яркий электрический свет. Оказывается, здесь своя электростанция. Жилье внутри просторное, с высокими потолками, теплое, чистое. Оно мало чем отличается от дома где-нибудь в подмосковной деревне: те же сени, дальше кухня с столом, покрытым клеенкой, лавками вокруг него, плитой; комната с никелированной кроватью и горой подушек. Неважно, что лицо хозяйки смугло и скуласто, что оленью ногу она разделявает ножом в виде полумесяца и без ручки.

Сброшены кухлянки, торбаза, опустошен почти ведерный чайник крепкого чая, исчезла гора вареной оленины, которую хозяйка подала в деревянном корытце (это уже сервировка по чукотскому этикету). На столе снова чайник. Ваня, в синей сатиновой рубашке, пьет чай с блюдечка, отдувается, по его лбу струится пот. «Расейский» мужик, да и только. Каждой шутке Нанауна — старик любит побалагурить — вторит Ванин, как, впрочем, и общий, смех. Ваня смеется особенно заразительно, как-то по-детски непосредственно, за фиолетово-загорелыми губами блестят ровные, крепкие, ослепительной белизны зубы. Тепло и сытный ужин делают свое дело. Глаза собеседников соловеют, разговор умолкает. Феликс первым покидает компанию и вытягивается на постеленных хозяйкой оленьих шкурах. Ложимся и мы с Нанауном, вслед за нами — Ваня, и только Люся, его жена, прежде чем остановить движок хозяйничает, звякая посудой, на кухне.

Выезжаем рано, едва показалось над горизонтом холодное, неяркое солнце. Мороз щиплет нос и щеки. Семяят, не оставляя на плотном снегу следов, собачьи лапы, ритмично постукивают о гребни заструг нарты. Цель нашего маршрута — обследовать всю западную часть острова от побережья до уже знакомых нам гор — Тундровой, Первой и Мамонтовых.

Тихо. Наши тени, бегущие впереди по снегу, все укорачиваются: солнце набирает высоту, постепенно разгорается, начинает даже припекать. Но все его тепло остается пока снаружи на кухлянках. Чтобы согреться, приходится, как и вчера, соскакивать с саней. Тем не менее чувствуется дыхание весны. Откуда-то опять донесся голос ворона. Но это уже не тот спокойный, деловитый крик, что звучал у поселка дней десять назад. Теперь он окрасился новыми оттенками, наполнился томлением, торжеством, страстью. Значит, скоро уже

приступят вороны к гнездовым делам.

Нанаун поворачивается ко мне, сбрасывает рукав кухлянки, достает из-за пазухи папиросу закуривает. «Метахлюк, — говорит он, показывая рукой вверх, — мы его не стреляем, не ругаем тоже». На мой вопрос: «Почему?» — старик с серьезным лицом рассказывает, что когда-то небо было постоянно черным, а ворон облагодетельствовал человечество: это он принес на землю свет. «Один раз клевал — дырку сделал, звезда вышла, другой раз клевал — другую звезду сделал, потом много раз клевал — солнце получилось». Историю эту я знал и раньше, читал ее в сборниках чукотских сказок. Конец ее приходится рассказывать уже мне: «А знаешь, почему он черный?» Нанаун либо не слышал всей сказки, либо запомнил ее, а может, из деликатности дает и мне возможность блеснуть эрудицией. «Он раньше белый был, а как проклевывал большую дыру, так солнце его и опалило, с тех пор черный стал» Нанаун смеется.

Весна волнует не только воронов. На рыхлом снегу сегодня впервые начали встречаться парные следы песцов (близится и их брачная пора), желтые отметки самцов появились на вершинах заструг.

Ульвелькот останавливает собак. «Нарта кричит, войдать будем», — говорит Нанаун Полозья и впрямь «кричат» — скрипят, а «войдать» — значит намораживать слой льда на скользкую поверхность; сани на «ледяном ходу», особенно по снегу, идут гораздо легче. Подхватив остолом сани, Нанаун валит их на бок. Затем он достает из-за пазухи пластмассовую фляжку с водой, отвязывает от дуги лоскут медвежьей шкуры, набирает воду в рот, прыскает ее на мех и легкими, быстрыми мазками размазывает по полозу. Переваливает сани на другой бок и войдает второй полоз. Все, можно ехать дальше.

Пересекаем реку Мамонтовую. Где-то слева от нас, на побережье, остается охотничья избушка Нанауна. Большую часть года он живет вместе с семьей в поселке, но промысляют песцов уже много лет подряд приезжает сюда. Тут ему знакома каждая кочка, каждый камень. Хорошо знают эти места и собаки, они упорно норовят свернуть к избушке и, похоже удивлены поведением хозяина, почему-то минующего свое жилище. Собаки, конечно, не вездеход, дорога теперь кажется очень длинной, но все же мы добираемся до реки. Неожиданной, едем ее долиной и попадаем в горы. Это уже Западное плато. Останавливаемся, еще раз войдаем сани, уточняем по картам маршруты, договариваемся о месте встречи и ночлега и разъезжаемся по разным распадкам.

Нанаун действительно знает эти места великолепно. «Вот, смотри, сейчас берлога будет», — говорит он, и в самом деле на склоне появляется характерное, округлой формы черное пятно. «Здесь я много раз медведя стрелял» — опять берлога. Чтобы выяснить, пусты ли убежища или еще заняты, и не лазить для этого к каждому из них, отпрягаем и спускаем одну из собак. Невзрачная, небольшого роста, бурая лохматая собачонка, видимо понимает, чего от нее хотят, и усердно принимается за работу. Она бесстрашно карабкается к берлоге, заглядывает внутрь, принюхивается и тут же с виноватым видом, выражая движениями хвоста свои извинения, возвращается обратно. Убежище пусто. Находим около десятка медвежьих жилищ и все они оказываются уже необитаемыми. Каждое я наношу на карту, отмечаю в блокноте экспозицию и крутизну склона, зарисовываю расположение берлоги, примерно расстояние до нее от подножия горы. В некоторые берлоги заползаю, обмериваю их; тем временем собаки получают передышку, а Нанаун войдает сани.

Кличка нашего лохматого помощника Апсинок (что означает по-эскимосски «лемминг»). В Ваниной упряжке есть красивый, волчьей масти кобель Пипекальгин — это тоже «лемминг» но по-чукотски. Вообще в обеих упряжках большинство собак носит имена птиц или зверей. У Нанауна, например, есть и Лохлок (белый гусь), и Альхпа (кайра), и Анипа (белая сова) кстати, это кобель, и вовсе не белый: либо он от рождения сер, либо очень грязен. Наши сани тянут и Ныльхак (баклан), и даже Аммихлюк (горностаи), хотя горностаи на острове не водятся. У Ульвелькота в упряжке тоже есть и «баклан» — Игвыргвы, и «белая сова» — Таккаль.

Апсинок отбегает в сторону, поднимается на невысокий надув и останавливается. Шерсть

у него на загривке поднимается дыбом, пес заливается яростным лаем. Нанаун с трудом останавливает метнувшуюся туда же упряжку и отводит ее в сторону, потчует наиболее темпераментных собак остолом. Потом достает с нарты карабин. Наше приближение вливает в Апсинака новую порцию ярости. Он царапает снег лапами, пытается грызть его зубами. Перед ним, если внимательно присмотреться, синее пятно сантиметров тридцати в диаметре. Это нескрытая берлога. Медведица, видимо, лишь начала прокапывать лапами наружу, и следы ее работы сейчас просвечивают сквозь снег. Апсинак чует запах зверей, мечется у своей находки, не желает уходить отсюда. Приходится оттаскивать пса силой за ошейник. Шерсть у него на загривке еще долго остается взъерошенной. Как потом выяснилось, Феликс тоже взял себе в помощники собаку, водил ее с собой на длинном поводке и также обнаружил нескрытое убежище.

К месту ночлега подъезжаем в сумерки почти одновременно. Нанаун и Ульвелькот сразу же принимаются рубить для собак моржатины. Мы с Феликсом ставим палатку, крепим ее к нартам и камням, как будто специально для этой цели выглядывающим из-под снега.

Все лица курчавятся инеем, хлопья его сыплются с ресниц, капюшона и кухлянки. Иней посеребрил спины людей, осел на шерсти собак. Весь сегодняшний день, наверное, было за сорок. Морозы заставляют с собой считаться, создавая немало осложнений в работе.

Например, проблема питания в маршруте. Что из продуктов можно брать в дорогу? Хлеб конечно, исключается. Через несколько часов он настолько каменеет, что перестает поддаваться топору, не говоря уж о ноже. Консервы? Но без паяльной лампы разогреть их тоже непросто, к тому же они опять мгновенно застывают уже в ложке, на пути от банки к рту. Остается мясо; его можно варить (лучше и быстрее на чукотский лад, доведя воду с мясом лишь до кипения; оленина в таком случае получается особенно вкусной — сочной и душистой), а еще проще использовать в виде строганины. Именно так предпочитают питаться в поездках местные охотники, и с их вкусом вполне можно согласиться.

Затем проблема бород. Гордые приметы мужского лица — борода и усы оборачиваются на морозе большим несчастьем. Осевший на них иней тает и превращается в лед. Ледяная корка все нарастает, слепляет губы, прочно примораживает щеки и подбородок к капюшону, кухлянке. Чтобы открыть рот, сосульки на бороде и усах приходится вытаивать голыми руками, а это занятие не из приятных. Хорошо нашим каюрам: редкие волосы на их лицах растут медленно и в непродолжительных поездках не доставляют им заметных хлопот. Мне и Феликсу приходится ежедневно бриться. Я обычно вожу с собой за пазухой (чтобы не разбилась, и смазку не сковал мороз) механическую с пружинным заводом бритву. Бриться нужно в несколько приемов, время от времени отогревая стынувший механизм под кухлянкой теплом своего тела.

С детства знакомые вещества и предметы на морозе неузнаваемо меняются. Поставив палатку, переключаемся на приготовление обеда (он же и ужин). Феликс отвязывает бидон с керосином, достает примус, отворачивает пробки и замирает в удивлении. Из бидона лениво сочится нечто вроде засахарившегося меда, белое и тягучее. Керосин замерз. Феликс подносит к моему носу бидон и требует, чтобы я засвидетельствовал этот факт. Но вот примус как-то наполнен, керосин в нем предварительно растоплен на пламени зажженной бумаги. С охотничьим топориком и чайником иду «по воду» к ближайшему застругу. Теперь приходит мой черед удивляться. Стальной топор, уже побывавший в переделках, на практике показавший отличные качества металла, не выдерживает первого же удара о... снег. Громадная выщербина, топор безнадежно изуродован. Теперь уже я прошу Феликса засвидетельствовать необычный факт.

Собаки трудятся каждая над своим куском мерзлого мяса, мы тоже приступаем к обеду. Обед незатейлив. От оленьего задка отрубается внушительный кусок, рубится топором же на более мелкие части (*Тут нужен навык; сильный удар может лишить нас не только этого топора, но и обеда. Мерзлое мясо хрупко как стекло, и осколки его разлетаются далеко в стороны*). Ножи превращают мясные щепки в белесые, кудрявые стружки. Это и есть строганина. Трапезничаем в палатке, сидя вокруг шипящего примуса. «Стружки»

аппетитно тают во рту, на месте съеденных появляется все новое пополнение. Затем густой ароматный чай, и лагерь утихомиривается.

Утром снова в путь. За этот день осматриваем последние притоки Неожданной, весь бассейн реки Гусиной, верховья реки Мамонтовой. Еще день уходит на осмотр западного побережья, большей части Безымянных гор. На картах появляются все новые линии — пройденные маршруты и точки — найденные берлоги. Несколько раз собаки облаивают затаившихся в убежищах зверей, обнаруживают под снегом тех медведиц, что еще не успели прорыть лаз наружу. Наши, товарищи едва не попадают в переделку вроде той, что досталась на долю кинооператоров. Это было на исходе дня.

Феликс и Ульвелькот увлеклись беседой. Неожиданно для них уставшие были собаки взревели, припустились вперед, и перед упряжкой, всего в нескольких метрах, показалась берлога, и мелькнул желтый зад нырнувшей в убежище медведицы. Собеседники, к счастью не растерялись. Феликс повис на дуге и повалил нарту на бок, Ваня успел забежать вперед и загородил собакам вход в берлогу. Криками и остолом удалось оттащить возбужденных псов.

У Василия есть на острове «собственная» лагуна. Она названа в его честь и так и значится на картах — лагуна Нанауна. На берегу ее мы разбиваем свой третий лагерь. Настроение поднимается. Путь подходит к концу. Остается обследовать лишь северные склоны Безымянных гор и горы Медвежьи, а там уже гора Тундровая, маршрут сомкнется с прежним, вездеходным. Нужен всего день хорошей погоды, хотя бы такой же, как вчера и позавчера.

Следующий день занимался тоже тихим, солнечным и морозным. Быстро позавтракали, собрали лагерь, тронулись. Уже закончено обследование Безымянных гор, остаются лишь Медвежьи. Вот они, два невысоких конуса, особняком стоящие среди тундры Академии. По рассказам многих охотников, подтвержденным и Нанауном, медведицы в тех горах ложатся особенно густо, берлог там бывает «видимо-невидимо». Значит, впереди самая интересная часть маршрута. Но вот жгучий порыв встречного ветра, еще порыв, еще... С вершин заструились потоки поземки. Они сливаются, покрывают все видимое пространство тундры Академии сверкающей пеленой, непрерывно меняя окраску, поднимаются ввысь. Зрелище очень красивое, но лучше любоваться им из окна, сидя в теплом доме. А сейчас снег немилосердно сечет кожу, душит, слепит, сбивает с ног. Собаки стали.

Небо затягивается мутной дымкой, сквозь которую проглянул было безликий солнечный диск, но вскоре исчез. Сгущаются сумерки, хотя сейчас только середина дня. Где-то в снежных вихрях исчезает вторая упряжка. Нанаун наклоняется над лежащими собаками, и ветер затевает с ним злую шутку. Он подбирается под полы кухлянки, надувает их, как паруса и с силой подхватывает старика, будто пытаясь вознести живым на небо. Я ловлю его за полы, когда он пролетает мимо нарты. «Что делать будем?» — спрашиваю Нанауна. «Тихое место искать надо», — говорит он. Но где найти затишье? Назад ехать обидно. Лучше уж пробиваться вперед, против ветра, к Медвежьим горам. Вероятно, туда же движется и вторая упряжка (на тех санях палатка, примус, а значит, вообще все жизненные блага).

Бесконечен, мучителен путь против ветра, хотя предстоит пройти не так уж много, всего два-три километра. Вслед за идущим человеком движутся собаки. Шаг за шагом, шаг за шагом, с остановками, отдыхом. Но вот ветер стихает: мы попадаем в «ветровую тень» тех самых гор, к которым стремились все эти дни. Здесь без конца сыплет сухой снег, но это уже совсем не то, что бушующий позади ураган. Забиваемся вглубь первого встречного распадка и в полном изнеможении опускаемся на сани. Ложатся и тотчас свертываются калачиком собаки. Достаем окоченевшими руками спальные мешки, залезаем в них прямо в торбазах и кухлянках и так, сидя, тесно прижавшись спиной к спине, в полудремоте, проводим остаток дня и ночь. Снег продолжает идти. На плечах, голове, коленях растут и тяжелеют сугробы. Время от времени нужно вставать и стряхивать их. Несколько раз приходится выбираться из мешков и идти поднимать собак, иначе они задохнутся под снежным покрывалом. К утру теплеет, снег, попадая на лицо, тает, превращаясь в снежную кашу. Ветер становится порывистым и постепенно стихает. Мглу рассеивает восходящее солнце. «Живой?» —

окликаю притихшего соседа. «Живой», — отвечает Нанаун, стряхивая с себя сугроб.

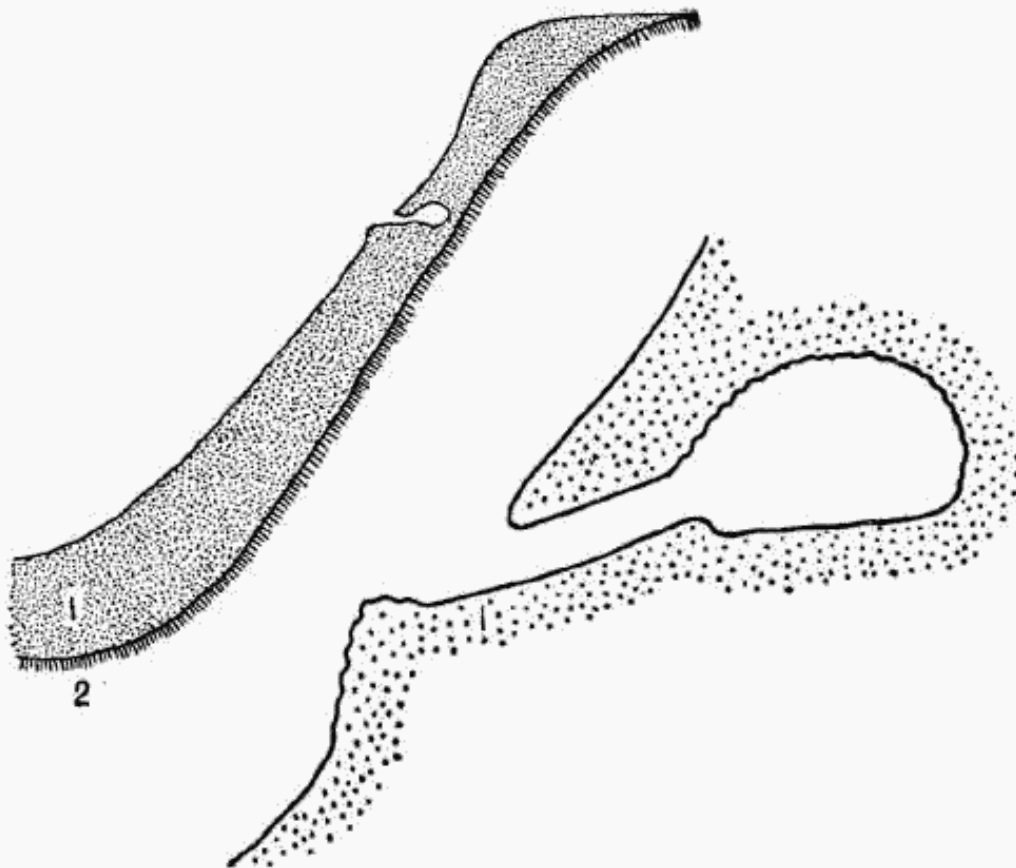
Чтобы осмотреться, согреть онемевшие ноги и руки, забираюсь по надуву на склон горы вырубая ступеньки прикладом карабина. Пурга кончилась. С гребней заструг струятся лишь мелкие ручейки снежной пыли. Открывается равнина тундры Академии, виднеется застывшее море — гряды сверкающих на солнце торосов. Никаких следов второй упряжки. Уже собираюсь выстрелить в воздух, чтобы дать знать о себе пропавшим товарищам, как вдруг замечаю, что в нескольких шагах от меня шевелится снежный ком! Он медленно разворачивается и постепенно принимает обличье медвежьей головы: два темных глаза, черный нос, короткие, округлые уши. Наши взгляды встречаются. Медведица замирает от неожиданности, фукает, вытягивая губы дудочкой, и скрывается в убежище. Только после этого я обращаю внимание на сами склоны и вижу на них берлогу... вторую, третью...

На обследование Медвежьих гор уходит часов пять-шесть. Поворачиваем к дому, тщетно осматриваясь по сторонам, ища следы нарты Ульвелькота. Она появляется, едва мы минуем первые отроги Безымянных гор. Оказывается, в пургу Ваня тоже начал искать затишья, но счел за благо повернуть назад, в уже знакомые им с Феликсом места. Ночлег и был куда приятнее нашего: в палатке, после горячего чая. Теперь они ехали разыскивать нас.

До Ваниного дома добираемся опять ночью. За столом во время ужина подводим предварительный итог: обследована вся западная часть острова; найдены и закартированы шестьдесят с лишним берлог; слегка обморожены щеки и носы у Нанауна и у меня.

* * *

Теперь выясняются некоторые малоизвестные стороны зимней жизни медведиц. При знакомстве с их убежищами, прежде всего, бросается в глаза привязанность животных к морским льдам. Не меньше половины найденных нами на острове берлог (а всего в 1964 году мы обнаружили их около двухсот) располагалось в прибрежных участках, не дальше восьми километров от моря. Лишь некоторые медведицы забирались далеко вглубь суши, за двадцать и даже за тридцать километров от побережья. Очень важен при устройстве берлог характер снежного покрова, условия его накопления и таяния. Пожалуй, особенно охотнее медведицы заселяют крутые северные склоны гор. Это, очевидно, не случайно: на южных склонах, лучше прогреваемых летним солнцем, к осени уже не остается прошлогодних снежных наносов. Самые мощные надувы образуются на склонах крутизной двадцать — двадцать пять градусов, и именно здесь встречается больше всего берлог. Глубина снега определяет и высоту расположения берлоги на склоне. У самого его основания убежища обычно отсутствуют: наносы здесь слишком велики, и медведице, залегшей у подножия склона, весной бывает трудно выйти наружу. Подавляющее большинство берлог по этой причине устроено в верхней части склонов, где глубина снега достигает двух-трех метров. Там, где сочетаются благоприятные условия рельефа, накопления и таяния снега, как например, на Медвежьих горах, медведицы ложатся очень близко одна от другой, подчас на расстоянии всего тридцати-сорока метров (был даже случай, когда две медведицы оказались лежащими буквально рядом).

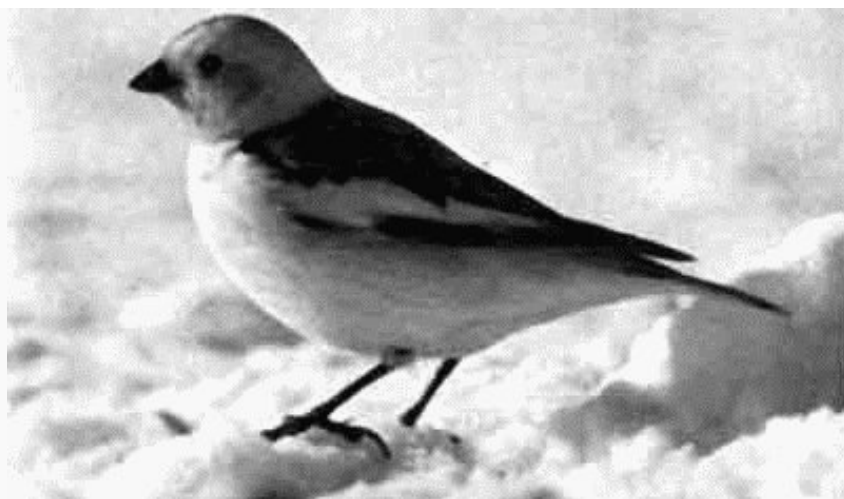

Расположение и устройство берлоги белой медведицы: 1 — снег, 2 — грунт.

Устроены берлоги довольно просто и однотипно. В большинстве случаев это овальные камеры длиной два-три метра, высотой и шириной около полутора метров. Свод и стены их сильно уплотнены и сплошь исчерчены когтями медведиц. Из берлоги на поверхность ведет узкий коридор, длина которого чаще всего не превышает метра, и лишь в тех случаях, когда снежный нанос очень глубок, медведица вынуждена прокапывать более длинный лаз.

* * *

Пять полных суток бушевала пурга. Ураган достигал редкой даже для этих мест силы ветер гнал подхваченные у магазина бочки и пустые ящики, сорванные с домов доски и листы железа. Видеть можно было лишь на расстоянии вытянутой руки, а переход в соседний дом превращался в трудноразрешимую проблему. Зато после пурги резко потеплело и повеяло весной. Температура воздуха все больше приближалась к нулю, днем снег рассыпался на отдельные крупинки, на южных скатах крыш, на торосах в море повисли сосульки. Тринадцатого апреля в поселке появилась первая пуночка. Пичуга разыскивала корм у кучи угля и пользовалась необычайным успехом. Весь день к углю ходили островитяне, чтобы воочию убедиться в прилете пернатого вестника весны, послушать незатейливую птичью песенку. А вечером у околицы впервые в этом году пролетела белая сова.

Пуночка — первый вестник весны в Арктике. Фото С. В. Маракова.

Ураган взломал льды, и недалеко от берега открылась широкая полынья, очертания которой точно отразились в «водяном небе» (*Участки открытой воды среди льдов обычно бывают обозначены темными отблесками в небе*). К открытому морю стягивались нерпы, на остров стали чаще заглядывать одиночные медведи. Один из них подошел рано утром к полярной станции и был встречен отчаянным собачьим ревом. Мишка оказался трусоват: проснувшиеся полярники увидели лишь желтый зад зверя, мелькающий среди прибрежных торосов. Другой медведь пришел на станцию в середине дня, когда разморенные солнцепеком собаки крепко спали. Его появление выманило из домов толпу фотолюбителей. Фотографы, мешая один другому, суетились, самые храбрые мельтешили перед идущим медведем, без конца щелкали шторки затворов. Но мишка был невозмутим. Он, не спеша, с достоинством прошел по косе мимо домов и, придерживаясь своего пути, ушел в море.

Как-то днем мы с Нанауном бродили по косе за станцией. Василий показывал мне места, где выгружался пароход с первыми переселенцами, где стоял первый сооруженный ими дом. На глазах таяли последние островки снега, ненадолго оставляя после себя влажные пятна. Над черным песком дрожали струйки теплого воздуха. Старик увлекся воспоминаниями, начал рассказывать вообще об интересных случаях из своей жизни. Однажды летом Нанаун куда-то шел пешком по берегу моря. В дороге его разморила жара, он снял с себя нерпичьи торбазы, разложил их на камнях для просушки и прилег отдохнуть. Проснувшись, Василий увидел склонившегося над торбазами медведя. «Однако он больше этого был», — спокойно продолжал рассказчик, показывая куда-то рукой. Оглянувшись, я невольно вздрогнул. Вдоль косы, по припаю, брел крупный, статный зверь в почти чисто белом меху. Хорошо различалось движение его лопаток, чернели «ладони» и «пятки» размеренно поднимаемых лап. Можно было рассмотреть даже, как волокутся за его задними ногами по снегу пряди длинной шерсти. Нас медведь не удостоил вниманием. Он направился было к кухне полярной станции (она, несомненно, источала манящие запахи), но, услышав лай заметивших его собак, остановился, постоял в недолгом раздумье и свернул в торосы. «А что же дальше было?» — спросил я Нанауна. «Как я зашевелился, медведь один торбазу схватил, так убежал. До сих пор жалко, совсем новый торбаз был», — со смехом закончил он.

Солнце перестало прятаться за горизонтом и светило круглые сутки. По южным склонам гор на глазах расплывались черные пятна пропарин. В голубом весеннем небе без конца звенели песни пуночек, по ночам из тундры доносилось нежное воркование токующих самцов белых сов. Остров постепенно оживал, но весна пока не прервала нашей работы. Берлоги, несмотря на то, что некоторые из них пустовали уже больше месяца и не раз за это время случалась пурга, все еще оставались довольно заметными. Вездеход проходил по тундре также уверенно, как и зимой. По ночам, когда смерзались снежные крупинки, легко скользили

и нарты. Впрочем, обследование острова уже подходило к концу, на наших картах с каждым днем оставалось все меньше «белых пятен».

Невезение продолжало преследовать только кинооператоров. Им все еще не удавалось отснять главный эпизод — прогулку медведицы с медвежатами у берлоги. Анатолий Александрович и Игорь предпринимали отчаянные усилия, но звери всячески избегали встреч с ними. Несколько раз съемка срывалась из-за погоды: в самый ответственный момент то исчезало солнце, то медвежью семью скрывала пелена начавшейся поземки. За найденную жилую берлогу Анатолий Александрович теперь назначил солидную премию, и многие охотники в надежде заполучить ее рыскали по острову во всех направлениях (при этом наши карты пополнились несколькими новыми точками).

То и дело отправлялись на поиски сами кинооператоры, но безуспешно. Тогда Анатолий Александрович прибег к крайней мере (надеюсь, что он не посетует на меня за выдачу его профессионального секрета). Еще в марте охотники привезли кинооператорам медвежонка. Этот беспокойный детеныш жил дома вместе с нами и пока снимался лишь на «вторых ролях». Теперь он стал «солистом». В снежном надуве у поселка была вырыта яма изображающая берлогу. Медвежонок довольно правдиво «сыграл» выход из нее «прогулку», хотя скатываться со склона не пожелал. Затем начались съемки в ближайших торосах, где идущий малыш, хотя он успел за это время подрасти всего на несколько сантиметров, изображал уже... медведицу.

Но вот счастье как будто улыбнулось операторам. В один из последних дней апреля примчался гонец с известием, что жилая берлога найдена у прибрежных утесов южного берега, к востоку от поселка. Обрадованные операторы тотчас собрались в путь.

Птицы часто отдыхают на прибрежных торосах. Фото автора.

Увы, и теперь главный эпизод отснят не был. Берлога действительно оказалась обитаемой, но на этот раз сплеховала медведица. Лаз из ее убежища длиной по крайней мере метров пять поднимался вертикально, и выйти по нему медвежата не могли. Мать вел себя очень осторожно: высовывала наружу лишь кончик носа и; уловив запах людей моментально скрывалась. Анатолий Александрович и Игорь провели здесь несколько дней не раз переставляя палатку, скрывающую нацеленный на берлогу киноаппарат, но, вспомнив прописную истину про синицу в руках и журавля в небе, вернулись домой, чтобы продолжить съемку своего «актера». Вскоре на восток острова выехали и мы с Нанауном. Ночью, давая собакам передышку, остановились в прибрежных утесах. Сюда уже вернулись обитатели расщелин — чистики. Десятки этих черных краснотопых птиц со свистом пролетали мимо нас скрывались в море за торосами, возвращались обратно. Да и сами скалы напоминали теперь подготовленный к сдаче жилой дом: так же разгорались страсти вокруг этажей и квартир. Где-то затевалась потасовка, кто-то из нетерпеливых жильцов уже чистил укрытия выбрасывая из них накопившийся за зиму снег. Свист чистиков переплетался с трелями

пуночек. Высоко в небе с хриплым клекотом проплыла почти белоснежная полярная чайка бургомистр. Собаки растянулись на снегу, часто дышали и не обращали внимания на царящее вокруг оживление. Но вдруг вскочил ошестинившийся Апсинак, поднялась и с лаем рванулась к торосам вся упряжка. Привычным движением Нанаун навалился на остол и удержал собак. Надежно привязав их, мы взобрались на торос. По припаю шли три медведя один большой и два маленьких. Следы зверей начинались от надува под ближайшей скалой. Там чернел вход в берлогу (малышам все же удалось из нее выбраться), в стороне торчали шесты от палаток. Уходила в море последняя надежда кинооператоров, возможно последняя в этом году семья медведей. Медвежий «родильный дом» опустел.

Помечены на острове Врангеля

Негромкий хлопок выстрела, и на щеке, выглянувшей из берлоги медведицы, среди желтого меха появляется красное пятнышко. Сюда впился «летающий шприц». Положение красной кисточки — хвостового оперения шприца — показывает, что попадание было удачным.

Все поспешно отскакивают от берлоги. Но зверь не показывается и вообще не подает признаков жизни. Часы отсчитывают пять минут, затем десять. В берлоге по-прежнему тихо. Решаемся подняться по склону. Юрий Анатольевич нагибается, заглядывает в медвежье убежище и тут же движением руки подзывает меня. Видно плохо, но в полумраке все-таки можно разглядеть три черные точки — глаза и нос, обращенные к выходу. Угадываются очертания широколобой головы, похоже, неподвижно лежащей на полу снежного коридора. Саша приносит длинный шест: только так можно убедиться, что шприц действительно сработал и препарат оказал свое действие. На всякий случай у меня в руках карабин, у Юрия Анатольевича — заряженная пулевыми патронами двустволка. Рукавицы сброшены, прокаленный морозом спусковой крючок обжигает палец, но сейчас на это не обращаешь внимания. Конец шеста бесцеремонно тычется в большое мягкое тело. Зверь не шевелится...

Так нам удалось в первый раз обездвижить хозяйку берлоги. Произошло это в конце марта

1969 г. в Медвежьих горах. На этот раз мы приехали на остров не только для того, чтобы вновь провести учет медвежьих берлог, но и чтобы освоить обездвиживание и мечение самих медведиц.

Обездвиживание животных, особенно крупных млекопитающих, — наименее трудоемкий, а подчас и единственно возможный способ их ловли. В последние годы он получил широкое распространение в зоологических исследованиях. Правда, это уже давнее изобретение человека: с незапамятных времен южноамериканские индейцы использовали на охоте растительный яд кураре, смазывая им наконечники стрел. Современные зоологи получили в свое распоряжение различные синтетические препараты, по своему действию сходные с кураре. Разработаны и способы введения этих препаратов. Исследователи пользуются специальными пулями, начиненными порошком, или особыми стрелками (они выстреливаются из лука или ружья), углубления которых наполнены мазью, пастой или также порошком. Но чаще всего применяются так называемые летающие шприцы, сделанные из металла. Такой шприц выстреливается из ружья, и его можно послать на расстояние пятидесяти — шестидесяти метров. В тот момент, когда шприц попадает в тело животного, поршень движется вперед и освобождает резервуар от раствора.

Конечно, зоологи или охотоведы преследуют совсем иные цели, нежели индейцы. Южноамериканские охотники, смазывая ядом наконечники стрел, стремятся умертвить добычу. Зоологам же нужно только временно лишить животное способности двигаться, чтобы успеть в этот момент посадить его в клетку (например, чтобы отправить в зоопарк или перевезти на новое место жительства), провести необходимые лечебные процедуры, измерить и взвесить зверя или, как в нашем случае, пометить его.

Медведица помечена. Фото А. А. Кищинского.

При этом мечение белых медведей — самостоятельная и далеко не простая задача. Антилопам, оленям, даже медведям других видов после их обездвиживания можно надевать яркие, видные издали ошейники, сделанные из капрона или иного прочного материала. Особенности телосложения белого медведя таковы, что ошейник на нем держаться не будет (диаметр его шеи обычно превышает диаметр головы). Ушные сережки, металлические или пластмассовые, с успехом применяемые в подобных случаях в областях умеренного и жаркого климата, из ушей белых медведей нередко вымерзают и теряются.

Поэтому мечение зверя превращается в длительную процедуру. За неимением лучшего приходится все-таки прикреплять к каждому его уху сделанные из нержавеющей стали сережки с номерами и надписью «Сообща Москва» (*Иностранные метки, естественно имеют другие надписи*), причем, чтобы удлинить срок их ношения, необходимо проделывать эту работу со всевозможной аккуратностью. Для страховки номера дублируются при помощи специальных татуировочных щипцов на внутренней поверхности нижней губы и крупно несмываемой красной краской (этот номер медведь будет носить до

осени, до полной линьки) — на меху, на огузке. Таков международный стандарт; стремясь получить сопоставимые результаты, так же метят белых медведей и наши коллеги в США, Канаде и Норвегии.

Конечно, хочется получить как можно больше сведений о каждом обездвиженном звере. Необходимо его обмерить, осмотреть зубы, чтобы хоть приблизительно определить возраст, взять для анализа мазки крови, проделать другие манипуляции. Однако при этом необходимо помнить, что зверь лишен способности двигаться только на время, причем на весьма неопределенный срок. В любой момент он может встать на ноги и, мягко говоря, выразить свое недовольство.

Мечение медведицы превращается в длительную процедуру. Фото автора.

Метить белых медведей стали недавно. Первые, вначале не особенно удачные опыты такого рода были предприняты в 1962 г. на Шпицбергене и в 1965 г. — на Аляске. Однако довольно быстро техника мечения была освоена, и уже в 1970 г. более пятисот зверей в разных частях Арктики носили сережки и прочие следы тесного общения с зоологами.

Канадские исследователи ловят медвежат петлями и обездвиживают их. Этот зверь только что попал в ловушку. Фото автора.

Канадские зоологи метят животных на побережье Гудзонова залива, в одном из самых необычных мест Арктики. В самом деле, хотя залив расположен южнее полярного круга зимой он покрывается мощным ледяным панцирем; несмотря на то, что он находится на широте Ленинграда и даже Москвы, прибрежная полоса его занята настоящими тундрами, а среди торосов здесь бродят и чувствуют себя в родной стихии белые медведи. Необычен образ жизни местных зверей. В конце лета, когда лед в заливе разрушается, они скапливаются на берегах, копаются в поисках корма в кучах водорослей, среди отходов и человеческих поселений, даже близ больших и шумных городов. Необычно, наконец выглядит сама работа канадских зоологов. Они обездвигивают и метят животных на суше причем предварительно ловят их петлями из стального троса. Для этого исследователям не нужно предпринимать экспедиций в отдаленные и труднодоступные арктические районы. Люди живут в Черчилле — вполне современном городе — и ездят на свой «охотничий участок» по асфальту на автомобиле.

Норвежские зоологи исследуют и метят обездвигиваемых медведей на палубе судна. После метания зверей выпускают на волю. Фото Грендаль.

Осенью 1969 г. мне пришлось быть здесь, и я невольно позавидовал своим канадским коллегам. Прежде всего, меня поразило обилие медведей. Пролетев около ста пятидесяти километров на вертолете, я насчитал на берегах залива семьдесят пять зверей державшихся не только поодиночке или семьями, но и целыми «стадами» по десять и даже по двенадцать особей. Голодные животные, привлеченные запахом мяса или рыбы буквально атаковали ловушки и нередко попадались в настороженные петли на глазах людей. Поскольку трос надежно схватывает медведя за переднюю лапу, дальнейшая процедура — обездвигивание и мечение — уже не составляет большого труда; к тому же ей не препятствуют пурга и морозы.

Норвежские исследователи работают на западе Баренцева моря, разыскивают медведей с небольшого судна и обездвигивают их на воде с борта корабля или шлюпки; иногда они догоняют и обездвигивают зверей на льду. В последнем случае люди вооружаются винтовками и револьверами, хотя, как выяснилось, не в меру любопытного зверя можно отогнать, звякая небольшими металлическими предметами, например связкой ключей. Обездвигиваемых животных норвежцы поднимают на палубу судна и помещают в большую клетку, где и исследуют. Клетку звери покидают, уже встав на ноги, своим ходом. На Аляске стреляют по медведям «летающими шприцами» с вертолета.

...Мы должны были освоить обездвигивание и мечение не любых встречаемых зверей, а самок и медвежат в берлогах. Это можно делать только в марте — апреле, когда в Арктике стоит далеко не лучшая погода; уже поэтому следовало быть готовым ко многим трудностям. Взять хотя бы «летающие шприцы», которыми мы теперь оснащены. На морозе капризам их нет конца. Водные растворы препаратов использовать нельзя: во время полета шприца хотя летит он недолго, его содержимое успевает замерзнуть. В спирту же не все препараты

растворимы. При сильных холодах обездвиживающее снаряжение вообще бездействует, отказывает механизм ружья, густеет смазка в стволе. Впрочем, это еще не самое главное. Непросто подойти к берлоге, устроенной на крутом и высоком склоне (а ведь именно здесь чаще всего и располагаются убежища зверей), найти или вырубить в снегу площадку, на которой могли бы поместиться люди и необходимое оборудование. Даже если рядом товарищ, в руках его карабин и он страхует тебя, все равно не так уж приятно близкое соседство хозяйки берлоги! К тому же стрелять шприцем в этом случае нужно почти в упор и только в щеку, поскольку стрелок видит лишь голову зверя.

И все-таки только так можно выяснить, пользуются ли самки на протяжении своей жизни одним и тем же «родильным домом», из каких районов Арктики они приходят сюда, вообще насколько развито у животных «чувство дома». Кроме того, освоение надежных способов обездвиживания самок в берлогах открывало путь к бескровному отлову медвежат, то есть было прямо связано с охраной животных. Ведь на детенышей белых медведей существует постоянный спрос. Они желанные гости в зоопарках и цирках; для этой цели в небольшом количестве ловить их в СССР разрешено (это единственно допустимая форма хозяйственного использования белых медведей в советской Арктике). Однако чтобы поймать или взять из берлоги медвежат, до последнего времени приходилось убивать самок. Ловля медвежат превращалась подчас в удобное прикрытие для браконьеров (Уже с 1969 г. отстрел медведиц при ловле медвежат в СССР был запрещен; медведицу в таких случаях можно лишь обездвижить).

* * *

Медвежьи горы внешне ничем не примечательны. Летом с самолета или вообще с большого расстояния на фоне желтовато-зеленой тундры Академии они выглядят невысокими серыми холмами. Зимой, сглаженные снежными наносами, горы становятся еще более приземистыми и неприметными. На многих картах и в обиходе местных охотников они значатся также как Дрем-Хед. Это английское название в переводе означает нечто вроде «вершины мечты» (от dream — мечта, грезы и head-голова, головной) (Английские названия на карте острова многочисленны, они были даны американскими мореплавателями еще в прошлом столетии). Не знаю, каков был истинный смысл вложенный в это название при «крещении» гор, но меня они действительно манили долгие годы.

Склоны Дрем-Хеда. Фото Г. Б. Надеждина.

Еще из разговоров с пионерами освоения острова Г. А. Ушаковым и А. И. Минеевым можно было заключить, что именно здесь находится самое главное «отделение» медвежьего «родильного дома». Об обилии берлог на склонах Дрем-Хеда мне в 1960 г. рассказывали многие островитяне. В 1964 г. нас с Нанауном застала здесь пурга. И хотя мы провели тогда в горах около суток, обследованию их я смог уделить всего лишь несколько часов. И вот теперь, спустя пять лет, у меня, наконец, появилась возможность подробно познакомиться с этой удивительной частью острова Врангеля. Двадцать третьего марта трактор прибуксировал сюда довольно вместительный балок с железной печкой, запасом угля, продуктов, необходимым снаряжением и сразу же ушел обратно в поселок. Мы с Сашей остались в балке вдвоем ждать прибытия остальных участников экспедиции и начала работ по обездвиживанию и мечению зверей.

Утро следующего дня, тихое и ясное, застало нас в маршруте. Уже в ближайших окрестностях балка встретились сравнительно недалеко одна от другой три берлоги: две полузанесенные снегом и, следовательно, пустые, покинутые семьями, и одна живая. Ее хозяйка глухо рявкнула, показав на миг голову, но тут же скрылась.

Ненадолго останавливаемся около каждой берлоги, чтобы описать ее и нанести на карту. Рядом с берлогой втыкаем в снег проволочный штырь с красным флажком на конце. Вскоре нам предстоит облететь остров Врангеля на самолете и попытаться провести учет берлог с воздуха; флажки будут служить ориентирами и помогут решить, насколько точен авиаучет и оправдывает ли он себя вообще.

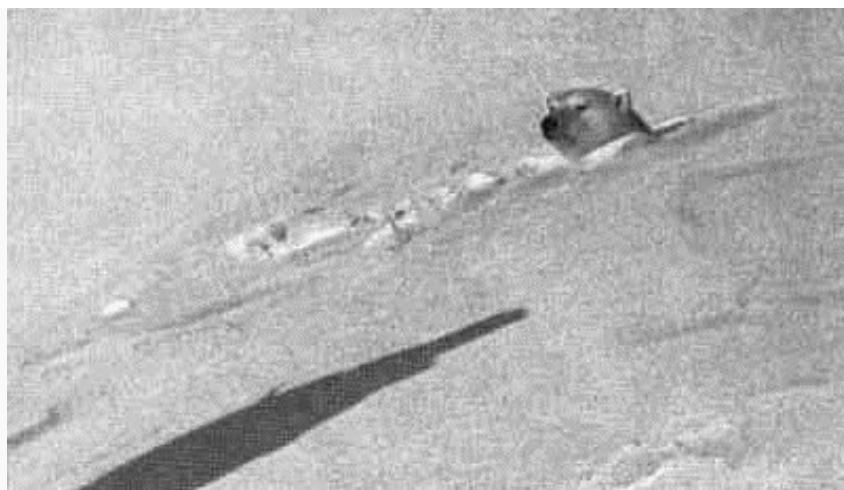

После пурги следы медведей начинают выступать из-под снега. Фото автора.

Похоже, эта часть острова особенно приглянулась медведям. Цепочки отпечатков овальных ступней тянутся вдоль нашего пути, пересекают его во всех направлениях. Следы принадлежат и одиночным животным, и семьям; местами они сливаются в настоящие медвежьи тропы. Среди них есть совсем свежие, вчерашние или даже сегодняшние. Есть и старые, оставленные неделю назад и еще раньше.

Кстати, следы зверя, человека или машины «старятся» в Арктике совсем иначе, чем скажем, в лесу. Там, где только что прошел медведь (если, конечно, не по рыхлому снегу выпавшему в тихую и теплую погоду), можно заметить лишь слабые отпечатки когтей. Однако снег под тяжестью зверя все-таки уплотняется и поэтому в пургу разрушается медленнее чем на соседних участках. После каждой вьюги след «проявляется» все сильнее поднимается на высоту до десяти сантиметров и больше и постепенно принимает форму гриба. Но «гриб», уже недолговечен. Следующая же пурга перепиливает его ножку, и след исчезает.

Солнце уже готовилось уйти за горизонт, когда на одном из склонов был обнаружен целый медвежий «городок». Он состоял из четырех вскрытых и пока еще жилых берлог, расстояние между которыми было не больше двадцати — двадцати пяти метров (позже выяснилось, что на этом же пятачке зимовали еще две самки с детенышами). Хозяек трех убежищ мы так и не увидели, но с четвертой довелось познакомиться довольно близко.

Медведица показалась из берлоги. Фото Ф. Б. Чернявского.

Мы уже подошли к берлоге метров на двести, когда медведица показалась из узкого лазейки, вытягивая свою и без того длинную шею, стала присматриваться к пришельцам. Три черные точки среди ярко-желтого меха — глаза и нос — то опускались, то поднимались. На поверхность снега ложилась, повторяя медленные движения животного, густая синяя тень. В косых закатных лучах особенно отчетливо выделялись полосы больших и малых заструг у входа в берлогу, разбросанные вокруг него снежные обломки. Почти идеальные условия для фотосъемки! Приготовив аппараты, мы не спеша направились к берлоге. Карабин, который висел теперь у него на груди, Саша предусмотрительно перевел на боевой взвод.

Вход в зимнее убежище медведицы. Фото автора.

До берлоги метров пятьдесят. Хозяйка ее втягивает голову в убежище, но продолжает изучать нас, пока еще спокойно и вроде даже миролюбиво. Теперь выясняется, что это жилище имеет два входа, устроенные примерно в метре один над другим. В нижнем

виднеется обращенная к нам голова медведицы, через верхнее, отпихивая друг друга попеременно выглядывают любопытствующие медвежата.

В аппаратах уже по несколько кадров — и с медведицей, и со всей семьей. Но хочется снять их крупнее, и мы подходим все ближе. До берлоги остается метров двадцать, затем пятнадцать, наконец, десять. Здесь терпение медведицы иссякает. Она показывает лобастую голову, опять прячется, высовывает голову и шею и неожиданно, обломив тонкий снежный свод, прыжком выскакивает наружу.

Я шел первым и теперь останавливаюсь. Зная, что рядом Саша с карабином, стою спокойно, рассматривая зверя. Медведица явно «берет нас на испуг». Из вытянутой дудочкой губ слышится сердитое шипение. Вздвигив на загривке шерсть, она пытается показаться больше, чем она есть на самом деле; видимо, с этой же целью она подпрыгивает на одном месте раз, другой. Опять шипит и, пятясь, уходит в берлогу. Оборачиваюсь к Саше — и вижу, что карабин мирно покоится у него на груди, а сам он замерзшими пальцами тщетно пытается перезарядить кассету в аппарате...

Так же как и медведица, пятясь, отходим от берлоги, оставив семейство в покое. Поскольку хозяйка следующего жилища может оказаться не столь миролюбивой, я забираю карабин себе. Впрочем, уже наступили сумерки, и мы поворачиваем обратно к балке.

Уже первый маршрут по Медвежьим горам показал, что снега этой зимой очень мало. Берлоги поэтому неглубоки, и, чтобы вскрыть их, самкам не приходится прокапывать длинные коридоры. Звери иногда просто проламывают свод и сразу оказываются «на улице». Снежные выбросы у входов в берлоги тоже невелики, и убежища зверей заметны плохо. Подчас их удается обнаружить, только подойдя к ним вплотную. Ходить по склонам в одиночку сейчас нельзя: велик риск наступить на тонкий снежный потолок и оказаться непрошеным гостем хозяйки жилища. Зато малоснежье помогло объяснить различия в поведении животных, в реакции их на приближение человека. Стало ясно, что затаиваются в убежищах, считая их достаточно безопасными, звери, скрытые более или менее толстыми снежными наносами. Некоторые самки, как наша знакомая, в этом году не смогли устроить глубокие берлоги и, не полагаясь на прочность своего жилища, предпочитали оборонять его активно.

Следующий день вновь начался было хорошей погодой. Мы опять рано вышли из балки, чтобы продолжить обследование своих угодий, но дальше медвежьего «городка» пройти не смогли. Ветер задувал все сильнее, с гребней заструились струйки поземки. Приближалась пурга, и нужно было поворачивать к дому. Удалось побывать лишь в вчерашней берлоге. Теперь она превратилась в пещеру, и внутренность ее хорошо просматривалась. Даже издали было видно, что мать лежит на боку. Передняя лапа ее слегка шевелилась; где-то под ней, на груди медведицы, копошились медвежата. Подпустив нас метров на десять, она приподняла голову, но с места не тронулась. По-видимому берлога уже не давала укрытия от холода и ветра, и мать не могла оставить детенышей, чтобы пугнуть визитеров.

* * *

Пурга только стихала, когда у балки послышался шум мотора. Приехали Юрий Анатольевич и заведующий заказником Николай Николаевич Винклер. Теперь на Медвежьих горах собралась вся наша экспедиция. Трактор с работающим на малых оборотах мотором (заводить машину на морозе трудно и долго) Николай Николаевич поставил к самой стенке балки. В нашем временном жилище теперь тесно, шумно, зато и светло: трактор не просто стучит вхолостую, но временно превратился в электростанцию.

На следующий день в одной из ближайших берлог и была обездвижена первая медведица.

...Свод убежища быстро взломан лопатами, и зверь предстает лежащим на животе в глубокой яме. Глаза медведицы открыты. Тело ее обмякло и недвижимо, хотя время от времени судорожно вздрагивает. Приподнятые лапа или голова тут же безвольно

опускаются на снег. Мешкать нельзя. По заранее согласованному плану каждый приступает к той или иной процедуре — прикреплению ушных меток, обмерам; красной краской на огузке рисуется номер. В яме тесно, мешают суемящиеся медвежата, но работа спорится и уже близка к завершению, как вдруг из какого-то бокового от норка в разрушенную берлогу просовывается... новая медвежья голова!

Вначале показывается только морда. Мне она хорошо видна. Наверное, это медвежонок (кто же может быть кроме?). Морда тычется в Сашин локоть, и Саша, тоже решив, что это детеныш, небрежно, не взглянув в его сторону, отталкивает «непоседу». Морда исчезает, но затем появляется вновь и уже более настойчиво протискивается под Сашину руку. Теперь я замечаю, что это вовсе не детеныш...

— Братцы! Еще медведь!

Мой крик, должно быть, прозвучал достаточно тревожно. Во всяком случае, уже в следующий миг, взлетев на приличную высоту, все экспериментаторы стояли на краю ямы.

Медведица обездвижена. Медвежатам и страшно, и интересно. Фото автора.

Впрочем, испуг был недолог. Окрыленные успехом с первой медведицей, Саша и Николай Николаевич, орудуя лопатами, быстро загнали зверя в его убежище. Юрий Анатольевич начал готовить к действию новые шприцы. Страхуя товарищей, я взялся за карабин. Опять хлопок выстрела — вторая медведица тоже легла обездвиженной. Как выяснилось, две берлоги здесь разделяла лишь полуметровая снежная перемычка. В перегородке был лаз, и хозяйки жилищ могли свободно наносить друг другу визиты. Случай, конечно исключительный, скорее всего тоже связанный с недостатком снега.

В балок на этот раз возвращались уже в полной темноте: нужно было выяснить, на какой срок животные теряют подвижность, вообще удостовериться, что они вернулись в нормальное состояние. (Обе медведицы благополучно поднялись на ноги и ушли: одна — через два часа после попадания в нее шприца, вторая — немного позже.) В мешках которые мы несли с собой, барахтались медвежата. Они предназначались для отправки в Москву и служили наглядным доказательством тому, что «бескровный» отлов их вполне возможен.

Обездвиживание медведиц позволило начать «бескровный» отлов медвежат. Фото автора.

На следующий день удалось обездвижить еще одну самку, затем двух, одну, снова двух. С каждой медведицей накапливался опыт, работа шла все увереннее.

Оказалось, что проще и легче иметь дело с хозяйкой неглубокой берлоги. Она сразу же показывается из убежища, обычно выставляет не только голову, но и шею и служит наилучшей мишенью для «летающего шприца» (случай, чтобы зверь совсем выскочил из берлоги, больше не повторился). Труднее обездвижить самку, жилище которой располагается на глубине от полуметра до метра. Она, как правило, рывкает или фукает где-то под снегом, но на поверхности не показывается. Здесь мы предварительно пускали в ход «закидушку» — комок тряпок и меха, привязанный к длинному шнуру. «Удочка» забрасывается вглубь берлоги и медленно вытягивается наружу. Негодуя, самка устремляется в погоню за тряпками, и таким образом ее удается приманить к выходу. Если закидушка не помогает, приходится брать в руки лопаты. Нужно с помощью шеста определить направление хода, угадать, где находится гнездовая камера, и уже над ней копать отвесный колодец (через него и выстреливается шприц). Но чаще ям приходится копать две-три, а иногда и больше, и процедура обездвиживания затягивается на несколько часов. Самыми труднодоступными оказались хозяйки наиболее глубоких и сложных по устройству убежищ. Если такую медведицу не удавалось выманить закидушкой, докопаться до нее было почти невозможно.

Метим очередную медведицу... Фото автора.

Представление о миролюбивом характере, даже робости, медведиц вполне подтверждалось. В поведении их не было и намека на агрессивность, хотя расправиться с человеком им, конечно, ничего не стоило.

Успех с обездвиживанием животных пришел не сразу. Первые опыты такого рода наша экспедиция предприняла два года назад на Земле Франца-Иосифа. Мы пытались тогда догонять медведиц с медвежатами на вездеходе, подкарауливали зверей в засидке в поленнице, привлекая их нерпичьими тушами и запахом горящего в печке тюленьего жира. Все это позволило нам ближе познакомиться с поведением зверей, сделать пусть небольшие, но интересные открытия в их биологии. Кроме того, выяснились слабые стороны обездвиживающего снаряжения, которым мы располагали (у нас были пули, начиненные сухим препаратом).

Конечно, опыт той экспедиции пришелся очень кстати. Снаряжение наше было теперь более совершенным. И все-таки, возьмись мы за него в другом составе, дело, может быть, опять кончилось бы неудачей. Спокойствие и уравновешенность Саши, его высокое профессиональное мастерство (если можно так сказать об ученом) как нельзя более кстати дополнялись большим жизненным опытом и талантом экспериментатора, свойственными Юрию Анатольевичу, хорошим знанием острова и выдержкой, которыми располагал Николай Николаевич. Медведица миролюбива, но, тем не менее, наша работа требовала мужества зверь, даже нечаянно, легко может помять и искалечить человека. В мужестве моим товарищам тоже отказать было нельзя.

Пытаясь высмотреть, где находится хозяйка берлоги, и Саша, и Николай Николаевич не раз почти по пояс скрывались в медвежьем убежище. Юрий Анатольевич, чтобы не

расходовать понапрасну шприцев, подчас выстреливал ими, едва не касаясь, медведиц стволом.

Итак, наша главная задача выполнена. Где-то во льдах бродят первые помеченные на острове Врангеля медведицы. Пока их немного. Но теперь уже ясно, когда и как нужно проводить эту работу.

* * *

В первых числах апреля в погоде наступил перелом. Солнце стало каким-то улыбчивым, и заметно потеплело. Пурги пока затихли, а если шел снег, то в воздухе порхали крупные редкие снежинки. Девятого апреля у балка появилась первая пуночка — вестник вступающей на остров весны. В этот день мы уезжали на своем тракторе в поселок. Вместе с нами отправлялись в долгое и необычное для них путешествие медвежата.

Еще через несколько дней вместе со старым знакомым Ульвелькотом я поехал на собаках на мыс Блоссом. Сюда, на место моржовой залежки, по рассказам, частенько наведываются одиночные медведи. Где-то у юго-запада острова виднелось «водяное небо». Там открылась полынья и, возможно, держались «наши» медведицы. Встреча с ними была особенно заманчивой.

Ночи тают на глазах, и путешествовать теперь можно в любое время суток. Ваня собрался в дорогу поздно вечером.

Нарта «кричит» — пора войдать полозья. Фото автора.

Скрипят и подпрыгивают на застругах нарты, мельтешат лапы собак. Время от времени делаем короткую остановку — пора войдать полозья. В полночь на небосводе загорается

неяркое сияние, но вскоре его гасит рассвет. За неспешным разговором незаметно бегут часы и километры. И вот среди заснеженной равнины (трудно различить, где кончается суша и начинаются морские льды) вырастает бревенчатая вышка с площадкой из досок на вершине. Это навигационный знак, обозначающий мыс Блоссом — конечную цель нашего путешествия. Ваня уезжает к ближайшей избушке, чтобы дать отдых собакам и соснуть самому. Я забираюсь на вышку. Со мной спальник, мешок, фотоаппарат, бинокль, примус и чайник.

На моржовом лежбище, тем более таком крупном, как это, медведи всегда могут найти поживу. Какое-то количество моржей гибнет здесь от старости (возможно, на суше старики вообще встречают свой смертный час чаще, чем в море) или от ран, полученных еще по пути на залежку. Если животные панически испуганы, например, неожиданным появлением людей, они кидаются в воду и при этом иногда давят друг друга. Так или иначе, но после ухода стада на лежбище всегда остаются мертвые исполины (собранные с них клыки в старину так и назывались — «заморные»). И сейчас по косе были разбросаны по крайней мере десятки полузанесенных снегом туш. Некоторые из них были уже основательно объедены медведями; от одной туши к другой вели цепочки медвежьих следов.

Ванина упряжка постепенно удалялась, то исчезая в ложбинах, то появляясь вновь. Вот она слилась в одно темное пятно, и теперь уже трудно разобрать, где собаки, где сани и где человек... Созерцание этой картины прервал размеренный скрип шагов. К вышке приближалась пара медведей.

Впереди, похоже, шла самка. Свидетельством тому служили относительно небольшие размеры, более стройное телосложение и даже «женственная» походка. За ней следовал самец. Это не вызывало сомнений хотя бы потому, что зверь был настоящим гигантом. У медведей начался «медовый месяц». «Кавалер» не отступал от «дамы» дальше, чем на два-три шага, но, очевидно, обращался с ней строго: ухо медведицы было надорвано и висело, на щеке виднелась кровь. Метрах в ста позади и немного в стороне от этой пары шел еще один зверь, скорее всего менее удачливый соперник.

Медведи подошли к моей засидке. Теперь, когда они очутились подо мной всего в пяти шести метрах, можно было рассмотреть даже, что веки их густо опущены инеем. Из полуоткрытой пасти самца вырывались облачка пара, и непрерывно слышались издаваемые им звуки — нечто вроде глухих стонов или побряхтывания. Самка потерлась боком о столб вышки, расшатывая все сооружение, но тут же, приподняв голову, отпрянула. Наверное, она уловила доносившиеся с помоста шорох, щелчки затвора аппарата, быть может, и подозрительный запах.

Все так же размеренно, похрустывая снегом, звери продолжили свой путь. Они вышли на припай и еще долго виднелись там, удивительно гармонично вписываясь в этот утренний пейзаж и украшая его. Нельзя было не вспомнить слов известного английского зоолога Джулиана Хаксли: «Крупные животные, свободно и безбоязненно разгуливающие по необозримым просторам, — это зрелище волнует и восхищает подобно созерцанию прекрасного здания или прослушиванию гениальной симфонии»...

После недолгого перерыва так же неожиданно с припая пришел небольшой медведь, возможно один из прикормившихся здесь аборигенов. Он деловито обследовал косу, переходя от одного моржа к другому. Приплясывая на них передними лапами, попытался оторвать некоторые из туш от грунта, но убедившись в тщетности своих усилий, направился к высокой гряде заструг. Раскопав ее, он извлек солидный кусок мерзлой моржатины и приступил к трапезе. Прошло не более получаса, и в «столовой» один за другим появились еще два одиночных медведя примерно таких же размеров, как и ранее пришедший. Полностью игнорируя присутствие других зверей, каждый из них занимался «своей» тушей или ее частью. Обед их длился долго. Первый зверь провел на косе в общей сложности более часа и лишь после этого вернулся на припай. Здесь я сразу же потерял мишку из виду, очевидно, он залег под ближайшей грядой торосов. Один из оставшихся медведей расположился провести свой «мертвый час» здесь же, на косе, всего в нескольких метрах от

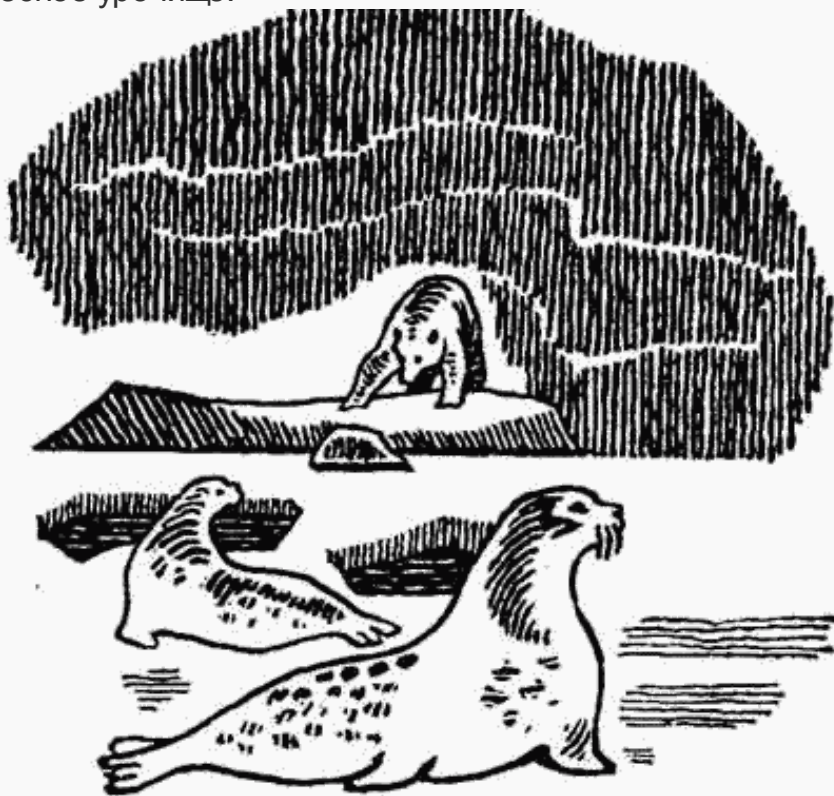
туши, которую грыз. Третий медведь кормился около двух часов, затем отправился вдоль берега к северу.

Согреваясь чаем, что, впрочем, не особенно помогало, я обшаривал припай и берег в бинокль. На льду то тут, то там время от времени возникали желтые точки. Двигались они только в одном направлении — на север. Очевидно, происходило уже массовое переселение зверей на летние квартиры — от кромки льдов в центральные части Арктики. День близился к концу. Задувал ветер. На вышке становилось совсем неудобно, и тут как нельзя более кстати показалась Ванина упряжка. Медведь, спавший на косе, почуял ее приближение и с крайней мере за километр; он встал, некоторое время припихивался, поводя головой из стороны в сторону, и побрел на припай.

Увязав поклажу, мы с Ваней выехали в поселок.

Прописан во льдах

Подавляющее большинство зверей и птиц привязано к определенному участку суши, реки, озера или моря. Это их родина. Здесь они появились на свет, здесь выводят свое потомство, продолжают свой род. Как далеко ни приходится им откочевывать или улетать отсюда, к началу сезона размножения они вновь возвращаются на родину, безошибочно разыскав ее, будь то крошечный островок в море, внешне ничем не примечательная речная долина, залив или лесное урочище.

Прописан во льдах

Нет, однако, правил без исключений. Среди четвероногих и пернатых изредка встречаются законченные бродяги, всю жизнь проводящие в странствиях. Именно таков белый медведь.

В двух-, трехмесячном возрасте, покинув вместе с матерью берлогу, медвежонок впервые, еще неуверенными шагами ступает на морской лед. И это важнейшая веха в жизни зверя. Позже он подрастет, станет самостоятельным, ему предстоит пережить свои радости и огорчения, однако уже никогда до конца дней медведя-самца не прекратятся его скитания по льдам. Самка не чаще чем раз в три года будет зимовать в снежной берлоге, но все

остальное время и она будет кочевать.

Белый медведь отличается от своего бурого собрата более стройным телосложением туловище, шея и голова у него длиннее, чем у бурого медведя. Для него характерна своеобразная, «с горбинкой» форма носа, короткие, хорошо опушенные уши, густой меховой покров на подошвах лап, слабо изогнутые и относительно короткие когти. Конечно, важным отличительный признак зверя — цвет его меха. Он может быть и чисто белым, и желтоватым вплоть до соломенно-желтого, и даже серым, почти бурым. Оттенки окраски белых медведей зависят от сезона и образа жизни животных. Чисто белый мех они имеют обычно поздней осенью и зимой, по окончании линьки (линяют они один раз в год). Желтоватый и золотистый мех более свойствен медведям в конце лета. Замечено также, что звери, живущие среди сплоченных льдов и не имеющие доступа к воде, бывают белее по сравнению с особями часто плавающими и вообще проводящими много времени у воды. Мех медведя, долгое время прожившего на суше, особенно не покрытой снегом, становится грязным, приобретает серый или бурый цвет.

Если бурый медведь преимущественно вегетарианец, то о белом этого сказать нельзя. Почти единственный корм его — тюлени. Поэтому и зубы белого медведя отличаются более «хищным» складом: коренные — относительно мелкие, со слабым развитием бугорков на жевательной поверхности; резцы и особенно клыки — гораздо мощнее.

Густой и длинный зимний мех, толстый слой подкожного жира, опушенные уши и подошвы лап — все это прямое следствие обитания в условиях низких температур, свойственных не только арктической зиме, но и лету. Укорочение ушей (а у прочих видов — и другие выступающих частей тела) тоже широко распространено среди арктических теплокровных животных. Это еще один из путей борьбы с холодом, уменьшения теплоотдачи. Белый цвет меха, по-видимому, немало облегчает медведю охоту на тюленей. Не исключено, что благодаря своей окраске он к тому же экономнее расходует тепло. Впрочем, вопрос этот далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Дело в том, что ни в одном другом районе земного шара, кроме Арктики, не распространен так широко эпитет «белый» в сочетании с названиями птиц и млекопитающих. Белая сова, белая чайка, белый гусь, белая и тундрная куропатка, песец и некоторые другие обитатели высоких широт, как и белый медведь, имеют круглый год или большую часть года белую либо почти белую окраску оперения или меха. Значит, «полярное повеление» теплокровных животных — это общая закономерность. В то же время, например, белой сове цвет одеяния летом скорее в тягость, чем в пользу. За километр и дальше видно ее белое оперение на фоне бесснежной тундры. Демаскирующая окраска, надо полагать, затрудняет сове добычу леммингов — ее основного корма: птице приходится прилагать много усилий, упорства и настойчивости, чтобы подкараулить у норы осторожного зверька. Вовсе не соответствует общей гамме красок летней тундры и оперение белого гуся или самца белой куропатки. Впрочем, в последнем случае демаскирующая окраска имеет, вероятно, биологический смысл. Самец куропатки словно нарочно привлекает к себе внимание хищников, он как бы жертвует своей жизнью ради сидящей на гнезде самки, ради продолжения куропаточьего рода.

До сих пор довольно распространено мнение о том, что светлоокрашенные животные, в том числе и белый медведь, излучают меньше тепла и не так быстро охлаждаются. Однако специально поставленные опыты не подтвердили этого представления. В чем же тогда смысл светлой окраски? Исследования последних лет показывают, что белая окраска в какой-то мере обязательна для арктических птиц и млекопитающих: она отражает высокую интенсивность протекания в организме окислительных процессов и вообще обмена веществ, служит как бы суммарным выражением приспособления животных к жизни в высоких широтах.

У белого медведя прекрасно развиты слух и зрение. Метров за двести, например, слышит он скрип шагов идущего по снегу человека. Лежащего на льду тюленя медведь замечает в ясный день уже за два-три километра, хотя полярной ночью или на бесснежной суше зверь

видит гораздо хуже. Изумляет и совершенство его обоняния, способность учуять добычу на большом расстоянии или сквозь толстый слой снега. Впрочем, хорошее обоняние служит иногда медведю плохую службу: охотникам удастся приманить на запах горящего сала чуть ли не всех зверей, находящихся в нескольких километрах от избушки, палатки или какой-либо другой засидки.

Чаще всего можно видеть белого медведя, бредущего неспешным шагом; он идет, низко опустив голову и слегка раскачивая ее из стороны в сторону. Скорость его движения в этом случае около четырех-пяти километров в час. Занятый поисками добычи, мишка идет быстрее, подняв голову. При этом он часто забирается на торосы, иногда привстает на задних лапах, осматривается и принюхивается. Напуганный, например, вездеходом или трактором, зверь бросается наутек рысью или галопом; скорость его бега вначале может достигать двадцати пяти километров в час, однако вскоре он начинает уставать, переходит на шаг, а если преследование затягивается, медведь садится и, рывкая, пытается сам испугать врага. Медленнее, чем одиночный, даже очень старый и ожиревший медведь движется в таких случаях медведица с медвежатами: давая малышам возможность уйти от преследователя, мать часто останавливается и отвлекает врага на себя. Впрочем относительно беспомощны звери лишь среди ровных ледяных полей или на суше. Е торощенных льдах, куда они всегда стремятся уйти при опасности, их уже не может догнать не только человек, но и вездеход или собаки. Медведь — великолепный пловец и неплохой ныряльщик, о чем свидетельствует его телосложение: обтекаемая форма узкого туловища, длинная и подвижная шея, высоко расположенные глаза. Держаться на воде ему помогает слой подкожного жира: удельный вес его тела близок к удельному весу воды. Туловище его как у настоящих водных животных, например, выдры, опущено равномерно. К тому же медвежий мех в воде не намокает и продолжает удерживать воздух. Широкие лапы медведя оказываются хорошими веслами. Его не страшат обширные водные пространства; моряки и летчики нередко встречали зверей, плывущих в открытом море в ста и более километрах от ближайшей суши или массивов льда. Плывущий медведь развивает скорость до пяти-шести километров в час. Ныряет он с открытыми глазами, но со сжатыми ноздрями и ушными отверстиями и может пробыть под водой около двух минут.

Белого медведя можно считать наиболее крупным представителем живущих на земном шаре медведей и вообще плотоядных животных. Длина тела старого самца изредка достигает трех метров, высота в холке — почти полутора метров, а вес — восьмисот килограммов и даже тонны. Обычная длина тела взрослого самца белого медведя — около двух метров, а самки — немногим более полутора метров.

Самцы чаще весят пятьсот — шестьсот килограммов, самки — двести — триста килограммов.

Палеонтологические данные показывают, что и белый и бурый медведи Евразии и Северной Америки, в том числе вымерший пещерный медведь, произошли от общего предка на ранних стадиях ледникового периода. Предполагается, что в середине ледникового периода прототип белого медведя уже приобрел некоторые из своих характерных признаков и начал осваивать морские льды. Например, по мнению советского исследователя Н. К. Верещагина, непосредственными предками белого медведя были примитивные бурые медведи, тяготевшие к побережьям северных морей. Вначале они кормились среди морских выбросов различными беспозвоночными, рыбой, тюленями и их трупами, трупами китов, но постепенно приобщались к охоте на тюленей, приобрели способность к активной жизни во льдах в течение круглого года, а одновременно и характерные черты строения. Следовательно, белый и бурый медведи состоят в близком родстве, подтверждением чего служит и то, что при совместном содержании в неволе они иногда скрещиваются между собой и приносят вполне жизнеспособное потомство.

Самый древний скелет белого медведя был найден вблизи Гамбурга. Видимо, звери жили тут на морском побережье во время последнего (Вюрмского) оледенения. Другой скелет белого медведя, жившего около десяти тысяч лет назад, обнаружен на севере Дании. Эти

находки позволяют предполагать (такое мнение было высказано канадским исследователем Харрингтоном), что центром формирования и распространения вида была Евразия, скорее всего район Северного и Балтийского морей. Распространялись отсюда белые медведи очень быстро, и к тому времени, когда растаяли материковые ледники, они уже заселили всю область своего современного обитания.

Знакомство человека с белым медведем имеет давнюю историю. Древним римлянам эти животные были известны, по крайней мере, в I в. нашей эры. В Японию и Маньчжурию, как свидетельствуют материалы японских императорских архивов, живые белые медведи и их шкуры попадали уже в VII в. Впрочем, население этих стран могло познакомиться с ними и раньше, так как медведи изредка достигают японских берегов вместе с плавучими льдинами. Древнейший письменный источник, содержащий сведения о белых медведях и относящийся к северу Европы, датируется примерно 880 г.; в нем сообщается о том, что два медвежонка были привезены в Норвегию из Исландии. Позже живые звери и медвежьи шкуры уже довольно часто попадают к европейским правителям.

В XII–XIII вв. русские люди начали заселять берега Белого и Баренцева морей. Несомненно, уже в это время поморы охотились на белых медведей, поставляли их в Новгород, а затем и в Москву медвежьи шкуры, а иной раз и живых зверей. Примечательно, что свои лодки отважные новгородские мореплаватели называли, как и белых медведей ушкьями, а себя — ушкуйниками.

В 1774 г. белый медведь был впервые описан в научной литературе как самостоятельный вид. Автор описания, его «крестный отец» — английский зоолог Константин Фиппс.

* * *

В последние десятилетия в связи с развитием разнообразных научных исследований в Арктике наши представления о природе этой части земного шара, о ее фауне, и в частности о белом медведе, сильно обогатились. И, тем не менее, многие стороны биологии зверя изучены недостаточно или остаются вовсе не изученными.

До сих пор, например, неясно систематическое положение этого вида. Между тем уточнение его выходит далеко за рамки интересов зоологов-систематиков и имеет прямое отношение к разработке мер по охране белого медведя. В начале нынешнего столетия предполагалось, что существует несколько самостоятельных видов белых медведей. Позже это мнение было отвергнуто и зоологи начали относить их к одному виду, подразделяя его на несколько подвидов. В советской Арктике выделяют два подвида: к одному из них относят зверей, обитающих в Баренцевом и Карском морях (шпицбергенский, или морской, белый медведь — *Thalassarctos maritimus maritimus* Phipps), к другому — медведей, населяющих более восточные районы (сибирский, или полярный, белый медведь — *Thalassarctos maritimus polaris* Pall.).

Принято считать, что эти подвиды различаются размерами и некоторыми особенностями в пропорциях черепа: звери с запада советской Арктики в массе несколько мельче своих восточных собратьев. Однако различия в размерах животных могут быть объяснены и иначе — разной степенью обжитости Арктики людьми. Там, где медведи реже встречаются с охотниками, они достигают более зрелого возраста, а, следовательно, и большей величины. Но с возрастом не только увеличиваются размеры тела животных — изменяются и пропорции их черепа. Если учесть также особенности миграций медведей (речь об этом пойдет ниже), можно предположить, что все звери образуют единую, постоянно перемешивающуюся группу. Среди них в таком случае нет каких-либо строго ограниченных в распространении подвидов или рас, и все они представляют общее достояние государств, владеющих Арктикой, ибо каждый медведь через тот или иной промежуток времени может быть встречен у берегов Канады и Сибири, Гренландии, Шпицбергена или Аляски.

Слабо изучены не только миграции, но и особенности размножения, зимовки, болезни и другие стороны жизни белых медведей. Очень интересен и также почти не исследован

вообще весь набор приспособлений зверей к обитанию в суровых арктических условиях. Е последнее время все большее внимание зоологов привлекает изучение внутреннего механизма ориентации животных — определение ими направления и своего местонахождения. Относительно недавно было установлено, что птицы определяются в пространстве благодаря свойственному им «чувству времени», а также способности учитывать положение Солнца и звезд. Белый медведь по протяженности своих миграций соперничает с птицами. Однако на его родине солнце по несколько месяцев подряд не поднимается над горизонтом. Видимо, механизм ориентации медведя существенно отличается от птичьего, но каков он на самом деле, неясно.

Характерная особенность зверя — способность долгое время жить без корма. Далеко не каждый день удастся ему добыть тюленя. Голодный медведь может залегать в спячку в любое время года (при недостатке пищи, например, если он оказывается на небольшом пустынном островке, медведь может спать подолгу даже летом). Приспособлением к длительным голодовкам можно считать и способность его поглощать за один раз громадное количество корма (до пятидесяти и даже до семидесяти килограммов мяса и жира). Белый медведь способен быстро накапливать слой подкожного (и внутреннего) жира и медленно расходовать эти резервы, накапливать в печени колоссальные запасы витамина А и т. д. Таким образом, этот зверь представляет интерес для зоологов не только как слабоизученный вид и замечательное украшение арктических льдов, но и как своеобразная «живая модель», которая может помочь ученым в решении важных общебиологических проблем.

Итак, белые медведи «прописаны» во льдах и почти не встречаются южнее пределов плавучих льдов и узкой полосы арктических побережий. Со льдами они попадают к берегам Исландии, Южной Гренландии, в Берингово и даже Охотское море. Установлено, что звери достигают Северного полюса; в ближайших окрестностях его, по наблюдениям арктических экспедиций и дрейфующих исследовательских станций, появляются не только взрослые медведи (как самцы, так и самки), но и медведицы с медвежатами.

Наиболее многочисленны медведи в тех районах Арктики, где больше участков открытой воды: здесь легче встретить и добыть тюленей. По этой причине зимой звери тяготеют либо к южной кромке дрейфующих льдов, либо к полыньям, круглый год существующим в высоких широтах Арктики. Такие полыньи здесь известны с давних пор, а некоторые из них получили даже и свои названия. У Новосибирских островов, например, существует Великая Сибирская полынья, долгое время встававшая непреодолимым препятствием на пути исследователей и загадочной Земле Санникова (*Теперь установлено, что Земли Санникова на самом деле не существует*). Гренландская полынья доставила немало хлопот Роберту Пирина его пути к Северному полюсу. Участки свободного от льдов моря постоянно бывают у севера Земли Франца-Иосифа, у Новой Земли, у Восточного Таймыра.

Полыньи вообще характерны для границ Центральной Арктики и образуют здесь замкнутое кольцо. Это поистине «арктическое кольцо жизни». Не улетая далеко от мест гнездовий, на нем зимуют чистики, некоторые чайки и другие водные птицы. Практически только здесь обитают полярные дельфины — нарвалы. На этих полыньях зимой легче живется тюленям, которые в свою очередь и привлекают сюда белых медведей. Поразительный по смелости опыт осуществил полстолетия назад известный американский исследователь Вильялмур Стефанссон. Пропагандируя «гостеприимство» Арктики, он со своими спутниками предпринял длительное путешествие по морским льдам, живя лишь за счет охоты на тюленей и белых медведей. Его маршруты в основном проходили в пределах «арктического кольца жизни», чем и объясняется успех опыта. В тех случаях, когда путешественники удалялись от полыней, они каждый раз начинали испытывать недостаток продовольствия.

Основная масса льдов, среди которых проходит жизнь медведей, находится в почти постоянном движении. Вычислено, что средняя скорость их дрейфа составляет около двух (половиной миль (пять километров) в сутки, а в отдельных случаях она может достигать и

восемью миль (пятнадцать километров) в сутки. В большей части Северного Ледовитого океана льдины дрейфуют в направлении движения часовой стрелки и постепенно выносятся в Гренландское море. В своем движении льды перемещают и белых медведей, хотя конечно, звери кочуют и самостоятельно, разыскивая корм и задерживаясь там, где он более доступен.

Дрейфующие льды — стихия белого медведя. Фото В. К. Орлова.

Льды иногда могут «довозить» медведей до Исландии и юга Гренландии. Однако «удобства» на этом кончаются, и дальше животные вынуждены пробираться к северу вдоль западных берегов Гренландии и островов Канадской Арктики самостоятельно. Вернувшись в Ледовитый океан, они опять оказываются во власти дрейфующих льдов и, в конце концов снова могут попасть в негостеприимную Северную Атлантику. Такие «кругосветные путешествия», как предполагает датский зоолог А. Педерсен, некоторые звери совершают за свою жизнь не один раз.

Летом, когда льды в Арктике становятся разреженными, равномернее распределяются и медведи. К зиме большинство зверей вновь собирается к открытой воде. Странствуя, они не так уж редко оказываются на суше, и, если льды отходят от берегов, звери надолго задерживаются на островах или на материке, питаясь отбросами, которые им удается собрать у подножий птичьих базаров, леммингами, даже веточками и корешками карликовых ив. Местами (например, на Чукотском полуострове) на суше существуют настоящие медвежьи дороги; ими звери обычно пользуются, переходя по кратчайшему пути из одного залива в другой или из Чукотского моря в Охотское и обратно. Летом медведи нередко остаются на побережье Гудзонова залива. Дожидаясь подхода льдов, они бродят по помойкам вблизи поселков. Оставшись вовсе без корма, медведи здесь даже залегают в летнюю спячку, ложатся в берлоги, вырытые в земле среди зарослей кустарников и иногда даже в лесу.

Независимо от того, где он находится — на льду или на суше, зверь замечательно точно определяет, где расположены участки открытого моря, подчас удаленные на десятки, даже на сотни километров, и уверенно идет к ним. Полярные мореплаватели, оказавшись на затертом во льдах судне, стремятся проложить курс на «водяное небо» — к отблескам полыней на небосводе. Возможно, что этим же ориентиром пользуется и белый медведь.

Область обитания белого медведя на земном шаре невелика. Собственно же родина зверей (она, конечно, есть и у этих животных, хотя им не особенно свойственна привязанность к ней) и вовсе мала. Это отдельные островки Арктики — гористые, слабо освоенные человеком и расположенные на путях обычных медвежьих миграций. На них осенью собираются медведицы. Здесь они залегают в берлоги, рожают медвежат, а весной пускаются с ними в привычное путешествие. Одиночные берлоги можно встретить во многих частях арктической суши. Некоторые острова оказываются особенно удобными для залегания зверей, и сюда, в основные «родильные дома», каждый год приходит большое

количество медведиц. Места, где родилось подавляющее большинство белых медведей, в советской Арктике находятся на западе Земли Франца-Иосифа и на острове Врангеля, а в зарубежной Арктике — на востоке Шпицбергена, на северо-востоке и западе Гренландии, на некоторых восточных островах Канадского арктического архипелага (в частности, на Баффиновой Земле и острове Саутгемптон).

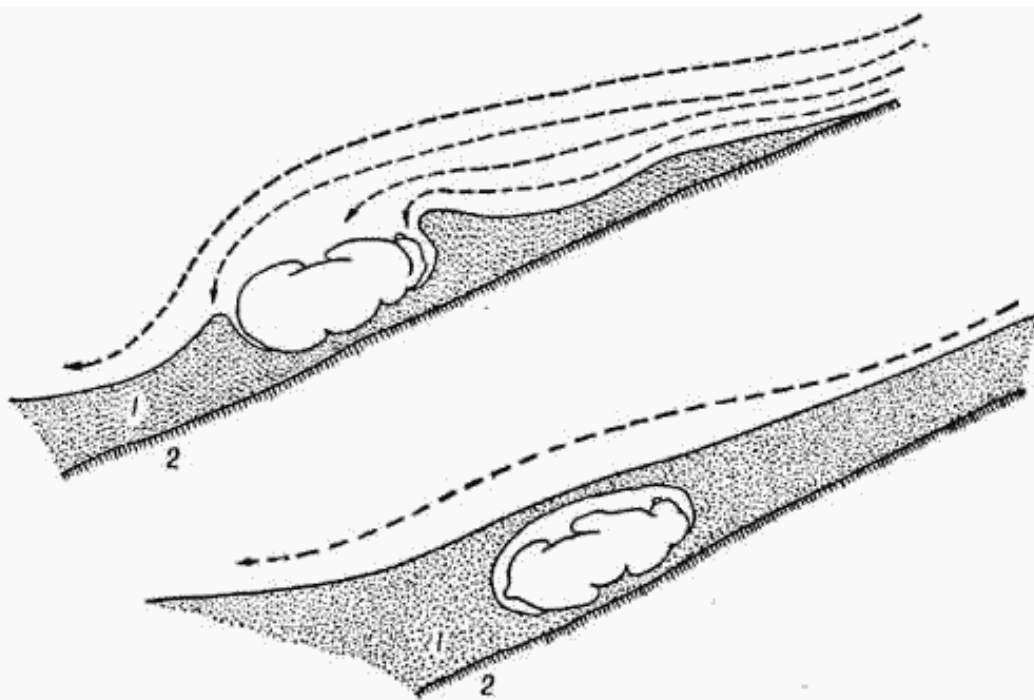
Жизнь белого медведя по существу очень проста и однообразна: покончив с тюленем и отоспавшись здесь же, на месте успешной охоты, мишка бредет в поисках новой добычи. Иногда удача ему сопутствует, зверя подолгу не оставляет приятное чувство сытой тяжести и он, «шикуя», лакомится только тюленьим жиром, оставляя прочие части туши своим «нахлебникам» — песцам, белым чайкам и воронам. Однако обычно медведь живет впроголодь, а нередко и вовсе голодает. В таких случаях приходится туго и ему самому, и его спутникам, особенно песцам; белым чайкам и воронам иной раз удается выследить более удачливого кормильца.

Мир для белого медведя ограничен ледяными полями. Зато он и чувствует себя среди них дома, это его привычная стихия, родной «кров». Звери прекрасно разбираются в особенностях льда, безошибочно находят самые легкие и проходимые пути среди, казалось бы, непролазных нагромождений торосов и в зависимости от времени года, поверхности и величины ледяных полей по-разному охотятся на тюленей. В маршрутах мне и моим товарищам не раз приходилось пересекать участки торосенных льдов. То проваливаясь по пояс в снег, то карабкаясь на скользкие ледяные кручи, мы обычно с надеждой смотрели по сторонам и, если замечали след медведя, путь которого хоть частично совпадал с нашим всегда старались выйти на тропу, проложенную четвероногим путешественником. Дорога эта оказывалась самой легкой.

В ровных, сплоченных льдах медведи с удивительным терпением часами подкарауливают тюленей у их лунок. На фоне заснеженной льдины лежащий мишка сам выглядит большим сугробом. Свой предательски чернеющий нос, как утверждают многие очевидцы, он тщательно прикрывает лапами. Стоит тюленю хоть на мгновение показать голову, как медведь схватывает его лапой или одновременно и когтями и зубами. Зимой тюлень прилагает немало усилий к тому, чтобы поддерживать лунку открытой, и, тем не менее, это отверстие во льду обмерзает; подчас сквозь него проходит на поверхность только кончик тюленьей морды. Впрочем, это обстоятельство мало смущает медведя. Захватив добычу он с такой силой тянет ее из лунки, что ребра и тазовые кости поднятого на лед тюленя оказываются раздробленными. Это и не удивительно: белый, медведь в состоянии поднять на высокий и крутой берег даже тушу моржа или белухи весом более тонны.

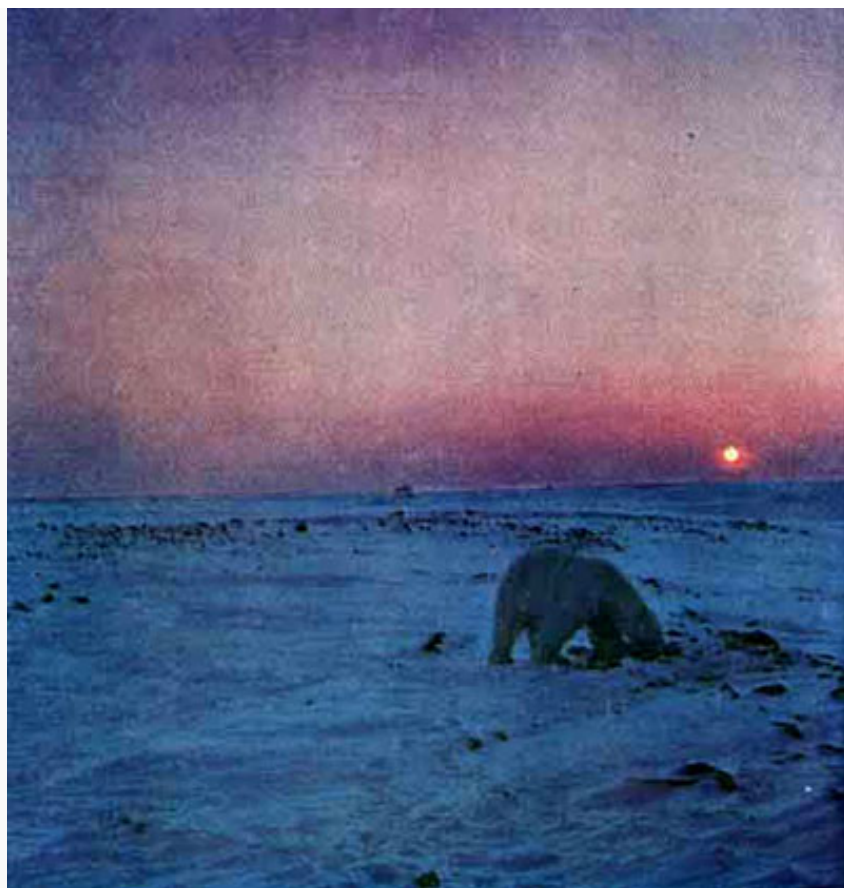
Весной и в начале лета нерпы, наиболее многочисленные в Арктике тюлени, непрочь понежиться на солнцепеке. Ложатся они на ровных, гладких ледяных полях, часто поднимая головы и осматриваются. При малейшей опасности, мелькнув в воздухе вытянутыми задними лапами, тюлень скатывается в лунку и исчезает. В таких случаях медведь высматривает добычу с вершины тороса. Иногда охота длится много часов подряд. К намеченной жертве медведь бесшумно подкрадывается, искусно прячась за каждым небольшим укрытием, и настигает ее одним-двумя могучими прыжками. К тюленю, лежащему среди разреженных льдов, он нередко подбирается с воды, подплывает, глубоко погрузившись, ныряя или даже по рассказам полярников, толкая перед собой для маскировки небольшую льдинку.

Медведицы, которым предстоит произвести на свет потомство, выходят на сушу в начале зимы, обычно в сентябре — октябре (именно в это время они и появляются на острове Врангеля). Здесь они подолгу бродят в разных направлениях, осматриваются и наконец ложатся в ямах или неглубоких пещерах, вырытых в посеребренных за лето прошлогодних снежных забоях. Сама медведица часто предоставляет заботы по сооружению своего жилища ветру и снегу. Первая же пурга замечает зверя, образуя вокруг него не только стены но и потолок.

Нередко «строят» берлогу снег и ветер: 1 — снег, 2 — грунт.

Зоологи до сих пор не знают: пользуются ли убежищами и самцы и самки белых медведей или это свойственно лишь беременным медведицам? На острове Врангеля за тридцатилетнюю историю его хозяйственного освоения в берлогах были добыты многие сотни зверей, но ни одного самца или яловой самки среди них не оказалось. Не встретили и вблизи убежищ и мы — только матерей с малышами. Изредка местные охотники встречали самцов или яловых самок, лежащих в снежных укрытиях среди торосов или на прибрежных льдах. Эти убежища были явно временными и сильно отличались по устройству от настоящего берлога на суше. Известно, однако, что в других частях Арктики — на Северном Таймыре, в Северной Гренландии — в берлогах иногда залегают и холостые звери. Можно предположить, что, чем севернее расположен район и чем труднее добывание корма в зимние месяцы, тем чаще пользуются убежищами самцы и яловые медведицы. Они пережидают в снежных берлогах непогоду и период бескормицы, но при первой возможности, не придерживаясь строго определенных сроков, бросают их и пускаются в дальнейший путь. Беременные же самки встречаются в устроенных на льду укрытиях крайне редко.

На Земле Франца-Иосифа. Фото автора.

Наблюдения на острове Врангеля и на Земле Франца-Иосифа показывают, что, хотя состав зверей, пользующихся основными «родильными домами», постоянно меняется (медведицы приносят потомство через два года, к тому же, возможно, каждый раз в новом районе Арктики), берлоги бывают устроены ежегодно в одних и тех же местах. Примерно одинаковым оказывается здесь каждую зиму и количество берлог. Это, скорее всего свидетельствует о недостатке в Арктике мест, удобных для залегания зверей.

В середине зимы, в ноябре — декабре, в берлогах появляются медвежата, покрытые редкой белесой шерсткой, беспомощные, слепые и глухие, размером не крупнее новорожденных котят. По сравнению с медведицей величина малышей ничтожна. Но всю зиму мать не питается, живет за счет накопленных в организме запасов, и прокормить более крупное потомство ей, возможно, и не удалось бы. Вообще зимующие в берлогах медведицы отличаются удивительной упитанностью; даже весной у них на теле сохраняется слой подкожного жира толщиной до десяти сантиметров. Самцы и холостые самки весной бывают очень тощими.

До тех пор пока малыши живут в берлоге, их единственный корм составляет материнское молоко, похожее на сливки, густое и очень богатое жиром. Когда семья покидает зимнее жилище и медведица начинает охотиться, медвежата познают вкус тюленьего жира и мяса хотя их молочное кормление продолжается до полутора лет. Медведицы, как правило приносят двух, очень редко трех детенышей; молодые самки чаще рожают по одному медвежонку.

В марте — апреле, когда Арктики достигает первое, еще робкое дыхание весны, малыши становятся настолько самостоятельными, что мать решается вскрыть берлогу, прокопать из нее лаз и вывести потомство наружу. В течение нескольких дней, прежде чем переселиться на лед, семья еще пользуется зимним убежищем, предпринимая днем недалекие прогулки и уходя на ночь обратно в логово. В хорошую погоду медвежата (вес их достигает теперь десяти — пятнадцати килограммов) с увлечением берутся и играют на снегу, раскапывают

его вместе с матерью, добираясь до замерзших стебельков трав и веточек ив. При опасности — покажется ли человек, собака, вездеход — семья спешит укрыться в берлоге. Последней исчезает самка, время от времени она еще высовывает наружу голову, приподнимается и осматривается. Если опасность близка, семья затаивается; некоторые медведицы, пытаясь отогнать врага, на мгновение показывают из лаза голову, рывком или фукают. Но мать в таких случаях не оставляет берлогу и малышей.

Медвежья семья сохраняется долго, около двух лет. И, тем не менее, начавшие самостоятельную жизнь молодые еще далеко не достигают своей полной величины и веса. Рост белых медведей продолжается и в последующие годы; у самок он заканчивается в четырех-, пятилетнем возрасте, самцы же практически растут всю жизнь. Созревают медведи поздно: самки впервые приступают к размножению на третьем, самцы — на четвертом году жизни. Поголовье медведей, следовательно, растет очень медленно, что восполняется в какой-то мере лишь долголетием зверей. По-видимому, до двадцати пяти лет они еще могут приносить потомство, а отдельные медведи доживают и до более почтенного возраста, возможно до тридцати и даже до сорока лет (во всяком случае, такого возраста они достигают в зоопарках). Живется старикам, конечно, не сладко, и, в конце концов, их ждет гибель от голода и истощения; они уже плохо видят и слышат, становятся малоподвижными, зубы их почти совсем стачиваются. Арктической весной у медведей наступает брачный сезон. Длится он недолго, около месяца. В продолжение его самец и самка ходят вместе и даже обнаруживают что-то похожее на взаимную привязанность. Однако самцам «супружеское счастье» достается нелегко: многочисленные рубцы и шрамы на их шкурах служат наглядным доказательством жестоких потасовок, происходящих между соперниками в это время. Остальную часть года звери держатся семьями (медведицы с медвежатами) или поодиночке, обычно не проявляя к своим собратьям заметного интереса. Иногда у больших запасов корма, например у туши выброшенного морем кита, собирается по несколько медведей. Сохраняя полное равнодушие к соседям, точнее, нечто вроде «вооруженного нейтралитета», они отъедаются и отсыпятся здесь, а когда пищи не остается, расходятся в разные стороны. По натуре белый мишка «нелюдим», поэтому он вряд ли рад и обществу своих спутников — песцов, чаек, воронов. Однако избавиться от них не в его силах. Особенно часто медведя сопровождают песцы и белые чайки. Большинство песцов на зиму уходит из тундр либо к югу, либо к северу, на морские льды; белые чайки вообще проводят всю жизнь в Северном Ледовитом океане. Вороны не рискуют улетать далеко от суши и кормятся при медведях лишь у прибрежных льдов. Такие сообщества обычно возникают осенью и распадаются весной или в начале лета. В каждом из них складываются сходные взаимоотношения между сочленами. Спутники, по-видимому, не мешают медведю охотиться; убедившись на опыте, что они слишком увертливы и неуловимы, он перестает обращать на них внимание, тем более что сытого зверя мало интересует судьба остатков его трапезы. Два-три песца, первыми приставшие к медведю, очевидно считают его уже своей собственностью и отгоняют позднее появившихся здесь соплеменников. Все нахлебники внимательно следят за результатами охоты кормильца и терпеливо ждут, пока он насытится. Остатками добычи завладевают песцы. На долю белых чаек остается не так уж много, иногда только капли тюленьей крови на снегу. Сосуществование песцов заставляет их к тому же постоянно быть настороже.

В природе у белого медведя нет врагов. Силой с ним, пожалуй, мог бы помериться только морж. Но этот арктический исполин миролюбив. Словно уважая достойного противника, медведи, встречаясь с моржами на льдинах или на берегу, как правило, не отваживаются нападать на них и тем самым не подвергаются риску быть изувеченными моржовыми бивнями. Очень редко вышедшие на сушу медведи становятся жертвой волчьих стай.

Медвежата, особенно весной, чаще всего гибнут от... самих же медведей, возможно даже от своих отцов. Некоторые самцы в это голодное и трудное для зверей время года специально выслеживают медведиц с медвежатами, нападают на малышей и, несмотря на то, что мать яростно защищает потомство, пожирают их. Не исключено, что более крупные и сильные

медведи иногда поедают и взрослых, но меньших по размерам и слабых собратьев. С точки зрения человеческой морали такие поступки, конечно, не находят оправдания. Но эта точка зрения мало пригодна в оценке природных явлений. Осуждать поведение голодающих зверей, по крайней мере, преждевременно, ибо многие важные в данном случае детали остаются неизвестными. Нужно сказать, что каннибализм вообще широко распространен среди животных и во многих случаях биологически оправдан, полезен для вида в целом.

Возможно, медведи, особенно самцы, иногда гибнут от ран, нанесенных им соперниками во время брачного сезона или медведицами, защищающими медвежат. Нередко у добытых зверей обнаруживаются трещины и переломы ребер, костей конечностей или черепа. Скорее всего, эти повреждения звери получают во время подвижек и торошения льдов. Сильный удар льдины может даже убить мишку. Какие-либо заболевания, свойственные только белому медведю, неизвестны. Звери страдают воспалением суставов и при ходьбе в таком случае заметно хромают. Очень старые животные с гнилыми и разрушенными зубами несомненно, знакомы с зубной болью.

Белые медведи, как и тюлени, песцы, ездовые собаки, болеют трихинеллезом. Это заболевание вызывается паразитами, живущими в мышцах животных и человека. Существует предположение, что в Арктике оно появилось или, во всяком случае, получил широкое распространение недавно и, быть может, было завезено сюда с домашними свиньями. В некоторых районах трихинеллезом поражена сейчас почти половина белых медведей; как и домашние животные, они тяжело переносят болезнь и нередко гибнут от нее. Наконец, есть подозрение, что звери подвержены в природе не менее опасному для них заболеванию — туберкулезу.

Однако главная причина гибели белых медведей — это истребление их человеком. Звери не отличаются большой осторожностью, а подчас и вовсе не обнаруживают страха перед людьми, поэтому охота на них, тем более с применением современного оружия, проста и добычлива.

* * *

До тех пор пока на них охотились лишь немногочисленные коренные жители Крайнего Севера, вооруженные копьем и луком, урон в медвежьем поголовье, конечно, был невелик. Однако уже в XVII–XVIII вв. в арктические моря начали регулярно проникать зверобойные суда, и промысел белых медведей с этого времени стал быстро увеличиваться. Резко возрос он в середине прошлого столетия, когда запасы гренландских китов в Арктике истощились и внимание зверобоев переключилось на тюленей, моржей и медведей. Но особенно широкая охота на медведей велась в течение трех-четырех последних десятилетий. Известно, что только на Шпицбергене за 1920–1930 гг. было добыто их более четырех тысяч. Норвежские охотники добыли в 1924 г. Семьсот четырнадцать зверей, а с 1945 по 1963 г. — около шести тысяч. По самым скромным подсчетам, только на севере Евразии с начала XVIII в. было добыто больше ста пятидесяти тысяч белых медведей.

Осваивая Арктику, строя в ней города и поселки, человек вообще потеснил зверей. С каждым годом здесь остается все меньше мест, пригодных для залегания медведиц. Человек же, возможно, и косвенный виновник распространения среди медведей трихинеллеза.

Уже сто лет назад появились первые сообщения о том, что количество белых медведей на островах Баренцева и Берингова морей и на севере Канады заметно уменьшается. Позднее в разных частях Арктики численность зверей стала сокращаться с почти катастрофической быстротой. По наблюдениям советских полярников, на прибрежной полосе льда у мыса Челюскин в 1932–1938 гг. прошло около четырехсот медведей, а в 1948–1949 гг. — только три. За последние тридцать — сорок лет на севере и востоке Гренландии количество зверей сократилось наполовину, а на юге и западе Гренландии — даже на девяносто процентов.

Усиленное преследование белых медведей совпало с очередным потеплением Арктики

За последние десятилетия здесь не только уменьшилась площадь льдов, но и ухудшились кормовые возможности зверей, а это в свою очередь привело к уменьшению их численности. Например, у побережья Гренландии с повышением температуры морских вод исчезла холодолюбивая рыбешка сайка. Вслед за ней отступила к северу нерпа, в рационе которой сайка занимает основное место. Естественно, что эти районы должен был оставить и белый медведь, ибо нерпа — основной источник его существования.

Медведь кочует от одной добытой нерпы к другой. Фото автора.

Охотника, особенно в последнее время, интересует главным образом медвежья шкура. Местное население издавна употребляло шкуры вместо постели, из них шили одежду и обувь. И сейчас еще эскимосы северо-западной Гренландии ходят зимой в штанах из медвежьего меха. Ненцы, обитатели севера Европейской части СССР и Западной Сибири, до последнего времени надевали в сильные морозы поверх обычной обуви медвежьи «галуши» — тобоки. И ненцы, и чукчи, и эскимосы обычно брали с собой в дорогу обрезки медвежьей шкуры: шерсть на ней не намокает, и ею удобно войдаться сани. Благодаря водонепроницаемости и большой плавучести шерсть медведя считалась хорошим материалом для поплавков и рыболовным сетям. Летний мех белых медведей короткий и редкий; шкуры зверей, добытые в это время, употребляются для выделки кож.

Конечно, большинство медвежьих шкур вывозится за пределы Арктики. Пройдя долгий и сложный путь, они, в конце концов, превращаются в дорогое и нарядное украшение квартир — медвежьи ковры. На севере Канады и Аляски сто лет назад скупщик пушнины приобретал шкуру белого медведя у эскимосов за пачку табака или несколько зарядов пороха и свинца. В конце прошлого столетия за лучшие медвежьи шкуры эскимосы получали от пяти до пятнадцати долларов. В 50-х годах нашего века цена шкуры поднялась здесь до сорока, а в последние годы — даже до двухсот долларов. Конечно, готовые ковры на последнем этапе их пути от охотника к покупателю стоят во много раз дороже.

Вполне съедобно и мясо белых медведей, особенно молодых зверей, хотя медвежий жир, которому присущ заметный запах воровани, нравится не каждому. Несъедобна лишь печень. Разделявая туши, и эскимосы, и чукчи, и ненцы обычно бросали ее в море или зарывали в землю. Они не только не ели печень сами, но и опасались, чтобы она не досталась собакам. Новички в Арктике, которым случалось отведать медвежьей печени, расплачивались за оплошность головной болью, рвотой, расстройством зрения, иногда даже смертью. Теперь выяснено, что в печени белого медведя содержится колоссальное количество витамина А. Несколько граммов печени восполняют годовую потребность человека в этом витамине, а съеденная в большом количестве, она вызывает острое заболевание гипервитаминозом, похожее на отравление.

И все же в прошлом белых медведей добывали не столько из-за шкур, сколько из-за мяса. Охотники питались им сами и кормили медвежатиной собак. В век санных и пеших путешествий в Арктике белый медведь не без основания считался «резервным депо».

продовольствия» и тем самым косвенно способствовал изучению и освоению этой части земного шара. Некоторые экспедиции даже заранее планировали жизнь в высоких широтах за счет местных ресурсов и добывали продовольствие, главным образом охотясь на медведей. Кстати подвернувшийся мишка вообще нередко выручал здесь терпящих бедствие полярников, спасая их от голодной смерти.

Живые белые медведи, особенно медвежата, пользуются неизменным успехом в зоопарках, зоологических садах, зверинцах и цирках. Каждый год через учреждения и фирмы Европы и Америки, торгующие живыми животными, проходит по несколько десятков медвежат, причем стоят они дороже самых лучших медвежьих шкур. Звери хорошо переносят неволю, приспосабливаясь к самым необычным для них условиям — не только к умеренному, но и к жаркому климату, и живут в неволе десятками лет. Во многих зоопарках мира они регулярно размножаются.

Известно, что белого медведя демонстрировал при своем открытии, еще в 1793 г. Парижский зоопарк — один из старейших зоопарков мира. В 1965 г. более четырехсот пятидесяти белых медведей содержалось в зоопарках более чем ста пятидесяти городов всех континентов, в том числе в зоопарках Индии, Южной Африки, Японии и т. д. В СССР их можно увидеть сейчас в двадцати трех зоопарках и зоосадах. Кормят зверей в неволе хлебом, мясом, рыбой, тюленьим или китовым жиром, а в южных городах они не отказываются и от такой, казалось бы, не свойственной им пищи, как трава, яблоки или арбузы.

Впервые приплод от белых медведей, живших в неволе, получили в 1867 г. в Лондонском зоопарке. В 1899 г. звери размножались в зоопарках Москвы и Цинциннати, а в 1965 г. их разводили уже двадцать пять зоопарков, в том числе зоопарк города Аделаиды в Австралии. В Советском Союзе белые медведи наиболее регулярно размножаются в Ленинградском и Московском зоопарках.

Там, где это не запрещено законом, белых медведей чаще убивают при случайных встречах. Нередко охотники используют собак, роль которых заключается в том, чтобы догнать зверя, остановить его и удержать на месте до подхода человека. Конечно, не всякая собака может справиться с такой задачей. От хорошей медвежатницы требуется не только злобность, но и большая ловкость, способность увернуться от страшного удара медвежьей лапы. В «родильных домах» до недавнего времени была распространена охота на медведей в берлогах. Добывают медведей с судов, а на Аляске используют для этой цели даже самолеты.

Сам охотник при встречах со зверем не подвергается большому риску. Чаще всего даже раненый медведь стремится лишь уйти от преследователей, хотя бывают и исключения. Не спешит скрыться зверь, встретившийся с людьми впервые в жизни. Бывает, что он вовсе не обращает внимания на неизвестных ему двуногих существ, во всяком случае, они не кажутся ему съедобными. Иногда в медведе пробуждается любопытство, впрочем, также не имеющее ничего общего с агрессивными намерениями, и он, не таясь, идет к человеку. Отогнать такого зверя обычно удается окриком, брошенным в его сторону камнем или выстрелом в воздух. Самое опасное — пытаться убежать от медведя. При всем своей добродушии он остается хищником и невольно в силу свойственного ему инстинкта устремляется в погоню. Зверь в этом случае очень напоминает котенка, который с азартом догоняет бумажку, хотя вовсе и не считает ее за лакомство. Медлительность его обманчива, и в беге, особенно на короткой дистанции, он имеет явные преимущества. По-видимому, при таких обстоятельствах чаще всего и происходят несчастные случаи — увечья или гибель людей от белых медведей.

На человека может броситься медведь, защищающий свою добычу (например, только что пойманного тюленя) или беспомощных медвежат. Однако и здесь зверь пытается лишь испугать возможного конкурента либо обидчика малышей. Конечно, медведь не котенок, и там, где возможны столкновения с ним, лучше всего иметь наготове заряженную ракетницу (выстрел ракетой — наиболее действенный способ прогнать его), а то и карабин. Тем более

что бывали случаи (хотя и крайне редко), когда звери охотились за людьми, вели себя при этом нагло и не обращали внимания ни на крики, ни на другие угрозы. Как правило, это были очень худые и старые особи, которые, быть может, уже не могли добывать привычный корм.

Действительных случаев нападения медведя на человека настолько мало, что их можно пересчитать по пальцам. На Новой Земле за более чем столетнюю историю ее освоения по этой причине погибли два или три человека. На острове Врангеля за последние тридцать — сорок лет при разных обстоятельствах были убиты тысячи зверей, однако при этом не пострадал ни один человек.

Как уже говорилось, даже медведица при появлении человека у ее убежища не проявляет агрессивных намерений. На острове Врангеля находились такие смельчаки, которые заползали в жилые берлоги (правда, с револьвером в руке) и выходили из них невредимыми. Достоверен рассказ о том, как безоружный лыжник, спускаясь с крутого склона, провалился в берлогу. Прямо перед ним, прижимаясь к стене жилища, полусидела крупная медведица: слышалось шипение разгневанного зверя, теплое дыхание его человек ощущал на своем лице. Лыжник, конечно, натерпелся страха, но выбрался из берлоги, не получив никаких повреждений. Можно вспомнить и о таком происшествии. Эскимос с чукотского берега был унесен на льдине в море и провел в вынужденном плавании много дней. Патроны у него кончились, и винтовка превратилась в бесполезный груз. Однажды, когда человек уснул, на льдине появился большой медведь. Первое время соседи смотрели друг на друга с недоверием, но затем оба успокоились. Зверь в этой истории показал себя с гораздо более привлекательной стороны. Пока он спал, эскимос из ножа и винтовки соорудил копье и заколол им медведя, обеспечив себя мясом до конца путешествия, окончившегося благополучно.

Характерен для поведения белого медведя и случай, описываемый известным норвежским исследователем Арктики К. Родалем (*Я. Родаль. Север. М., 1958*). «Однажды в северо-восточной части Гренландии безоружный моряк был захвачен медведем врасплох. Медведь стоял и наблюдал за ним до тех пор, пока моряк не двинулся с места, после чего медведь последовал за ним. Перепуганный моряк сбросил с себя куртку, чтобы легче было бежать. Увидев, что медведь остановился и осматривает куртку, моряк начал сбрасывать с себя остальную одежду, и каждый раз медведь останавливался и осматривал сброшенную одежду. Когда моряк подбежал к своей лодке, он был совершенно голый. Медведь подошел к лодке и лизнул перепуганному моряку руку; заметив подходящих людей, медведь убежал».

Белые медведи нередко ломают ловушки на песцов, съедают привады и пойманных зверьков, в поисках съестного забираются в склады. Иной раз, скорее любопытства ради, звери сокрушают стоящие на берегу навигационные знаки — мигалки, створы. Однако и от этого баловства их обычно отваживает выстрел из ракетницы. К медведю иногда предъявляется еще одна претензия. Его обвиняют в том, что, питаясь тюленями, он конкурирует с человеком, также заинтересованным в тюленьем промысле. Для подобных обвинений, по крайней мере, сейчас, нет серьезных оснований. Запасы тюленей, в частности нерп, в Арктике, по-видимому, очень велики, и лишь ничтожную их часть добывают зверобой. В то же время тюлень поголовье не терпит большого урона и от медведей, хотя каждый из них съедает за год около пятидесяти тюленей: ведь общее число медведей на земле не так уж велико.

Попытки определить современную численность белых медведей предпринимались неоднократно. Задача эта далеко не проста, и решалась она разными путями. Американский зоолог Скотт в 1959 г. учитывал животных с самолета. У побережья Аляски на полосе шириной семьдесят пять миль он насчитал около двух с половиной тысяч медведей. Допуская, что всюду во льдах звери распределены равномерно, Скотт определил их общее поголовье в семнадцать — девятнадцать тысяч. Однако если вспомнить, что на самом деле белые медведи распространены в пределах своего ареала очень неравномерно, а площадь охваченная учетом, была, в сущности, очень невелика, то можно понять, что этот интересный опыт дает лишь самое приблизительное представление о численности животных.

Несколько большие возможности открывает использование данных советских ледовых авиаразведок, систематически проводимых от запада Баренцева моря до Берингова пролива (включая и Центральную Арктику) по одним и тем же маршрутам. Сделанные таким образом предварительные наблюдения показывают, что плотность обитания белых медведей в советской Арктике в среднем примерно одна особь на семьсот одиннадцать квадратных километров льдов (в Баренцевом море, где медведи наиболее многочисленны, — одна особь на четыреста квадратных километров). Всего же в советской Арктике, по этим данным, обитает пять — семь тысяч, а во всей Арктике — десять — пятнадцать тысяч белых медведей.

Как уже было замечено, с наибольшим постоянством заселяют берлоги медведицы. Известно также, что беременные самки составляют около двадцати процентов всех зверей. Поэтому цифры, более или менее близкие к действительным, может дать учет медвежьих берлог. Этим путем можно определить общие запасы белых медведей в мире — конечно очень приблизительно (общее число берлог точно не установлено) — в восемь — десять тысяч.

Как ни условны подсчеты зоологов, они показывают, что белых медведей сохранилось немного (для сравнения скажем, что их бурых сородичей только в СССР обитает не менее ста тысяч) и что звери находятся в опасности.

Наиболее решительно выступил в защиту белых медведей Советский Союз. Еще в 1938 г. в советской Арктике была запрещена охота на них с судов и на полярных станциях (кроме случаев крайней необходимости). В 1956 г. Совет Министров РСФСР запретил охоту на белых медведей повсеместно, и с этого времени в СССР допускается (по особым разрешениям) лишь отлов медвежат. Значение этих мер в сохранении животных трудно переоценить. В середине 1950 г. количество белых медведей в Арктике сократилось до предела, и они, казалось, стояли уже на грани полного исчезновения. Теперь же численность их не только перестала уменьшаться, но и начался некоторый ее подъем. Белые медведи стали вновь появляться в тех районах, где их давно уже не встречали. Они опять стали подходить к дрейфующим во льдах кораблям, подолгу сопровождать их, питаясь подачками и отбросами. Иные медведи превращаются даже в «профессиональных попрошайек», предпочитая вести легкую, обеспеченную жизнь вблизи людей. Они быстро начинают узнавать главного благодетеля — повара или буфетчика, хорошо ориентируются в распорядке судовой жизни и появляются у борта в часы, когда команда садится за стол. Появляются такие медведи-попрошайки и вблизи поселков. Однако здесь они нежелательны: медведь может испугать, а излишне «развязный» зверь — и помять человека. В тех районах Канады, где охота на белых медведей запрещена, принимаются меры к тому, чтобы сделать помойки и свалки недоступными для зверей. При въезде в поселок вам бросаются в глаза передвижные ловушки. Пойманных в них медведей отбуксировывают в тундру и там выпускают. Мишек, ловившихся неоднократно и, следовательно, «профессиональных попрошайек», отправляют в зоопарки.

На окраинах городов и поселков, расположенных на побережье Гудзонова залива, установлены ловушки для отлова белых медведей. Фото автора.

Несомненно, сыграл свою положительную роль и заказник на острове Врангеля (второй подобный заказник в месте массового залегания в берлоги медведиц организован Норвегией на востоке Шпицбергена).

И, тем не менее, все эти усилия далёко не оправдывают возлагаемых на них надежд. Количество животных увеличивается медленно, и нет полной уверенности, что положение с белым медведем на земном шаре стало вполне благополучным. До сих пор в зарубежной Арктике, хотя и с некоторыми ограничениями, продолжается охота на медведей, причем ежегодно их добывают здесь не менее тысячи.

В Канаде и Гренландии добычу медведей можно еще как-то оправдать, поскольку в этих странах она разрешается только местному коренному населению. На Аляске (США) и Шпицбергене (Норвегия) животные становятся добычей не только местных жителей, но и специально приезжающих для этой цели туристов. К Шпицбергену туристы отправляются на кораблях и охотятся прямо с палубы. На Аляске им предоставляются (конечно, не задаром) самолеты. Летчик разыскивает во льдах по возможности крупного медведя и поблизости от него высаживает охотника. Иногда в этой операции участвуют два самолета, причем один из них выполняет роль загонщика и нагоняет зверя на стрелка.

С медведем без труда справляется и одиночный пеший человек. Использование судов или самолетов не только предельно облегчает добычу зверей, но и усиливает угрозу истребления их на нашей планете. Понятно поэтому, что зоологи, истинные охотники-спортсмены многих стран мира, в том числе Соединенных Штатов и Норвегии, осуждают такую охоту и высказываются за ее запрещение (*В 1972 г. охота на белых медведей с самолетов на Аляске была запрещена; в Норвегии начиная с 1973 г. охота на белых медведей запрещена полностью*).

Сохранить белых медведей можно. Однако для этого необходимы международные усилия. Важный шаг здесь уже сделан: в 1956 г. на Аляске состоялось Первое международное совещание по белым медведям. Собравшиеся здесь специалисты и официальные представители СССР, США, Канады, Норвегии и Дании обсудили состояние изученности животных, согласовали программу дальнейших исследований, выработали некоторые практические мероприятия по их охране. В 1968 г. Международный союз охраны природы и природных ресурсов провел Первое международное рабочее совещание и организовал в своем составе специальную комиссию по координации усилий, связанных с изучением и охраной белых медведей. В 1970 и 1972 гг. были проведены Второе и Третье международные рабочие совещания по белому медведю, по рекомендации которых значительно сократился объем охоты на зверей в Канаде, США и Норвегии.

Конечно, это лишь начало, но оно показывает, что у белых медведей, этих сильных, ловких и добродушных животных, в мире есть защитники; оно вселяет надежду, что звери все-таки уцелеют на земле и будут жить не только в зоопарках, но и на свободе, в Арктике.

Птичьи общежития

На побережье хозяйничала весна. Температура воздуха поднялась выше нуля. Влажный ветер донес из тундры горьковатый запах оттаявшей земли и трели пуночек, зарябил в поселке поверхность луж. Вода показалась в долинах тундровых рек, и с моря вглубь суши потянулись первые стаи гаг (*Из нескольких видов гаг, обитающих в советской Арктике, на острове Врангеля встречается преимущественно один — тихоокеанская гага*).

Близился прилет гусей. Это можно было понять не только по погоде или по календарю, но и по разговорам и поведению островитян. В каждом доме чистились заржавевшие, с осени пролежавшие без надобности дробовики, заряжались патроны. На белых гусей во время их пролета местным жителям разрешено охотиться. И хотя далеко не каждому стрелку удастся убить птицу, все мужское население острова в эти дни бредит гусями. На гусиную охоту здесь смотрят как на отдых, развлечение, даже как на праздник (наверное, потому, что гуси — главная, наиболее зримая примета весны, а она в высоких широтах особенно желанна). Остались пока без внимания лежащие на припае нерпы: нерпичий промысел, конечно важнее, но ведь это просто работа, будничная, повседневная. По вечерам стало свободнее в клубе: заядлых охотников не влекли кинофильмы, даже новые и с самыми интригующими названиями.

«Гусиная лихорадка» не обошла стороной и Нанауна. Рано утром я проходил мимо его дома. Вдоль стены лежали разомлевшие, безучастные ко всему собаки; лишь Апсинок, узнав меня, лениво похлопал хвостом по луже. Василий с младшим сыном, десятилетним Левоу сидели на крыльце и высекали пыжи из старых валенок.

«Собираешься?» — спросил Нанаун. Было ясно, о чем идет речь. Вскоре нам предстояло переселиться в тундру, к пику Тундровому, чтобы там, вблизи птичьей колонии, встретить пернатых путников, с первых дней появления гусей проследить за их жизнью на острове Нанаун — в который раз! — с трепетом ждал гусяного перелета, и мысли его наверняка витали где-то на склоне горы, у многократно испытанной засидки.

Наконец наши сборы закончились, и семнадцатого мая гусеничный трактор, впряженный в громадные сани, потащил нас со всем имуществом в глубь острова. На санях в такт ухабам колыбался и скрипел балок — дощатый домик с дверью, окном, железной печкой, сверху начиненный ящиками, мешками, бочками. Гусеницы деловито наматывали все новые и новые километры. Казалось бы, все так же ярко светит солнце, но чем выше, чем дальше от поселка, тем меньше было видно проталин, совсем исчезли лужи, и о начавшейся там, внизу распутице какое-то время напоминали лишь полосы грязи на снегу, стертые с полозьев.

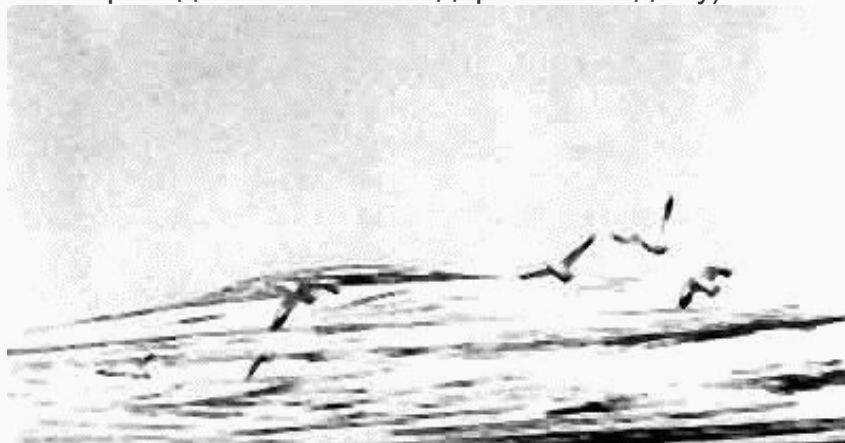
Сутки в пути — и вот оно, гусяное гнездовье! Вокруг еще настоящая зима. Девственной белизны снежная пелена. Колючий, пронизывающий ветер срывает с гребней заструившуюся снежную пыль. Впрочем, меня эта картина радует. Значит, мы не опоздали с переездом, значит, нам удастся застать самое начало прилета гусей.

Оборудование лагеря заняло немного времени. Место для него было выбрано заранее еще во время зимних маршрутов. Теперь требовалось лишь стащить с саней домик — это

без труда сделал трактор, — поставить рядом с домиком палатку-склад и сложить в ней ту часть имущества, что боится снега и дождя. И не успел еще умолкнуть за дальними увалами тракторный мотор, как лагерь принял жилой вид. Из высокой трубы над домиком приветливо вился дымок, на бугре и на склонах оврага — берегах будущего ручья — наметились первые тропинки.

Весна будто и впрямь забыла про эту часть острова. Три дня подряд температура воздуха здесь не поднималась выше минус двух градусов, то и дело начиналась поземка. Утром двадцать второго мая повалил густой, мокрый снег, а к вечеру разыгралась нешуточная пурга. Обычно в эту пору на острове уже видят первых гусей, но теперь их задерживала погода. Из пернатых нас навещали пока только пуночки. Пять или шесть пар их, появившиеся у лагеря еще в день нашего приезда, очевидно, на правах «первооткрывателей» упорно изгоняли из его окрестностей позднее подлетавших соплеменников. Закончив оборудование лагеря, мы сразу же устроили ловушку для пуночек. Уже несколько часов спустя все «первооткрыватели» перебивались в ловушке и теперь отличались от остальных пуночек алюминиевыми кольцами, надетыми на лапки.

Двадцать пятого мая нас навестил вездеход. Он привез кое-что из оставленных в поселке грузов и последние новости — а они были интересны! Оказалось, что гуси все-таки выдерживали издавна установленное ими расписание. Несмотря на снегопад, первая стайка гусей показалась над бухтой Сомнительной двадцать первого мая. Двадцать второго стаи пролетала над поселком, и Нанауну, на зависть всем остальным охотникам, удалось добыть из нее пару птиц (судя по рассказам, Василий и сам немало гордился своим успехом: с небрежно заброшенными за спину трофеями он не спеша прошеествовал вдоль всего поселка, хотя здесь и не проходила ближайшая дорога к его дому).

Показались долгожданные белые гуси. Фото автора.

Погода у нас резко изменилась лишь двадцать шестого мая. Уже ранним утром температура воздуха поднялась выше нуля. На глазах стал оседать снег, с крыши домика весело зазвенела капель. Прошло немного времени, и из-под снега появились камни, темные пятна лишайников, а в середине дня над лагерем протянулась первая стайка из девяти белых гусей. К исходу следующего дня от снега освободилось уже около четверти, а еще через день — почти половина поверхности тундры. Весна стремительно врывалась вглубь острова. Появились первые кулики тулеса, и в воздухе зазвучали их меланхолические крики. В окрестностях лагеря исчезли пуночки: теперь им стали наконец доступны семена тундровых трав и расщелины среди камней, где можно устраивать гнезда. Появлялось все больше и больше гусей.

Редкий человек, не говоря уже об охотнике, останется равнодушным, не остановится при виде стаи летящих гусей: настолько гармонично сложение этих крупных птиц, настолько совершенен и сложен их полет. Но особенно волнующее зрелище — косяки белых гусей плывущие в голубом весеннем небе. Часами можно было провожать их взглядом, следить за

размеренными взмахами черных окончаний гусиных крыльев. Стаи одна за другой подлетали теперь с востока, переваливали через горный хребет и, снизившись, начинали кружить над гнездовьем.

В ближайшие дни еще возвращались холода, шел мокрый снег, но было ясно, что зима отступила. Второго июня впервые можно было выйти из домика без темных очков, а это значило, что снежный покров исчез больше чем на половине поверхности тундры. Вода которую до этого впитывали и удерживали снежные наносы, прорвалась наружу бесчисленными ручьями, и их журчание временами соперничало по силе с разноголосым гомоном птичьих голосов и весенним тьяканьем песцов.

Теперь выяснилось, что подавляющее большинство островных песцов размножается вблизи гусиного гнездовья. В ближайших окрестностях его, да и среди самой колонии, на площади пятьдесят квадратных километров, мы насчитали десять песцовых семейств. Плотность обитания песцов здесь оказалась самой высокой на острове. Важную роль в этом играют особенности местного почвообразования. И без того тонкий слой почвы на острове сильно разрушается ветрами и внешними водами. Поэтому, несмотря на пересеченный рельеф и обилие рек и ручьев, здесь не так уж много мест, пригодных для устройства песцовых нор. Лучшие условия для поселения звери находят на участках с дерновыми почвами, которые образуются по склонам увалов и речных долин, на песчаном и супесчаном грунте, в местах с хорошо развитой травянистой растительностью. В таких же условиях устраивают свои колонии и белые гуси. Песцы, следовательно, находят здесь не только благоприятные условия для устройства своих жилищ, но и обильный корм: в гусиной колонии летом можно поживиться и яйцами, и птенцами, а при случае и взрослыми гусями.

Кстати, обнаружилась еще одна любопытная особенность в жизни островных песцов. Проходя в один из этих дней по гнездовью, я издали заметил лежащего на оттаявшем бугре песца. Зверь (несомненно, и он наблюдал за мной) подпустил меня к себе шагов на двадцать и лишь после этого побежал. В тот момент, когда песец вскочил на ноги, что-то темное отделилось от его живота и упало на землю. Подойдя ближе, я с удивлением увидел, что в старом гусином гнезде, сохранившем еще подстилку из птичьего пуха, лежат шесть беспомощных, слепых песцовых детенышей. Хотя было довольно тепло, щенята вскоре начали дрожать и расползаться из логова. Я отошел от них; тут же, на моих глазах, появилась мать и прикрыла малышей своим телом. Позже такой же выводок попался Феликсу и еще один — мне.

Выводок песцов. Фото автора.

Значит, это не была случайность. Действительно, как рассказали потом местные охотники, рождение молодых вне нор вообще свойственно островным песцам, и лежащих под открытым небом детенышей здесь находят каждый год.

Эта черта биологии заметно отличает песцов с острова Врангеля от зверей из других частей Арктики. Как правило, всюду звери щένятся в норах или, в крайнем случае, в укрытиях среди каменных россыпей. Впрочем, всему находится объяснение. В то время когда размножаются островные песцы, их норы бывают забиты ледяными пробками (снег здесь

слишком мелок и не защищает нор от промерзания, устройству же глубоких убежищ препятствует высокий уровень вечной мерзлоты), а начинающая оттаивать почва пропитана влагой. Едва лишь протаяли и слегка подсохли норы, как щенята из временных убежищ стали исчезать: родители переносили их в более надежные подземные убежища.

Снег таял и затапливал зимние убежища леммингов. Фото автора.

Вешние воды затапливали зимние подснежные гнезда леммингов. Летние норки их также еще были заполнены льдом, и зверьки оказались в бедственном положении. Они метались по тундре, с писком бросались на гусей, даже на человека и тем самым еще издали выдавали себя. По сухим островкам земли теперь неутомимо рыскали песцы, в воздухе парили поморники и чайки-бургомистры.

Над выводками гусей парили поморники. Фото автора.

С каждым днем птичье население вокруг нашего лагеря увеличивалось. Появлялись все новые виды куликов. С громкими прерывистыми трелями быстро кружились в воздухе компании пестрых красноногих камнешарок. То и дело встречались пары гораздо более степенных, чем камнешарки, исландских песочников, часто слышались мелодичные журчащие песни самцов этих птиц. Невероятно раздув зобы, низко над землей пролетали и монотонно дудели кулики-дутьши. Всюду над каменными россыпями звенели песни луночек давно уже не появлявшихся в «столовой» возле нашего домика, хотя там по-прежнему были набросаны крупа и хлебные крошки. Раздавались не менее мелодичные песни самцов лапландских подорожников.

Однако в первую очередь бросались в глаза и слышались белые гуси.

В начале июня гнездовье в основном уже заполнили его главные обитатели. Прилетевшие

гуси держались парами и стремились сразу же занять себе участок. Часть старых гнезд еще была скрыта под снегом, участков явно не хватало, и дело не обходилось без потасовок. Часто можно было видеть, как гусак, обладатель собственной территории, расправляется с новым претендентом на его участок. Распустив крылья и низко пригнув к земле голову, хозяин со всех ног бросался к чужаку. Иногда хватало и этого, но порой разыгрывались настоящие баталии. То один, то другой гусак щипал противника за «загровок», бил его крыльями. В воздухе, как снежные хлопья, летели мелкие белые перышки. И все-таки победу торжествовал хозяин. Это и естественно: источником смелости и решительности была близость гнезда (а быть может, и чувство собственной правоты). Неудачник поспешно улетал, сопровождаемый подругой: гусыни гораздо терпимее относятся друг к другу и во время «объяснения» между гусакками часто мирно лежат рядом.

Бездомным парам не оставалось ничего другого, как ждать, пока растает снег. Они объединялись в стаи и пока паслись по склонам пика Тундрового; местами вся дернина здесь была уже расщипана и «вспахана» гусиными клювами. Те пары, которым удавалось обосноваться, тут же приступали к очистке гнезд от старой подстилки: благодаря этому место для нового гнезда скорее просыхало, почва быстрее протаивала и прогревалась. Третьего июня во многих гнездах уже появились первые отложенные гусынями яйца.

Островки снега быстро уменьшались, почва оттаивала и высыхала. Уцелевшие после потопа лемминги попрятались в норки, и песцов все больше начинали интересовать гусиные яйца. Но этот корм не всегда доставался им легко.

Невдалеке от нашего лагеря жили и охотились три пары песцов. Постепенно мы научились различать их, узнавать каждого из них «в лицо» и обнаруживали все больше различий в их поведении, характере и вкусах.

Самую дальнюю нору занимала пара явных неудачников. Сбросив свои пушистые зимние шубы, все песцы выглядели сейчас неказисто, но эти были самыми тощими и неряшливыми. Большие ключья белой шерсти, торчащие со спины и боков, придавали им вид каких-то оборванцев. Эти звери промышляли в основном на помойке за нашими палатками (лагерь теперь разросся: отдельное жилище поставили себе недавно приехавшие кинооператоры под брезентовыми крышами разместились новый склад и лаборатория). Может, там не было деликатесов, но источник пищи не иссякал, и без него им вряд ли удалось бы выкормить щенят. Грабить гусей они, видимо, и не пытались, разве что удавалось подобрать яйцо второпях отложенное гусыней вдалеке от гнезда (такие случаи бывали нередко). По гнездовью «неудачники» пробирались очень робко, по узким полоскам «ничьей» земли, и птицы вовсе не обращали на них внимания.

Звери из ближайшей норы раньше других освободились от остатков зимней шерсти. Это были самые ловкие воришки, жившие почти исключительно за счет гусей. Они умело пользовались драками птиц, исподтишка подкрадывались к драчунам и тут же удирали, унося в рот яйца. Один из них удачно пугал птиц неожиданным броском, предварительно подобравшись из-за укрытия. «Ложный выпад» подчас заставлял гусей взлетать. Не давая птицам опомниться, песец хватал яйцо и опять-таки спешил убраться.

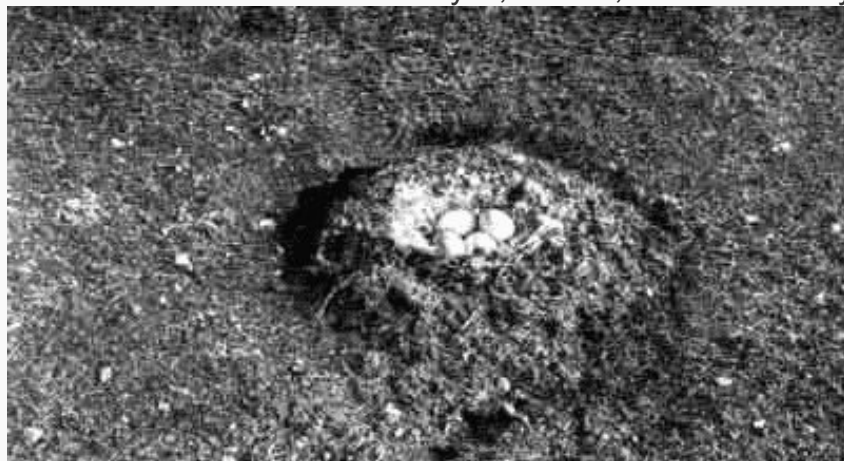
Песцы из третьей пары, жившие на склоне пика Тундрового, были всеядны. Они опустошили немало гнезд куликов и лапландских подорожников, не ленились выкапывать из под земли леммингов. Частенько они показывались и на гусином гнездовье, но промышляли здесь с переменным успехом.

До середины июня у гусей продолжался строительный сезон. На сырых, замшелых участках, где почва оттаивает и прогревается поздно, они сооружали высокие гнезда из утопанной травы. Там, где было посуше, расчищали неглубокие лунки в земле и скудную выстилали их растительной ветошью. Каждый день гусыни откладывали по одному яйцу, однако до полного завершения яйцекладки не садились насиживать. Так, впрочем, поступает большинство птиц, и по этой причине птенцы у них вылупляются одновременно. Покидая гнездовье, гуси теперь тщательно прикрывали кладку травой. Можно было пройти совсем рядом с таким гнездом и не заметить его.

Солнце, казалось бы, совершенно одинаково светило круглые сутки (если только небо не заволакивали тучи), и, тем не менее, животные придерживались определенного распорядка. В дневные часы в колонии становилось гораздо шумнее, чаще случались потасовки: птиц теперь стали еще более нетерпимо относиться к конкурентам, в схватках участвовали уже не только гусаки, но и гусыни. Много птиц (они пока продолжали летать на кормежку за пределы гнездовья) было видно в воздухе. Чаще и громче пели пуночки и лапландские подорожники. Ночью птицы затихали, зато активнее становились песцы. «Неудачники» показывались и помойки и днем, но гораздо чаще в ночные часы. О своем прибытии они извещали хриплым протяжным лаем.

Десятого июня я увидел первое гусиное гнездо, выстланное белым пухом. Теперь его было легко заметить даже издали, но это уже не имело значения: птицы начали насиживать яйца, находились при них неотлучно, и гораздо важнее маскировки была теперь защита гнезда от холода.

Мне хотелось выяснить, будут ли гусыни взамен собранных мною яиц откладывать новые. Поэтому еще в самом начале кладки я разложил почти в двухстах гнездах железные жетоны с номерами и потом ежедневно обходил свои участки. Половина гнезд были контрольными, половина — опытными: часть яиц из них я забирал. Оказалось, что гусыня может снести дополнительно не больше одного-двух яиц. Выяснилось также, что пух в гнездах (гусы выщипывают его у себя с груди и живота) появляется одновременно с окончанием кладки, и если яйца лежат хотя бы на небольшом клочке пуха, значит, насиживание уже началось.

Появление в гусином гнезде пуха — признак того, что началось насиживание яиц. Фото автора.

Нас очень интересовали взаимоотношения между отдельными птицами и между парами, а также между гусями и другими обитающими здесь животными. Любопытно было также изучить, как влияет присутствие многих тысяч пар гусей на растительность этой долины, да и всего острова. Гнездовье так близко подходило к лагерю, что многое можно было выяснить даже не выходя из дома, сидя перед окном или дверью палатки. Птицы мирились и с появлением людей вблизи гнезд, подпускали к себе человека на пятнадцать — двадцать шагов и только тогда отходили по земле или взлетали. После того как гуси начали насиживать к ним можно было подходить еще ближе, причем бросалось в глаза, что наши «домашние» птицы, обитавшие у лагеря или на опытных участках, были гораздо доверчивее «диких».

Почти две недели подряд стояла сравнительно тихая и теплая погода. Но двадцатого июня к середине дня небо затянули тучи, задул ветер, из-за гор поползли серые клубы тумана. Прошло немного времени, и пушистыми, рыхлыми хлопьями повалил снег. К вечеру он уже покрывал землю слоем глубиной двадцать-тридцать сантиметров. Собравшись в домике у пышущей жаром печки, мы переживали за гусей и ждали катастрофы. Но помочь пернатым мы ничем не могли.

На следующий день похолодало еще сильнее. Снег продолжал идти, хотя на земле его как будто не прибавлялось: снеговой покров оседал и становился плотнее. У лагеря вновь

появились пуночки, в большинстве своем окольцованные. Значит, дела их были плохи, и они вспомнили о нашем гостеприимстве. Гнездовье покрывала сплошная снежная пелена. Если не считать тех птиц, что изредка пролетали над долиной, гусей не было видно.

«Неужели они замерзли?» — думал я, пробираясь по снегу. Но все оказалось не так страшно. У каждого гнезда из продухов выглядывали клювы, из-под моих ног, раскидывая снежные комья, взлетали живые птицы. Яйца в гнездах были теплые, значит, гусыни продолжают их насиживать. Продухи были расположены попарно: гусаки по-прежнему оберегали покой подруг. Когда через день снег стаял, жизнь на гнездовье продолжалась обычным порядком. Пострадали лишь мелкие птахи. Померзли яйца у лапландских подорожников, пуночек, и некоторые из них вскоре начали устраивать новые гнезда. Появились стайки бродячих куликов-камнешарков, чернозобиков, исландских песочников. Они очевидно, тоже лишились кладок, но возобновить их уже не могли.

* * *

Еще заранее было намечено несколько летних маршрутов. В конце июня мы отправились на вездеходе в путь на юго-запад, к морскому побережью, к птичьим базарам.

Долина реки Гусиной. Два месяца назад мне пришлось проезжать по ней на собаках. Трудно было тогда поверить рассказам каюров о том, что здесь под снегом скрыт настоящий оазис. Теперь по берегам реки виднелись густые заросли ивняков поднимавшихся местами больше чем на полметра. Даже немилосердная тряска и быстрый бег вездехода не мешали рассмотреть порхающих над вершинами кустов крупных бабочек. Но самой интересной и неожиданной находкой были чечетки. Эти мелкие серые пичуги с красными шапочками на головах в общем-то мало чем примечательны, но они характерны для гораздо более южных районов — для полосы кустарниковых тундр, лесотундры и даже тайги. Чечетки быстро выдали свое гнездо, устроенное на кусте и вмещавшее пятерых крошечных птенцов.

Если снег недавно и выпадал здесь, то, наверное, не был сплошным. Во всяком случае многочисленные лапландские подорожники, кулики-тулеса и чернозобики продолжали насиживать яйца. На склонах ближайших гор нам одно за другим встретились три гнезда белых сов, вокруг которых в свою очередь располагались небольшие колонии белых гусей и черных казарок, гаг. Самки совы (они крупнее самцов и отличаются от них разбросанным оперением крупными темными пестринами), обычно еще издали завидев человека, безучастно улетают, зато самцы защищают гнезда с невероятной отвагой. Стоило мне оказаться поблизости от гнезда, как в воздухе непременно появлялся разъяренный совиный Устрашающе щелкая клювом, он с каждым разом все ниже проносился надо мной. Его громадные изогнутые когти временами царапали верх моей шапки-ушанки, и, не будь тесемки завязаны под подбородком, она, возможно, была бы сорвана с головы у первого же гнезда. Мало того, один из самцов прибежал к необычной защите: опустился на землю в нескольких шагах от меня, распушил перья, отчего стал чуть ли не вдвое больше, и, переваливаясь с боку на бок, бесстрашно направился мне навстречу. При этом он шипел, щелкал клювом и, не мигая, таращил громадные желтые глаза. Я не мог удержаться от смеха.

Впрочем, совиный беспомощен только перед человеком, и легко себе представить, какие ощущения испытал бы на моем месте любой пернатый или четвероногий хищник. Не случайно к совиному гнезду не рискуют приближаться даже олень или собака. Каждый мало-мальски умудренный жизненным опытом песец обязательно обойдет гнездо стороной, даже если оно находится прямо на его пути. Бытуют рассказы о том, как совиный схватывал песца когтями, поднимал его в воздух и с высоты бросал на землю. Понятно, что зверь, вышедший живым из такой переделки, до конца своих дней запоминал полученный урок. И конечно, не удивительно, что возле каждого совиного гнезда расположены небольшие колонии гусей и гаг. Соседство сов надежно охраняет их обитателей от песцов (*Сами совы, хотя они и хищники, размножаются только при обилии в тундре леммингов и в этом случае*

питаются лишь грызунами, не обращая внимания на своих «подопечных» и их птенцов)

Возможно, что возникновению здесь таких сообществ (а они характерны для Арктики причем в других ее частях гуси гнездятся также по соседству с соколами-сапсанами мохноногими канюками и даже крупными чайками) способствует краткость здешнего лета. И хищные птицы, и гуси имеют продолжительный гнездовой период и рано приступают к размножению, поэтому они вынуждены селиться вместе на первых же проталинах. И все таки возможность защититься от песцов, несомненно, играет при этом важную роль.

Подтверждением тому было совсем недавно случившееся происшествие. Наш кинооператоры должны были снять гнездо совы и долго искали его. Но вот гнездо найдено Анатолий Александрович ликовал: мало того что кадр захватывал и часть гусяного гнездовья, и живописные склоны горы Тундровой — совсем рядом с совой сидели на гнездах: черные казарки и тихоокеанские гаги! Рассчитывая посвятить съемке не один день кинооператоры вышли из лагеря, нагруженные снаряжением, продуктами и палаткой которую они использовали в качестве засидки.

Вернулись они в полном унынии. Сову испугала, очевидно, слишком близкая поставленная засидка. Она слетела с гнезда и больше не появлялась. На месте оставались лишь казарки и гаги. Надежда на возвращение совы, впрочем, не оставляла Анатолия Александровича, и еще через несколько дней он вновь побывал у гнезда. К своему удивлению, он не нашел не только совы или ее «подопечных», но и яиц в их гнездах. Вокруг была разбросана лишь яичная скорлупа с характерными следами тонких песцовых клыков...

От долины Гусиной уже рукой подать до побережья. Показывается море. Оно еще под льдом, только льдины теперь посерели, торосы сгладились и уменьшились в размерах.

Какое-то время гусеницы тарахтят по гальке, и вездеход останавливается. Узкий пляж зажатый с одной стороны прибрежными обрывами, с другой — ноздреватым ненадежным льдом, упирается в отвесные скалы. Дальше дороги нет. Впрочем, мы уже близки к цели. Над припаем виднеются черные волнистые цепочки пролетающих кайр. Встревоженные появлением людей, с клетотом проплывают в воздухе бургомистры.

Небо почти безоблачно. Пригревает солнце, и к нему, преодолевая порывы ветра, тянутся желтые цветы полярных маков. Их здесь так много, что прибрежные склоны будто позолочены. На льду повсюду нежатся нерпы. Лежа на боку, даже на спине, казалось бы, в самых непринужденных позах, они, однако, не забывают об осторожности. То один, то другой тюлень поднимает голову, оглядывается и вновь безвольно распластывается на льду. Иначе и нельзя: медведь, быть может, таится за ближайшим укрытием! Не удивительно и то что больше всего тюленей лежит на ровных ледяных полях, вдали от торосов: подобраться незамеченным здесь хищнику труднее всего. Полной безопасности, конечно, нет и тут (иначе медведи в Арктике перевелись бы), но для достижения ее делается все возможное.

Мои товарищи расходятся кто куда. Ботаник с гербарной сеткой за спиной исчезает за увалами в глубине острова. Феликс где-то раскапывает лемминговые норы. Я иду к птичьим базарам и, поднявшись на ближайший утес, убеждаюсь, что льды в море тянутся без полыней и разводий до самого горизонта, по крайней мере на десятки километров.

Как же в таком случае и где кормятся кайры? Ведь эти птицы добывают корм — мелкую рыбешку, рачков и других беспозвоночных животных — в море, в толще морской воды. Кайры — посредственные летуны и вряд ли могут перелетать по несколько раз в день на открывшемся где-то вдали полыньи. Такие перелеты, пожалуй, по плечу лишь их соседям по гнездовью — подвижным и крикливым чайкам-моевкам.

Отсюда, с высоты, пытаюсь проследить пути летящих на кормежку кайр, но замечаю не припае медведя, затем еще двух. Это семья: медведица и медвежата, родившиеся прошедшей зимой. Недавние малыши уже сильно подросли, достигли почти половины роста матери и в первый момент кажутся взрослыми зверями. Впрочем, сомнения тут же рассеиваются: мать ненадолго присаживается, и детеныши приникают к ее груди. Слабый ветер тянет в мою сторону, и звери меня не замечают.

Мех мишек сейчас грязный, бурый. Когда они оказываются против солнца, то выглядят и

вовсе темными, почти черными. Звери высматривают нерп (медвежата, конечно, тоже не вегетарианцы, и материнское молоко для них, очевидно, нечто вроде легкого завтрака) Охотится, собственно, одна медведица. Она то привстает на задних ногах, то забирается на торосы. Молодые идут сзади, точно повторяя ее действия. Однако на торос они карабкаются лишь после того, как мать успела осмотреться. Похоже даже, что они ждут внизу ее специального разрешения.

Сон у нерп и впрямь очень чуток. Там, где недавно прошли медведи, не видно ни одного тюленя. Семейство переходит на новое ледяное поле, и оно также моментально пустеет. Но охота все-таки началась. Мать скрылась за торосом, затем стало видно, что она крадется проползая от укрытия к укрытию. Где-то залегли и исчезли медвежата. Медведица все удаляется от берега. Бурое пятно на льду то показывается, то скрывается. Вот несколько заключительных прыжков — и... неудача: нерпа успела скатиться в лунку. Медведица стоит на месте, затем идет, уже не прибегая к маскировке; рядом показываются медвежата. Семья уходит в сильно торосенные льды, и я теряю ее из виду.

Дальше моими попутчиками становятся моевки. Непрерывно, стайка за стайкой они летят со стороны речной долины, неся в клювах клочья травы. Эти птицы по понятной причине молчаливы. Зато визг, торопливые выкрики несутся из встречного потока: клювы чаек пока пусты. Чем ближе к птичьим базарам, тем сильнее становится шум. Показываются первые колонии моевок, их гнезда, прилепившиеся на узких выступах и в трещинах скал. Здесь еще не закончился строительный сезон (потому-то чайки и носят траву), продолжаются драки из-за удобных для гнездовья мест. Постепенно, но все настойчивее в разноголосый хор вплетаются грубые, раскатистые крики кайр.

Пора приступать к работе.

Мне нужно было провести учет обитателей базаров, нанести птичьи колонии на карту, получить представление о сроках размножения птиц и их питании. Обычно это делается с лодки или катера, плывущего морем вдоль скал. Сейчас работа упрощалась; можно было ходить под базарами по льду, подниматься с него на любой интересный участок.

Дело уже подходит к концу. Берег круто поворачивает на восток, птичий базар кончается, и я в последний раз забираюсь на карниз скалы. Испуганные кайры, неохотно оставляя свои яйца, лежащие прямо на голом камне, слетают. Уже в воздухе они выстраиваются цепочкой и, достигнув ближайшей гряды торосов, начинают резко снижаться. За торосами одна за другой скрываются и другие стайки кайр. Оттуда же они летят в сторону базара.

Что все это значит? Не там ли и находится птичья «столовая»?

Догадку можно проверить, если подняться повыше, и я карабкаюсь на новые карнизы.

Сомнений почти не остается. Только корм может собрать такое множество птиц. Бесчисленные черные точки усеивают ограниченное пространство льда, вереницы кайр тянутся оттуда к птичьему базару. И опять видна медвежья семья, скорее всего старые знакомые. На этот раз каждый зверь действует самостоятельно и, похоже, не без успеха. Во всяком случае, то один, то другой из них врывается в самую гущу птиц. Такое видишь не каждый день, и, не приди конец пиршеству мишек, я бы еще долго не спускался со скалы. Нарушает его гул мотора. Вездеход далеко, шум его едва доносится, но медведицу он сразу настораживает. Звери недолго стоят без движения, а затем быстро уходят вглубь льдов.

Заработавший мотор — это сигнал общего сбора у машины. Приходится и мне спешить, ведь нужно еще побывать у «столовой», выяснить, наконец, что же съедобного птиц находят на льду.

Кайра. Фото автора.

С кайрами я встречаюсь не впервые. Мое знакомство с ними началось когда-то на Новой Земле, затем мне пришлось обследовать их колонии на Мурмане и Новосибирских островах на Курилах и Сахалине. Однако открывшееся здесь передо мной зрелище было совершенно необычным. Кайры большими стаями сидели в лужицах, образовавшихся вокруг нерпичьих лунок или имевших на дне естественные промоины и соединявшихся с морем. Они протискивались сквозь эти отверстия под лед, добирались до воды и ловили сайку. У выныривавших птиц из клюва нередко торчал хвост этой рыбки, самой обычной и массовой в арктических морях. Отверстия во льду были узки, птиц много, и, чтобы нырнуть, они подолгу ждали своей очереди (а она как-то поддерживалась), негромко переругиваясь при этом с соседями. Да, корм давался им теперь нелегко!

Зато медведи нашли легкую поживу. Кайры могут подняться в воздух лишь после продолжительной пробежки по воде (на птичьем базаре они набирают подъемную силу за счет падения с карниза). С небольших луж взлетать им было трудно, да еще, видимо, и голод лишал птиц осторожности. На льду лежали растерзанные останки птиц, расплывались пятна крови.

Мотор продолжал работать. Послышалось несколько выстрелов. Оставив в небе дымный след и неярко вспыхнув, взвилась ракета. Значит, обо мне начали беспокоиться. Задерживаться больше нельзя: вездеход готов выйти в обратный путь.

* * *

Колонии морских птиц, расположенные по скалистым берегам материка и островов

русские поморы метко окрестили птичьими базарами. Более удачное название трудно придумать. Карканье кайр, пронзительные выкрики моевок, хриплые голоса бургомистров и бакланов, свист чистиков сливаются здесь в глухой, издали слышный рев, заглушающий шум прибоя и звук человеческого голоса. Бесчисленные рои птиц напоминают пчел перед гигантским ульем. Истинная окраска камня местами невидима под скоплениями птичьих тел под белыми потоками засохшего птичьего помета. Раздавшийся вблизи неосторожный выстрел срывает со скал лавины пернатых, способные опрокинуть стоящую на воде шлюпку выбросить из нее зазевавшихся людей.

Колониальные гнездовья морских птиц можно встретить во многих частях земного шара. На островах тропических морей известны колоссальные «общежития» альбатросов и буревестников, на скалистых берегах Чили и Перу в массе селятся пеликаны, олуши, бакланы — «поставщики» гуано, ценного промышленного сырья. Скопления морских птиц встречаются на побережьях морей и в областях умеренного климата. Но особенно характерны они для полярных стран. В высоких широтах Арктики подавляющее большинство морских птиц (а они составляют большую часть местного птичьего населения) гнездится колониями. В Антарктиде образуют колонии все пернатые.

Две причины способствуют возникновению птичьих базаров: обилие кормов в море и недостаток мест, удобных для устройства гнезд, на берегах.

В морях, так же как и на суше, есть свои пустыни и оазисы. Особенно богаты органической жизнью те участки моря, где происходит вертикальное перемешивание вод, где их толща насыщается необходимыми для развития жизни минеральными солями, поднимаемыми с грунта, и кислородом, захватываемым с поверхности. Здесь в первую очередь бурно развивается фитопланктон, непосредственный потребитель минеральных солей и кислорода. Обилие этих мельчайших растительных организмов делает возможным массовое развитие мелких ракообразных и других животных, привлекающих в свою очередь рыбу морских птиц, морских зверей.

Вертикальное перемешивание усиливается в тех местах, где сталкиваются водные массы с различной соленостью и с разными температурами, например теплые и холодные воды. Именно поэтому так богаты жизнью окраины Арктики. В Баренцево море врываются теплые потоки Гольфстрима, и на побережьях его располагаются грандиозные птичьи базары. Например, на Новой Земле насчитывается около пятидесяти «общежитий», где в общей сложности обитает свыше двух миллионов кайр, многие десятки тысяч моевок, чистиков бургомистров! На Земле Франца-Иосифа примерно в сорока колониях гнездится более двухсот тысяч кайр, более полумиллиона люриков, десятки тысяч других пернатых.

К востоку от Баренцева моря птичьи базары уменьшаются в размерах и встречаются реже. Своим происхождением они обязаны преимущественно выносу теплых вод сибирскими реками. Таковы колонии кайр на острове Преображения и моевок на востоке Таймыра (влияние вод реки Хатанги), поселения кайр, моевок, чистиков и бургомистров на Новосибирских островах (влияние Лены). Последние струйки Гольфстрима достигают восточных берегов архипелага Северной Земли, где и угасают окончательно. По-видимому им-то и обязаны своим существованием расположенные здесь «общежития» люриков и чистиков, моевок и бургомистров.

На противоположной окраине Арктики, в Беринговом море, заканчивает свой путь теплое течение Куро-Ойя; расположенные здесь на морских берегах птичьи базары по величине соперничают с новоземельскими, а по разнообразию обитателей, очевидно, не имеют равных в мире. Продолжение этих колоний, хотя и с обедненным по составу населением, можно встретить на северном побережье Чукотского полуострова, кончаются же они на острове Врангеля.

Примерно одинаковые по величине птичьи базары располагаются на крайнем западе и крайнем востоке острова; в каждом из них не менее чем двадцать тысяч кайр и десятки тысяч моевок. Кроме того тут обитает масса чистиков, беринговых бакланов, бургомистров. Чистики, моевки и бакланы образуют местами и небольшие самостоятельные поселения.

Первое знакомство кайренка с миром. Фото автора.

У разных видов птиц разные требования к местам гнездования. Проще всего устроиться в моевкам. Свои гнезда они делают из смеси травы, ила или глины и, как ласточки, могут прилеплять их даже к отвесным утесам. Кайры используют для гнездования горизонтальные карнизы скал, причем при выборе их проявляют большую разборчивость. Карниз не должен иметь наклон ни к морю (иначе яйца будут падать с него), ни в противоположную сторону (будет скапливаться вода, и зародыши в затопленных яйцах погибнут). Кайры не могут селиться на карнизах, расположенных ниже, чем в пяти-шести метрах от уровня моря. Только падение с такой высоты позволяет взрослым птицам набрать необходимую для взлета скорость. Кроме того, обосновавшись ниже, они подвергались бы большому риску при шторме. Птенцы кайр, покидая базар, еще не имеют маховых перьев и неспособны к активному полету; на своих коротких крылышках они должны спланировать с карнизов на воду. Поэтому для поселения птиц непригодны скалы, отделенные от моря широкими пляжами, так же как и морские побережья, не освобождающиеся летом ото льдов. Птенцы чистиков, когда они покидают гнезда, имеют уже развернувшиеся маховые перья и легко преодолевают полосу суши. Поэтому колонии чистиков могут быть удалены от моря на несколько километров. В то же время эти птицы выводят потомство в укрытиях — в расщелинах скал, пустотах среди каменных глыб. Гнездиться в тех местах, где нет убежища, они не могут. Бакланы занимают узкие карнизы, однако, расположенные лишь на большой высоте. Наконец бургомистр, как и любой пернатый хищник, предпочитает занимать «командную высоту» — безопасное место с хорошим обзором.

Так складывается определенный порядок, присущий всем птичьим базарам Севера. Верхние «этажи» — вершины пиков и мысов — принадлежат бургомистрам. Они чувствуют себя здесь полновластными хозяевами и берут с других обитателей «общежития» немалую дань яйцами и птенцами. Человека эти хищные чайки встречают тревожными криками еще на далеких подступах к базару, видимо, стремясь не допустить конкурента к своей постоянной (и неплохой) кормушке. Центр поселения, как правило, составляют кайровые колонии, причем величина их определяется количеством и площадью горизонтальных карнизов.

Участки средних «этажей», непригодные для гнездовья кайр, достаются моевкам. Эти части базаров — отвесные стены, ниши, глубокие щели — наименее доступны для человека и очень коварны. Гнезда моевок здесь нередко единственные выступы, на которые, казалось бы, можно опереться, наступить ногой. Однако эти опоры очень непрочны. Неопытного скалолаза они подчас вводят в соблазн и служат ему плохую службу.

На средних же «этажах» размещаются бакланы — пожалуй, самые сварливые и необщительные из жильцов птичьих базаров. Чистики относятся к высоте безразлично и если находят глубокие расщелины, могут гнездиться как на вершинах скал, так и низко над морем.

Размежевание между обитателями «общежитий» происходит не только на суше, но и в воде, во время кормежки. Чистики промышляют вблизи побережья и питаются преимущественно донными животными. Они легче других пернатых мирятся с морскими льдами и довольствуются небольшими полыньями, трещинами, разводьями среди ледяных полей. С прибрежных скал иногда удается наблюдать за охотой птиц. Нырнув и размахивая крыльями, чистик «летает» в толще воды. Именно «летает», настолько движения его похожи на обычный полет в воздухе. Достигнув дна, он тщательно обследует камень за камнем, заглядывает, даже подныривает под них. Время от времени птица появляется на поверхности, держа в клюве рыбешку или рачка. Однако прежде чем проглотить добычу или улететь с ней к гнезду, чистик непременно «прополощет» ее, несколько раз опустит в воду низко наклонив голову.

Кайры кормятся на промоинах среди припая. Фото автора.

Кайры тоже прекрасно ныряют и совершают подводные «полеты» при помощи крыльев, но ловят рыбу и рачков главным образом на более глубоководных участках. Случалось, что рыбаки доставали этих птиц, запутавшихся в сетях, с глубины в тридцать и даже сорок метров. Под берегами кайры добывают корм редко: это не характерно для них, но иногда их принуждают к этому чрезвычайные обстоятельства. Прекрасные ныряльщики и удачливые рыбаки также бакланы. Моевки в отличие от всех этих птиц нырять не могут и облавливают только поверхностные слои воды, зато они лучшие летуны и обладатели самых обширных охотничьих угодий.

Птичий базар отнюдь не вынужденное скопление птиц. Совместное гнездование дает пернатым большие преимущества. Прежде всего «общежитию» легче отбиться от хищников, защитить от них свое потомство. Например, к колонии полярных крачек или белых чаек (первые гнездятся на острове, вторые залетают сюда только зимой) не рискуют приблизиться ни песец, ни бургомистр, ни поморник. Что представляет собой коллективная самооборона у белых чаек, я видел несколько лет назад. Дело было на севере Новосибирских островов. Едва лишь вблизи колонии показывался бургомистр, как навстречу ему, сорвавшись со скал, бросалась чайачья стая. Бургомистр тут же утонул в плотном облачке окружавших его птиц. Только по движениям стаи можно было догадываться, что хищнику основательно достаётся от преследователей и что он мечется из стороны в сторону, то взлетая, то совсем прижимаясь к прибрежным льдам. Лишь когда незваный гость бывал отогнан далеко в море и скрывался за торосами, возбужденные чайки возвращались на свои карнизы. От своих друзей полярников я слышал, что эти птицы успешно защищают гнездовья даже от белых медведей.

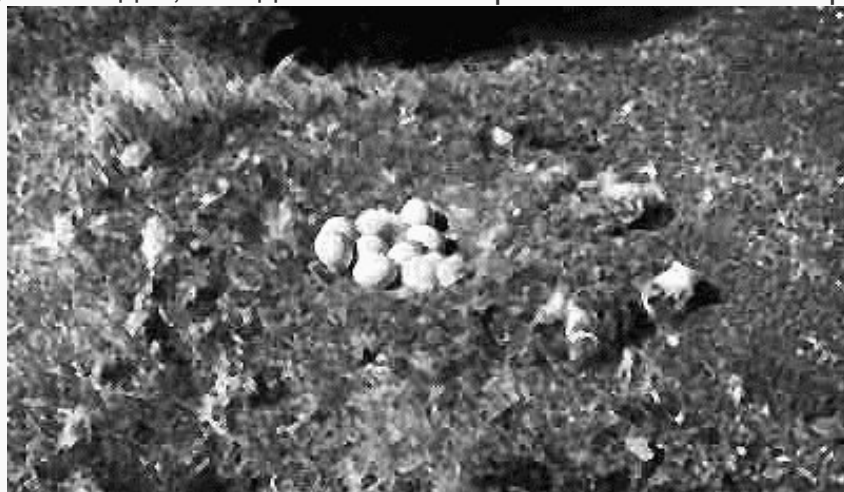
Хотя не столь яростно, но отгоняют бургомистров от своих колоний и моевки. Тактику кайры (как и белых гусей) скорее можно назвать пассивной самообороной. Пока птица насиживает или согревает птенца, ее потомство находится в безопасности. Мало того, наседка

присмотрит и за близлежащим чужим яйцом и не позволит его похитить. Не случайно поэтому кайры, гнездящиеся более плотными поселениями, терпят от хищников гораздо меньший урон, чем птицы, живущие мелкими группами.

Выгоды колониальности заключаются не только в возможности самообороны; в полярных странах в условиях холодного лета обитатели птичьих базаров могут сэкономить тепло которого здесь так мало. Сгрудившись, птицы не так сильно остывают. Интереснейшие наблюдения такого рода сделаны в Антарктиде французскими исследователями Прево и Бурльером. Выяснилось, например, что температура тела у императорских пингвинов зависит от того, держатся ли они плотной «толпой» или поодиночке. В первом случае температура на два с лишним градуса выше, чем во втором. Птенцы пингвинов в отсутствие родителей собираются в одну тесную группу и только так спасаются от морозов. Нечто подобное происходит и на птичьих базарах в Арктике. Стоит спугнуть с карниза кайр, как кайрята сползаются в кучу и замирают. Растащить их бывает невозможно: птенец отнесенный на противоположный край карниза, тотчас возвращается в «детский сад» и не покидает его до прилета взрослых птиц.

В крупных и плотнозаселенных колониях птенцы кайр не только реже замерзают, но и быстрее растут. Оставшись без присмотра, они могут согреться под крылом соседней птицы а находясь в большом «детском саду», лучше экономят тепло. Эти кайрята меньше остывают и расходуют больше энергии не на поддержание температуры своего тела, а на рост и развитие.

На Севере перед птицами стоит нелегкая задача: за короткое северное лето они должны успеть высидеть яйца и вырастить птенцов. И опять их выручает жизнь в «общежитиях». На острове Врангеля, как и в других частях Арктики, нетрудно было заметить, что яйца (а позднее и птенцы) в крупных плотнозаселенных колониях чистиков появляются почти одновременно. Не то происходит в мелких колониях, где пары занимают пустоты в удалении одна от другой. Там еще в середине и даже в конце августа наряду с подросшими птенцами встречаются малыши, которым, конечно, не суждено превратиться во взрослых птиц беспомощными, обреченными на гибель покидают их родители, изгнанные приходом зимы. Яйца и птенцы гораздо дружнее появляются и в больших, плотных колониях моевок. Здесь, наверное, много значит пример соседей: жильцы тесных «общежитий» как бы взаимно подгоняют друг друга к кладке, находятся в своеобразном и полезном соревновании.

Появились птенцы в гнезде белой совы. Фото автора.

Борьба с холодом, защита потомства от морозов, использование каждого теплого дня даже часа, — главная забота полярных птиц. Каждая птица делает это по-своему. Белые совы, например, приступают к кладке одними из первых, еще при двадцати-, тридцатиградусных морозах. Отложив на голую, промерзшую почву первое яйцо самка почти не слетает с гнезда. Кормит ее во время насиживания самец. Яйца (их бывает

семь-восемь, даже девять) она откладывает через день, и, таким образом, выведение птенцов сильно растягивается. В гнезде совы можно встретить одновременно и яйца, и птенцов — от недавно выведшихся до крупных, начинающих оперяться. И это очень кстати. Один самец не в состоянии прокормить многочисленное потомство, обладающее к тому же завидным аппетитом, и к супругу теперь присоединяется самка: все заботы по дальнейшему насиживанию яиц, согреванию беспомощных птенцов она теперь может передоверить и старшим братьям и сестрам.

Слой пуха в гнезде защищает птенцов гаги от холода. Фото автора.

Утки и гуси выстилают гнезда пухом и тем самым хорошо утепляют яйца. Повсеместно известен и особенно высоко ценится гагачий пух. Благодаря удачному сочетанию ничтожных малых удельного веса и теплопроводности этот материал до сих пор считается лучшим утеплителем, с ним не может конкурировать ни один искусственный заменитель. Достаточно сказать, что требуется всего сто граммов гнездового пуха гаги, чтобы сделать «жарким» пальто, рассчитанное на крупного мужчину.

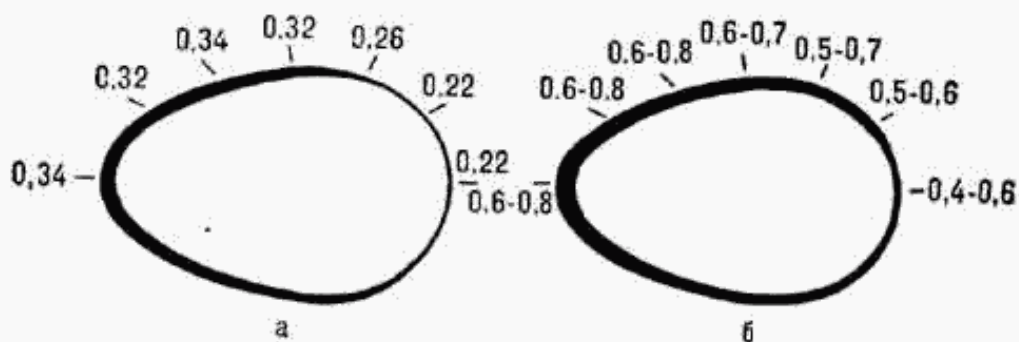
Путь защиты потомства от холода, избранный кайрами, особенно удивителен. Отложив яйцо (только одно), они почти не прерывают насиживания. Если самка (или самец) собирается покинуть карниз и улететь в море, она передает яйцо уже ожидающемуся своей очереди супругу. При этом в верхней, обогреваемой наседкой части яйца почти постоянно поддерживается температура, близкая к тридцати восьми — тридцати девяти градусам. Однако нижняя часть яйца, хотя и лежащая на лапах птицы, сильно охлаждается, и температура здесь без вреда для зародыша может опускаться до плюс пяти, даже плюс одного градуса. Это замечательное приспособление кайр — древних обитателей Арктики — к местным условиям освободило их от всех забот, связанных с постройкой гнезд, и позволило откладывать яйца прямо на голые камни. Больше того, кайры могут приступать к гнездованию еще тогда, когда карнизы покрыты толстым слоем слежавшегося снега. В таких случаях наседки, постепенно «втаивая», оказываются в снежных лунках или даже норах, из которых виднеются только их головы. Замечательно и то, что, «втаивая» вместе с птицей в снег, яйцо непременно опускается на свое место на скале.

В связи с тем, что кайры не устраивают гнезд в полном смысле этого слова и выводят птенцов на каменных кручах, яйца этих птиц обладают необычными особенностями. Скорлупа их очень прочна, но толщина ее в разных местах неодинакова и наиболее велика там, где яйцо соприкасается с камнем.

Интересно, что скорлупа кайровых яиц бывает гораздо толще, если птицы гнездятся на карнизах скал, имеющих шероховатую, грубозернистую поверхность. Например, на Новой Земле она, как правило, вдвое толще, чем на Мурманском побережье, где гранитные карнизы базаров отполированы ледником, гладки и нередко покрыты слоем торфа. Вполне возможно, что такие различия в толщине скорлупы (которая, по-видимому, служит и

теплоизоляцией) обусловлены и разницей в летних температурах на Новой Земле и на Мурмане.

Яйцо кайры имеет необычную, грушевидную форму и по этой причине сравнительно редко скатывается с карниза и разбивается. Разумеется, при толчках кайровое яйцо не всегда ведет себя, как волчок, и вовсе не вращается на одном месте вокруг своей оси (такое суждение нередко высказывается в популярной литературе). Яйца все-таки падают со скал. Но при этом можно заметить определенную закономерность: они чаще скатываются в начале насиживания, чем в конце. Оказывается, по мере развития зародыша центр тяжести постепенно перемещается к острому концу яйца: зародыш использует питательные вещества, и в тупом конце яйца увеличивается так называемая воздушная камера. Тупой конец яйца поднимается, уменьшается радиус окружности, описываемой им при толчке, а следовательно, меньше становится и вероятность скатывания яйца. В этом заключается определенный биологический смысл, ибо в конце насиживания птицы уже не могут возобновлять утеранные кладки.

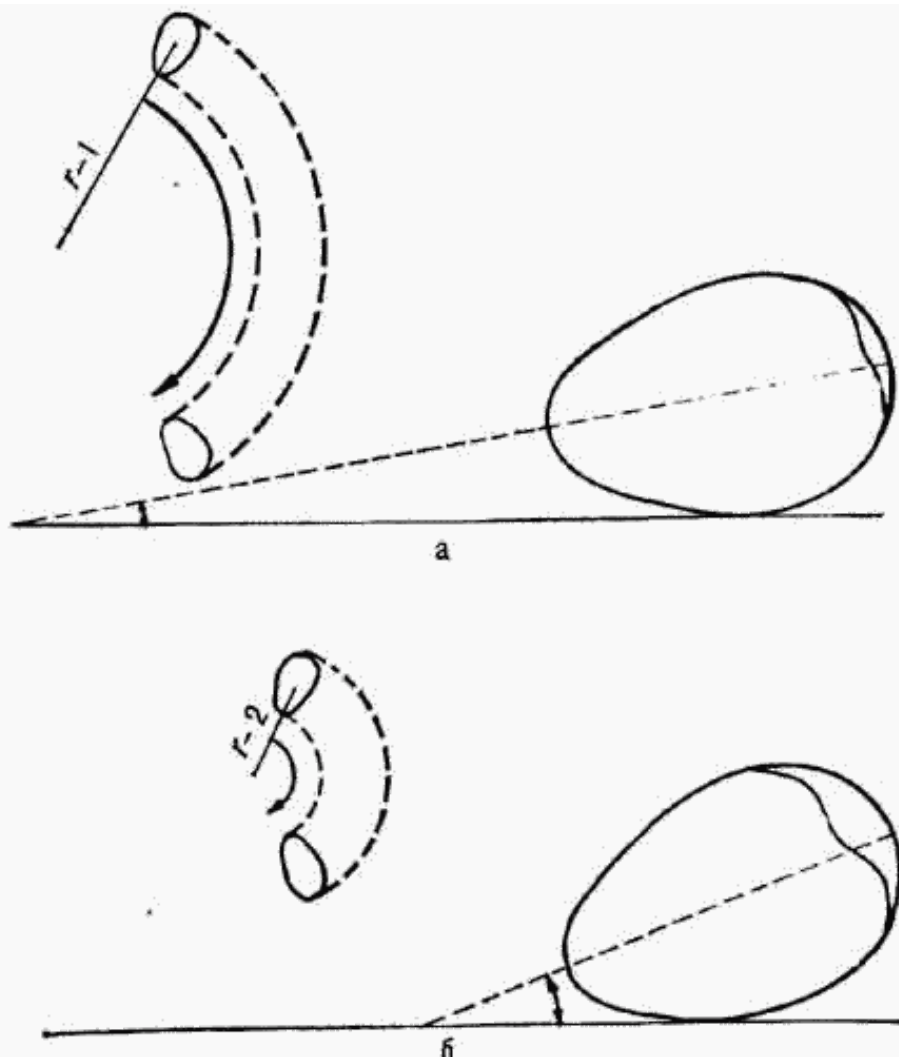

Толщина скорлупы яйца толстоклювой кайры: а — на «Семи островах», б — на Новой Земле.

При открытом и массовом гнездовании пернатых яйца их неизбежно бывают перепачканы пометом. Дыхание зародышей в таких условиях затрудняется, и будущих птенцов выручают лишь многочисленные и необычно крупные поры, пронизывающие скорлупу кайровых яиц.

Поскольку речь идет о кайрах и их приспособлениях к жизни в арктических условиях, нельзя не вспомнить еще об одной особенности этих птиц — нетребовательности по отношению к свету. Летом они не отдают предпочтения какой-либо части суток и одинаково деятельны и днем и ночью. Надо полагать, что таким же образом они ведут себя и полярной зимой (большинство их зимует в Арктике вблизи кромки льда или на отдельных полыньях), легко примиряясь с отсутствием света. Остается, впрочем, непонятным: как им удастся ловить подвижную добычу — рыбу, ракообразных — в почти абсолютной темноте? Возможно, что как и арктические тюлени, кайры имеют особое «чувство добычи» либо ориентируются по слабому фосфорическому свечению движущихся организмов.

Естественно, что громадные скопления морских птиц оказывают заметное воздействие на окружающую природу, на обитающих вблизи животных и на растительный покров.

Положение яйца толстоклювой кайры на гнездовом карнизе и радиус окружности, описываемой им при толчке: а — ненасиженное яйцо, б — насиженное яйцо.

По приблизительным подсчетам, одни лишь кайры за четыре месяца вылавливают у западных берегов Новой Земли более двадцати пяти тысяч тонн различных морских организмов. По еще более приблизительным подсчетам, количество морских птиц населяющих все птичьи базары советской Арктики, достигает четырех миллионов особей, а вес поедаемых ими за лето кормов может превышать двести тысяч тонн. Большинство этих морских птиц кормится рыбой и, в общем, поедает ее немало. Однако воздержимся от поспешных выводов и не будем пока считать пернатых серьезными конкурентами человека. Общие запасы рыбы в морях, в том числе арктических, не подсчитаны; кроме того, добычей кайрам, чистикам, моевкам чаще служат малоценные виды рыб, и главным образом крошечная полярная треска — сайка, до сих пор почти не привлекающая внимания рыбаков.

Гнездящиеся в колониях массы птиц обильно «удобряют» прибрежные воды своим пометом, вносят в море минеральные соли, микроэлементы, вызывая тем самым усиленное развитие здесь органической жизни. Таким образом, птицы в какой-то мере сами «обеспечивают» себя кормом. «Удобряют» они, конечно, и берега, отчего здесь образуются более тучные по сравнению с соседними участками почвы. Не удивительно поэтому, что у подножий и в окрестностях птичьих базаров появляется необычно пышная и своеобразная растительность. Здесь растут злаки, камнеломки и другие травы, причем в таких местах растения начинают зеленеть раньше и вегетируют дольше (при разложении птичьего помета выделяется тепло). Потому-то к птичьим базарам тяготеют, достигая здесь особенно большой численности, лемминги и некоторые зерноядные птицы (в том числе пуночки), а свою очередь привлекающие сюда песцов и других хищников.

Птичьи базары и их обитатели, особенно кайры (Существует два вида этих птиц. В Арктике распространен преимущественно один из них — толстоклювая кайра), издавна служили объектом специального промысла. Заготавливались яйца и мясо, перо и пух, иногда также шкурки птиц. Например, на Новой Земле русские поморы начали использовать запасы птиц уже в XV–XVI вв. В XIX в., а тем более в нынешнем столетии промысел здесь достиг особенно больших размеров. В иные годы на базарах заготавливались десятки и сотни тысяч яиц, тысячи самих птиц, и стоимость всей этой добычи составляла примерно четверть стоимости всей вывезенной с Новой Земли продукции.

Яйца кайр вполне съедобны, по размеру и весу примерно вдвое превышают куриные и что особенно важно, значительно богаче куриных витамином А. Многие годы население ближайших к Новой Земле городов и поселков употребляло их в пищу (сейчас здесь получил развитие домашнее птицеводство, и кайровые яйца сюда давно уже не завозятся). Тем более охотно употребляли яйца кайр сами полярники, живущие на арктических островах: охотники и рыбаки. Время от времени яйца кайр собирали для своих нужд и жители острова Врангеля. Здесь даже был разработан способ предохранения яиц от порчи: чукчи и эскимосы зарывали их с этой целью в песок на прибрежных косах.

Сама кайра весит около килограмма, но мясо ее, довольно грубое, жесткое и к тому же обладающее заметным привкусом ворвани, не назовешь деликатесом. Кайры чаще заготавливались лишь как корм для ездовых собак или для наживки песцовых ловушек. Кое где местные жители собирали яйца бургомистров и моевок, охотились на чистиков. Предпринимались даже попытки использовать яйца морских птиц как сырье для мыловаренного производства и разрабатывать скапливающиеся кое-где у подножий птичьих базаров залежи гуано, но эти направления промысла развития не получили.

Но все это было в прошлом. В последние годы птичьи базары в советской Арктике охраняются и пользуются вниманием уже не сборщиков яиц и охотников, а натуралистов.

* * *

Мы жили среди гусей, постоянно видели вокруг множество птиц, даже сами едва ли не стали членами этого сообщества, но как-то недооценивали общие масштабы гнездовья. Когда вездеход уже приближался к базе и поднялся на последний перевал, грандиозность открывшейся панорамы меня поразила. «Общежитие» заполняло громадную долину и со всех сторон упиралось в горные хребты (как выяснилось из наших подсчетов, площадь гнездовья составляла в тот год около ста квадратных километров). С перевала оно казалось безбрежным озером, поверхность которого рябили крылья тысяч перелетавших гусей. Лишь внимательно присмотревшись, можно было заметить, что густота колоний не везде одинакова: самые плотные поселения располагались на участках, раньше других освободившихся от снега, и белые пятна от скоплений птиц перемежались с зеленеющими пустотами.

Лето было в разгаре, и, казалось, прилет пернатых на остров давно уже закончился. Тем не менее, в начале июля в небе стали появляться новые стаи гусей. Это прилетели черные казарки. Так же как и белые гуси, они размножаются только в высоких широтах Арктики. Гнездились казарки и на острове, хотя не образовывали больших колоний. Несколько их гнезд располагалось вблизи лагеря, и я навещал их довольно часто. Яйца в них давно лежали на пуховых подушках, а значит, наседки уже были заняты насиживанием. Дикие гуси обычно начинают размножаться только на третий год жизни, значит, теперь летели неполовозрелые птицы, проводящие здесь лишь сезон линьки. Их «погодки» — неполовозрелые белые гуси также держались на острове, но прилетали сюда гораздо раньше.

Первые птенцы в гнездах белых гусей. Фото автора.

В июле произошло важное событие в жизни обитателей колонии: начали вылупляться гусята. В один из последних июньских дней я шел привычным маршрутом по гнездовью и собирал оставшиеся неубранными жетоны. Птицы подпускали к себе почти вплотную и редко взлетали при моем приближении, предпочитая не спеша отходить по земле. Нагнувшись в очередной раз, я услышал доносившееся из гнезда попискивание. На всех яйцах скорлупа была еще целой, но в каждом из них бунтовал, просился на волю, спешил начать жизнь будущий гусь. Следующей ночью необычный писк и новые интонации в голосах взрослых гусей разбудили меня. Выглянув из палатки, я увидел, как в сопровождении супружеской четы катятся золотисто-серые пуховые шарики. Эти бунтари были уже на воле.

Весь процесс рождения гусят — от появления в скорлупе едва заметного отверстия до того момента, когда семья покидает гнездо и свой гнездовой участок, — занимает около двух суток. Вслед за первым проклевывается второе яйцо, третье, четвертое. Проходит еще немного времени, и подпиленная изнутри скорлупа (как и птенцы всех прочих птиц, гусята проделывают это при помощи специального «яйцевого зуба» на клюве) лопается, тупой ее конец отлетает в сторону. Показывается мокрая голова, с любопытством смотрят на свет большие темные глаза. Освободиться от остатков ненужной теперь скорлупы совсем просто. Несколько часов гусята обсыхают под материнскими крыльями, а затем, почувствовав себя самостоятельными, отправляются знакомиться с миром. За выводком следуют родители, другого выхода у них не остается...

«Общежитие» распадалось буквально на глазах. Теперь особенно наглядно проявлялись согласованность в действиях его обитателей, единство этого большого организма. Брошенных гнезд с каждым днем становилось все больше. Седьмого и восьмого июля из колонии ушла основная масса птиц, а к вечеру следующего дня гнездовье почти совсем опустело. Гуси уходили на север, северо-восток и восток, не придерживаясь каких-либо зримых ориентиров. Уже в пути семьи объединялись в стайки, те в свою очередь постепенно вырастали в стаи. Впрочем, семейные отношения между птицами сохранялись. Я убедился в этом после нескольких попыток обмануть их, подсунуть гусям чужих птенцов или «навязать» птенцам новых опекунов. Обман не удавался. Каждый раз, очевидно улавливая какие-то оттенки в голосе (менее вероятно, что и в облике) взрослых, «подкидыши» находили своих родителей и убегали к ним.

Нескончаемым потоком птицы шли в тундру Академии, не выбирая дороги, поднимались в горы порой по самым высоким и крутым склонам. Гуси карабкались даже на вершину Тундрового пика, преодолевая по пути нагромождения каменных глыб, пересекая языки нестаявшего снега. Было похоже, что идут во главе колонн, направляют их движения несмышленные пуховички. Самих гусят, казалось, не смущали тяготы путешествия. Балансируя полурасправленными крылышками, они бойко семенили лапками, не заставляя

родителей дожидаться или как-то подгонять себя, решительно устремлялись на крутой склон обрывались, сползали вниз и вновь шли на штурм. Родительская опека проявлялась лишь в подбадривающих криках и, особенно в движениях шеи (при помощи которой гусь выражает почти все свои эмоции).

В начале июля опустели и гнезда черных казарок. Под моим наблюдением их было намного меньше, чем гнезд белых гусей, не только потому, что они редки на острове, но и по той причине, что заметить насиживающую казарку очень трудно. Бурое оперение делает ее настоящей невидимкой среди пятен лишайников и россыпей щебня (такие участки птицы и выбирают для гнездовий). Пух казарок тоже темный и великолепно маскирует кладку, когда наседка ее оставляет. Теперь гнезда можно было заметить издали: их выдавали запутавшиеся в пуху белые скорлупки. Как раз к началу июля растительность на острове стала особенно пышной, злаки и осоки покрыли густым ковром речные долины, берега озер. Птенцы у гусей и казарок выводятся в лучшее время года, встречая их, Арктика щедра и гостеприимна.

Дальнейшая судьба выводков черных казарок осталась неизвестной, но наблюдения за семьями белых гусей продолжались, хотя теперь для этого нужно было ходить в тундре Академии, километров за десять — пятнадцать от лагеря. С появлением гусят жизнь птиц не стала спокойнее, пожалуй даже наоборот: выводки подвергались большим опасностям. Уже в первые дни распада гнездовья над гусиными потоками появились поморники и бургомистры. Словно понимая, что это последняя возможность поживы, с отчаянной решимостью врывались в стаи жившие среди колоний песцы. Нельзя сказать, что взрослые птицы безропотно расставались с гусятами. Однажды я долго следил за действиями пары короткохвостых поморников. Десятки раз подряд они пикировали на гусей, садились передохнуть и вновь продолжали свои атаки. Родители метались, кидались навстречу хищникам, иногда даже подсакивали, пытаясь ударить их в воздухе крыльями. И они все таки сумели отстоять потомство. Поморники, еще раз устроив передышку, улетели. Однако далеко не все гуси были так удачливы. В этом году в подавляющем большинстве гусиных гнезд было по четыре-пять яиц, но уже десятого июля выводки в среднем состояли лишь из трех гусят.

Еще в конце июня на гнездовье начали встречаться большие белые перья. Бросалось в глаза, что птицам стало труднее взлетать, что на крыльях у них появляются просветы. У гусей начиналась линька. С каждым днем крылья птиц все редели, а к середине июля они растеряли все маховые перья, летать не могли и при опасности спасались бегством.

И белых гусей, и черных казарок во время линьки нетрудно ловить для кольцевания. Фото автора.

До середины июля продолжали прилетать черные казарки. Предположение подтвердилось: это были не половозрелые птицы, использующие остров только как место для линьки. Казарки держались теперь стаями и, так же как и белые гуси, паслись по берегам рек и озер в тундре Академии (здесь они не только находили лучшие пастбища, но и

чувствовали себя у воды в большей безопасности). Половозрелых казарок на острове было в десятки или даже в сотни раз больше, чем гнездящихся, а это означало, что родина их находится где-то в другом месте, быть может даже не в Евразии, а в Северной Америке.

Вообще во второй половине лета распределение птиц на суше заметно изменилось. Опустели сухие склоны увалов, каменные россыпи, зато стали оживленнее берега рек, озер, морское побережье. Кроме гусей и казарок сюда вместе с выводками откочевали гаги, чернозобики, исландские песочники. Некоторые пернатые уже улетали. Первыми, еще в конце июля, потянулись стайками на юг самки плосконосых плавунчиков. У этих куликов все заботы, связанные с насиживанием яиц и вождением выводков, приходится на долю самцов.

Самки (а они ярче окрашены, и как раз им принадлежит роль «ухажеров») проводят на своей родине всего лишь пятнадцать — двадцать дней в году. В середине июля как-то незаметно исчезли самцы дутышей (все заботы о потомстве они, наоборот, перепоручают самкам). В конце июля, после того как их птенцы поднялись на крыло, улетели и самки дутышей. В начале августа на острове перестали встречаться лапландские подорожники.

Близилась осень. С приходом августа в воздухе все чаще стали порхать снежинки. Хотя солнце и не пряталось за горизонт, ночью заметно холодало, по утрам нередко серебрила землю иней. После первых заморозков пожелтели листики на стелющихся ивах.

Подрастали, приобретали самостоятельность молодые песцы. В конце июля они еще продолжали получать корм от родителей, но кое-что добывали и сами. Особенно часто песцовые семьи преследовали молодняк пуночек, недавно вылетевший из гнезд и плохо летавший. Несколько раз я был очевидцем такой охоты. Песцы окружали выводок, постепенно сужая свой круг, и, когда до птиц оставалось меньше метра, дружно, как одна команда, кидались за добычей. Обычно удавалось спастись лишь части выводка, а некоторых птиц звери приканчивали при следующем окружении. Родители учили щенят выкапывать леммингов, охотиться на гусей. Гусиные крылья встречались у нор песцов особенно часто.

Четырнадцатого августа, после долгого перерыва, мне пришлось опять побывать в поселке. Вокруг домов, даже в глубоком овраге, не осталось и следов зимнего снега. По дну оврага едва сочился ручеек. Он то и дело скрывался среди камней и был так немогуч, что уже не мог служить источником воды для поселка. Воду теперь приходилось брать в реке за несколько километров; как раз навстречу нашему вездеходу шел трактор, тащивший за собой поставленную на полозья цистерну. Исчезли и запомнившиеся с весны лужи. Кучи мусора, что накапливались всю зиму, были убраны, и поселок показался мне посвежевшим и более просторным. В остальном здесь все выглядело по-старому. У домов вдоль привязей лежали собаки; прислоненные к стенам, ждали своего срока сани. Кое-где на протянутых между домами веревках сушились олени шкуры.

Вскрылось море. Основная масса льдов грязной полосой виднелась у горизонта; ближе к берегу ветер и течения носили одиночные льдины. Дома и мачты полярной станции гляделись в водную гладь лагуны. Песок лизали сизые, холодные языки волн. Почти все население поселка собралось на берегу, у катера. Знакомые лица виднелись на палубе Нанаун и несколько подростков возились на земле у кучи «пых-пыхов» — поплавков и нерпичьих шкур, снятых чулком, надутых и высушенных. Люди были сосредоточены. К острову подошли моржи, и охотники впервые в этом году готовились выйти на промысел.

На следующий день вездеход отправился обратно в наш летний лагерь, но не привычным много раз пройденным путем, а вдоль восточного побережья. Конечно, нельзя было не сделать остановку у мыса Уэринг, где расположен большой птичий базар. Громада скал здесь круто обрывается к морю. Откуда-то снизу приглушенно доносится хор птичьих голосов и монотонный шум прибоя. Видны роящиеся у гнездовий моевки, пролетающие кайры. Как обычно, над головами людей появляются бургомистры. Спуститься на карнизы даже с надежной веревкой (ее у нас с собой нет) здесь нелегко, без веревки — невозможно. Остается лишь понаблюдать за птицами сверху, с плато мыса.

Шум то нарастает, то стихает. Ухо иногда улавливает выкрики отдельных птиц, главным

образом кайр. Среди птичьих криков выделяется особое, раскатистое карканье сопровождаемое то ли писком, то ли свистом. Это может быть только семья — родители и подросший, спустившийся на воду кайренко, — уходящая в открытое море. Значит, кайровые колонии распадаются, птичий базар пустеет. Увидеть спуск птенцов со скал на этот раз не удалось, но раньше мне приходилось быть очевидцем такой картины.

Родители подчас долго «уговаривают» птенца, даже подталкивают его клювами, и наконец, он решается, срывается с карниза скалы, планирует на своих коротких крылышках и опускается на воду. Бывает, что раз-другой он ударяется по пути о камни, но поднимается на ноги, вновь бросается вниз и, в конце концов, все-таки добирается до моря. Удары несомненно, смягчают его очень густое, упругое оперение. Однако опасности на этом не кончаются. В море, особенно в первые дни распада базаров, всегда бывают видны сорища возбужденных взрослых птиц. С появлением каждого нового птенца кайры начинают кричать громче, суматоха среди них усиливается и нередко переходит в общую потасовку. Расталкивая одна другую, птицы устремляются к кайренку, клювами хватают его за крылья, голову, ноги, тащат в разные стороны, увлекают под воду. Чаще всего дело кончается тем, что птенец вырывается из этой толчеи помятый и пощипанный и в сопровождении взрослой птицы — наверное, одного из родителей, — непрерывно переговариваясь с ней, отплывает в море. Чем объяснить эту странную сцену? Скорее всего, кайры, лишившиеся собственного потомства, но сохранившие родительский инстинкт потребность в заботе о птенце, стремятся отбить его у родителей или таких же бездетных птиц, как и они сами.

Лучше всего видны с моего наблюдательного пункта колонии моевок. В гнездах сидят по два, по три оперяющихся крупных птенца. Вытягивая шеи, словно примериваясь, они нередко посматривают вниз, расправляют крылья, иногда даже хлопают ими, пытаются подняться в воздух. Скоро и они покинут скалы. А пока родители регулярно снабжают их кормом. Старые птицы то и дело появляются на гнездах, но, прежде чем оделить потомство принесенной добычей, они исполняют перед птенцами своеобразный «танец» сопровождаемый взрывами несуразных криков. По этим крикам, даже не видя моевок можно судить о том, насколько часто они кормят молодежь, насколько вообще удачна их охота.

В тундре Академии на пути вездехода показалась стая белых гусей. Приближающаяся машина не вызвала, как это бывало прежде, бегства птиц. Подпустив нас к себе необычно близко, они легко, даже без разбега, взлетели и тут же начали выстраиваться клином — обычным походным порядком. В стае отсутствовали гусята, многие птицы были с серыми шеями. Значит, это неполовозрелые гуси; линять они начали несколько раньше «стариков», и теперь у них выросли маховые и рулевые перья, и пернатым вновь стала доступна воздушная стихия. Невдалеке от лагеря встретила еще одна стая. Гуси летели высоко в небе на юго-восток. Они уже покидали остров, им предстояла дальняя дорога. Тревога и грусть, казалось, звучали в их голосах...

Быстро подрастали молодые гуси. Птенцами называть их стало уже неудобно: едва они освобождались от пуха, как оказывались покрытыми хотя и серыми, но настоящими перьями. Удлинялись их крылья, и птицы пытались пустить их в ход: они часто расправляли крылья, хлопали ими, пробовали подлетывать, а некоторые даже летали, хотя еще неуверенно, низко над землей или над водой. Крепнущая с каждым днем уверенность в своих силах явно доставляла юнцам чувство удовлетворения. Они взлетали, не принуждаемые к тому какой-либо опасностью, и, опустившись на землю, издавали победные, торжествующие крики. Заканчивалась линька и у родителей, и они все легче отрывались от земли. Стая за стаей улетали в теплые края гуси-холостяки. Во второй половине августа солнце стало заходить за горизонт. Когда именно это случилось, сказать трудно. Светило уже давно скрывалось от нас за горами. Но как-то неожиданно, вдруг мы заметили, что полярный день кончился, что сумерки по ночам сгущаются и становятся длиннее.

К двадцатому августа приобрели способность к полету гнездившиеся белые гуси, и

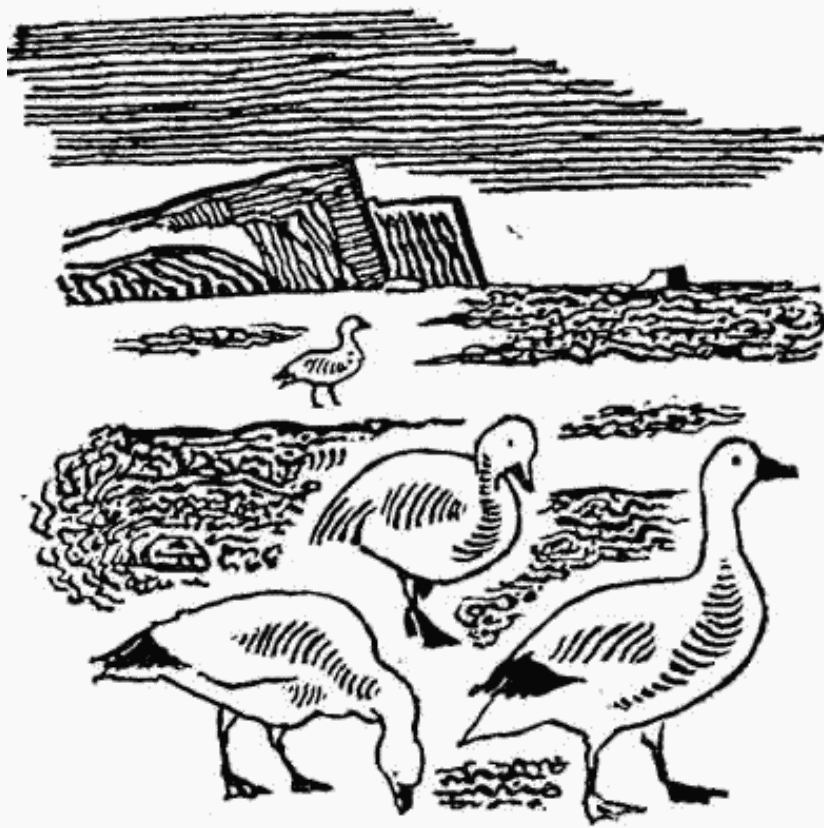
молодняк, холостые черные казарки. В поведении гусей появилась какая-то нервозность. Днем они все еще спокойно паслись у реки и озер, но ночи стали проводить сумбурно. С наступлением сумерек птицы как будто утихомиривались и засыпали. Но вот к стае подсаживались новые гуси. Поднимался невообразимый галдеж. Прилетавшие либо обосновывались здесь же, прятали головы под крыло и замолкали, либо, сманив ночлежников, летели дальше, будили новых птиц. Партии гусей непрерывно объединялись и делились. До самого рассвета тундра то стихала, то наполнялась гусиным гоготом. Птицы словно обсуждали какие-то важные проблемы, но никак не могли прийти к единому мнению.

На острове все еще стояла золотая осень. По утрам, правда, склоны холмов седали ошинея, лужи подергивались звонкой корочкой льда. Но с восходом солнца холмы вновь рыжели, лед на лужах исчезал. Так длилось до двадцать четвертого августа. В это утро иней не стоял, посыпался сухой мелкий снег. Снежинки падали на подмерзшую землю, и ветер сносил их в овраги, подгребал к камням, к задубевшим от стужи кустикам травы. Мы ждали вездехода и упаковывали имущество. Слышался непрерывный гусиный крик. В небе стояла застоявшаяся стаей торопливо пролетали и белые гуси, и черные казарки.

В середине дня мы простились со своим летним лагерем, с песцами-«неудачниками» оседло жившими теперь у помойки всей семьей, и выехали в поселок. Снег шел все гуще. Вблизи побережья он покрывал землю уже сплошной пеленой. В вихрях снежной пыли с криками еще проносились косяки гусей. В море приглушенно мычали моржи. Это был для пернатых странников последний привет родины.

Белые и голубые

...Каждую весну над островом Врангеля появляются бесконечные вереницы белых гусей. Воздух наполняется их гоготом, гусиные крики глушат голоса всех прочих пернатых.

Белые и голубые гуси

Когда-то такая картина была знакома не только здешним островитянам, но и многим

жителям материковых тундр Сибири. Около двухсот лет назад белые гуси не были редкостью на всем побережье от Чукотского полуострова до Таймыра и даже, по-видимому, до низовьев реки Оби, на протяжении по крайней мере пяти тысяч километров. Однако за последующие сто лет птицы на материке почти полностью исчезли. Известно, что к 20-м годам XIX в. они перевелись в низовьях Индигирки и Колымы и на Новосибирских островах. Некоторое время их прибежищем еще оставались низовья реки Алазеи, но к 50-м годам прошлого века гуси перестали гнездиться и здесь.

Белые гуси, населявшие сибирские тундры, проводили зиму не только в Северной Америке, куда они и сейчас улетают с острова Врангеля, но и в других районах: на побережье Каспийского моря, в Японии. Всюду в местах своего бывшего распространения они имели разные, но, как правило, меткие и сходные названия. Ханты и манси, живущие в низовьях Оби, называли их, в переводе на русский язык, маленькими немymi лебедями (белые гуси по окраске оперения сходны с лебедями, но крики их гораздо менее звучны, чем например, у лебедей-кликунов). В Азербайджане, где, возможно, в последний раз птиц видели зимой 1880 г., белый гусь был известен под названием «кубагаз», что в переводе означает «гусь, похожий на лебедя», или «лебедегусь». Эти имена долгое время сохранялись в памяти людей и после того, как птицы в тех или иных местах окончательно исчезли. Там же, в Азербайджане, до сих пор можно слышать рассказы о белых гусях, на которых охотились прадеды, деды и, быть может, даже отцы современных жителей.

Что же случилось с птицами, почему они так быстро исчезли на таких больших пространствах? Увы, об этом можно лишь строить предположения, опираясь на очень скудные и отрывочные данные. Конечно, в тех местах, где они проводили лето, белые гуси в первую очередь привлекали к себе внимание охотников. В самом деле, они гнездились крупными, плотными колониями, имеющими к тому же свои постоянные места. В их «общежитиях» легко собирать яйца и добывать самих птиц. Известно, что здесь был особенно распространен промысел линных гусей, лишившихся на время способности к полету. По описаниям очевидцев, линяющие белые гуси держались в материковых тундрах так же как и на острове Врангеля, большими стаями и были настолько смирными, что их удавалось издали, за десятки километров, подгонять по рекам прямо к жилью.

Вместе с тем население на севере Сибири и двести, и сто, и даже пятьдесят лет назад было настолько редким, что преследование птиц вряд ли могло иметь столь ощутимые последствия. Вероятно, многие колонии гусей вообще оставались неизвестными или недоступными охотникам, и птицы в них размножались беспрепятственно. Не более ли важной причиной исчезновения пернатых было истребление их вовсе не в Сибири, а на «зимних квартирах»?

Похоже. Ведь еще до начала прошлого столетия места зимовок гусей, сосредоточенные на Дальнем Западе Северной Америки, оставались почти безлюдными. Но в начале XIX в. когда разнеслась весть о плодородии этих земель, сюда устремились фургоны европейски переселенцев — не только хлебопашцев, но и охотников. И именно в это время появились первые признаки угасания сибирских колоний птиц.

Основные зимовки гусей, по-видимому, как и теперь, были сосредоточены в Калифорнии. В середине 1800 г. там насчитывалось уже более пятисот тысяч жителей. С открытием золотых россыпей и с началом «золотой лихорадки» рост населения здесь стал и вовсе стремительным. По описаниям очевидцев, удачливые калифорнийские охотники добывали тогда сотни птиц в день и тысячи за сезон. И вряд ли случайно совпадение этих событий с почти полным исчезновением колоний гусей на Азиатском материке...

Важную роль, конечно, сыграло и то обстоятельство, что после распахки земель гуси остались без своих привычных кормов. Судьба их в этом смысле напоминает судьбу других арктических птиц — эскимосских кроншнепов, которые проводили зиму в пампасах Южной Америки, но вымерли от бескормицы, когда там стало развиваться земледелие.

В советской Арктике главная родина белых гусей — остров Врангеля. Здесь проводят лето около полумиллиона взрослых птиц — почти половина всех белых гусей, обитающих на

земном шаре. Небольшие колонии и отдельные гнездящиеся пары можно встретить и на материке — кое-где на побережье Чукотки, в низовьях Индигирки и Колымы. Не исключено что это новые, только зарождающиеся гнездовья и появлению их способствовало недавнее потепление Арктики. За пределами Советского Союза белые гуси обитают на севере Аляски и Канады, где образуют около двадцати гнездовых колоний. В Америке живет также «голубая» разновидность этих птиц (речь о ней пойдет ниже), а кроме того, еще два самостоятельных, но близких вида — большой белый гусь и белый гусь Росса.

Белый гусь такой же коренной «полярник», как белый медведь или морж. У этой птицы много интересных, а подчас даже и необычных биологических особенностей, без которых она вряд ли смогла существовать на Крайнем Севере, в арктических полупустынях и пустынях. Здешнее лето коротко, и гуси стремятся предельно использовать его, выгадывая не только дни, но и часы. Они начинают размножаться так; поспешно, что нередко откладывают яйца еще не долетев; до мест гнездовых, там, где останавливаются пролетные; стаи. Вместе с тем если кладка почему-либо утеряна, после того как началось насиживание, полное ее возобновление уже бессмысленно: птицы, выведшиеся из таких яиц, до прихода зимы все равно не успеют окрепнуть и подняться на крыло.

Срок насиживания у белых гусей необычайно короток — всего двадцать один — двадцать два дня, в то время как у гусей других видов насиживание продолжается не менее двадцати пяти — двадцати шести дней. Очень быстро и бурно проходят у них линька оперения, рост и развитие птенцов. У большинства видов гусей старые и молодые, еще не размножающиеся птицы линяют в разное время, а у белых гусей — почти одновременно, благодаря чему период линьки у них сильно укорачивается.

Летом на родине белых гусей нередко заморозки, даже снегопады, и птицам приходится тщательно оберегать яйца от переохлаждения. Поэтому после начала кладки они обильнее чем другие гуси, выстилают свои гнезда растительной ветошью, а позже и пухом. Конечно это не гагачий пух, в нем нет такой цепкости между отдельными пушинками, и к тому же он перемешан с травой и мхом. Однако и этот пух — хороший утеплитель, и когда гусыня слетает с гнезда, он какое-то время еще согревает яйца. Поражает и удивительная неприхотливость белых гусей к корму: они могут потреблять в пищу почти весь скудный набор растений который предоставляет в их распоряжение северная природа. Белые гуси подчас обосновываются небольшими колониями и даже отдельными парами, иногда вместе с черными казарками или гагами, однако обязательно вблизи гнезд хищных птиц. На острове Врангеля, где мир пернатых беден видами, единственный опекун гусей — белая сова. Такие гнездовья мы встречали в долинах рек Гусиной, Мамонтовой, Клер. В южнее расположенных частях Арктики выбор у гусей более широк; там они ищут покровительства и у других хищных птиц. Однако подавляющее большинство их размножается в крупных, густонаселенных колониях. И это, конечно, не случайно: ведь жизнь в «общежитиях» вообще характерна для пернатых полярных стран. И в том и в другом случае усилия гусей направлены в основном к тому, чтобы защитить гнезда от хищников, в первую очередь от песцов.

Наши наблюдения в гусяных колониях обнаружили много интересных деталей. Оказывается, например, что обитатели центральных, наиболее густонаселенных участков колонии терпят от хищников гораздо меньший урон, чем птицы, обосновавшиеся на менее населенных окраинах. Так, в плотных поселениях под гусынями находилось до семи яиц, в разреженных — только до пяти. Среднее (по большому числу гнезд) количество яиц в первом случае составляло 3,5, во втором — только 3,1. Объяснить это можно просто: в тесном «общежитии» врагу гораздо труднее найти поживу и подобраться незамеченным. На его пути гораздо чаще встретится гусак, который не только отгонит грабителя от своего гнезда, но и тревожным криком обратит на него внимание соседей. Характерно, что даже при распадении колоний песцы и поморники чаще и с большим успехом атакуют именно окраины стай, где скопления птиц не столь густы.

Вообще складывается впечатление, что «нормально» устроившимся гусям песец не так уж и страшен. Хищники успешнее грабят либо разреженные поселения, либо молодых недостаточно опытных птиц. Молодежь, впервые приступившая к размножению, легче поддается на уловки песцов; старый же, умудренный годами гусак и в том случае, если он не может рассчитывать на помощь соседей, обычно прогоняет врага.

Хищникам бывает легче действовать, если на гнездовье находятся люди, если гуси тревожатся и бывают вынуждены слетать с гнезд. Незадолго до распадаения колоний один из песцов уже настолько обнаглел, что сопровождал меня почти в каждом маршруте, ходил за мной почти по пятам и не упускал okazji поживиться яйцами из гнезд, оставшихся без присмотра.

Конечно, птичьи скопления привлекают хищников и терпят от них какой-то урон. Однако песцы и поморники часто могут прокормиться здесь и «безгрешно»: в колониях, особенно в начале кладки, всегда можно найти брошенные, снесенные вдали от гнезд яйца (мне удавалось за день собирать их по несколько десятков), подобрать птицу, погибшую по той или иной причине. Поэтому-то по остаткам пищи, например, собранным у песцовых нор, нельзя получить представления о действительном вреде, приносимом гусям хищниками.

Так же как и обитатели птичьих базаров, гуси при колониальном гнездовании как бы взаимно подгоняют друг друга к кладке и более полноценно используют полярное лето. В густонаселенных колониях яйца птиц появляются почти одновременно, почти в одни и те же сроки выводятся, обсыхают и покидают гнезда птенцы. В разреженных поселениях яйцекладка растягивается и часть гусят запаздывает с появлением на свет.

Плотность гнездования гусей в основной их колонии на острове Врангеля очень сильно колеблется. В 1964 г. на гектаре гнездовья чаще всего насчитывалось от двадцати до пятидесяти гнезд. Несколько меньшие пространства занимали разреженные поселения, на одном гектаре которых находилось менее двадцати гнезд. Наконец, примерно седьмую часть гнездовья занимали самые густонаселенные участки, где на гектаре обитало от пятидесяти до ста пар гусей; гнезда их здесь отстояли одно от другого всего на три — пять метров.

Нетрудно было заметить, что плотность обитания птиц, прежде всего, зависит от состояния снежного покрова. Там, где снег весной исчезает раньше, гуси селятся с большей плотностью. Сроки же исчезновения снега в значительной мере зависят от рельефа и экспозиции склонов. Не удивительно поэтому, что самые густонаселенные «общежития» располагаются на южных, рано оттаивающих склонах, а самые редкие поселения — в низинах, по северным склонам, где снег сходит в последнюю очередь. Величина колоний и плотность их заселения зависят и от особенностей травяного покрова (в чем опять-таки проявляется немаловажная роль снега). Как правило, чем пышнее и гуще трава, тем плотнее поселяются птицы. Это тоже понятно: закончив кладку и приступив к насиживанию, гуси кормятся только вокруг гнезд, не оставляя их даже на самое короткое время. Чем лучше пастбище, тем меньший гнездовой участок нужен гусяной паре, чтобы она могла

прокормиться. Понятно теперь, почему птицы так нетерпимы к своим соплеменникам и так ревностно защищают от них свои гнездовые участки. Гуси-«добряки» просто не могли бы прокормиться вблизи гнезда, не могли бы вывести потомство. Не случайно растительность на месте гусяной колонии к концу гнездового периода оказывается почти начисто выстриженной; исключение составляют немногие несъедобные растения, например дикий лук. Конечно, следующим летом пастбища полностью восстанавливаются, чему немало способствует удобрение почвы птичьим пометом.

Когда начинается насиживание, большинство гусей кормятся тут же, на гнездовье. Фото Ф. Б. Чернявского.

Обычно взрослые гуси имеют чисто белое оперение, за исключением черных маховых перьев и пепельно-серых перьев на наружной поверхности крыльев. Рыжеватый оттенок на головах, шеях и животах большинства старых особей — это всего лишь следы долгого купания в сильно минерализованной, богатой окислами железа воде, по-видимому на местах пролета и зимовок. Но есть гуси и «голубые», причем относятся они к тому же виду, что и белые.

Голубые, а точнее светло-серые, птицы с белыми головами в последнее время изредка стали встречаться и в СССР, но наиболее обычны они на крайнем северо-востоке ареала вида — на Баффиновой Земле и острове Саутгемптон. Совсем недавно, еще тридцать — сорок лет назад, голубые гуси вообще гнездились только на этих участках суши. Позднее численность и область обитания их стали увеличиваться, и этому немало способствовало удлинившееся в результате потепления Арктики лето.

Дело в том, что в годы с относительно теплым и продолжительным летом голубые гуси оказываются в более выгодном положении, чем белые. Канадский орнитолог Г. Куч выяснил недавно, что голубые гуси обычно приступают к кладке несколько позднее, чем белые; яйца у них появляются к тому времени, когда колония уже полностью заселена и «готова к обороне», и поэтому реже гибнут от хищников.

Увеличению числа голубых гусей невольно способствуют и охотники. Статистика показывает, что при встречах со смешанными стаями птиц стрелки в первую очередь обращают внимание на белых гусей и добывают их больше, чем птиц в сером оперении. К тому же во время пролета белые гуси чаще делают остановки и, значит, подвергаются более усиленному обстрелу.

Первые гуси появляются на острове Врангеля более или менее регулярно в двадцатых числах мая; в конце мая — начале июня острова достигает их основная масса. Но весна приходит на остров не столь пунктуально. В иные годы, прилетевшие птицы застают свои гнездовья почти полностью свободными от снега, без труда находят удобные места для устройства гнезд, откладывают и насиживают помногу яиц. Но нередко весна наступает здесь с опозданием. К появлению гусей большая часть острова бывает еще заснежена, пернатые устраивают гнезда где попало, а некоторые из них и вовсе остаются без места

«Бездомные» гусыни в такие годы несут яйца в общие кучи, обычно не заботясь больше о судьбе своего возможного потомства. Хищники, конечно, быстро находят и уничтожают эти «склады». (Правда, если тут же наступает резкое потепление и снег стаивает, гусыни частично раскатывают такие кучи и садятся насиживать яйца. Неважно, что они могут оказаться чужими.) Впрочем, без большого успеха размножаются в этом случае и птицы сумевшие обосноваться на случайных проталинах. Они уже не могут оказать песцам организованное сопротивление и остаются бездетными гораздо чаще, чем при раннем наступлении весны.

Случается даже, что снег на острове не сходит все лето и гуси вообще не размножаются. Именно такую катастрофу птицы перенесли здесь, например, в 1931 г. Начальник острова А. И. Минеев писал тогда в своем дневнике: «Весь июнь и часть июля, как никогда раньше тундра была покрыта снегом, причем даже в середине июня бывала пурга. Нам встречалось бесчисленное множество гусей, носившихся в воздухе в поисках мест для гнездовья, но найти нужные места им не удавалось».

В конце мая или в начале июня, в зависимости от хода весны, в гусиных гнездах появляются первые яйца, по форме и размерам похожие на яйца домашних гусей, но нежно кремового цвета.

Стаи гусей, прилетающие на остров для гнездования, состоят из уже сложившихся пар. Семейства не распадаются все лето, хотя после выведения гусят птицы опять объединяются в стаи. Из четко выраженных, обособленных семей состоят и косяки гусей покидающих остров Врангеля осенью. «Брачный союз» у них, как и у всех видов гусей, заключается еще в ранней молодости, в сущности, между «подростками», и сохраняется в течение всей их жизни. Птицы иной раз хранят супружескую верность даже некоторое время после смерти одного из супругов (особенно это свойственно гусакам). Там, где белые гуси содержатся и регулярно размножаются в неволе, например в Московском зоопарке, можно наблюдать, как зарождаются симпатии между молодыми птицами, как гусак очаровывает свою избранницу, изгибая вниз шею и принимая перед ней издали гордые и в то же время полные смирения позы. Признаком состоявшегося «обручения» может считаться, что оба гуся начинают ходить рядом. А с того момента, когда они впервые вдвоем прогоняют противника и, торжествуя победу, одновременно издают свое триумфальное гоготание, супруги уже почти не разлучаются. Постоянство семей у гусей имеет, конечно, и свое биологическое обоснование. Их птенцы долгое время остаются несмышлеными и должны почти целый год находиться под родительской опекой.

Глубина взаимной привязанности птиц поистине поразительна. Если из пары пролетевших гусей убита гусыня (она всегда летит впереди и обычно первой попадает под выстрел охотника), гусак, несмотря на явную опасность, долго не покидает убитую подругу, кружит над ней, зовет ее особыми криками, а иногда и опускается на землю, даже если близко находятся люди. Возле гусыни, погибшей от ран не сразу после выстрела и не доставшейся охотникам, убитый горем супруг способен провести несколько дней подряд. Он даже яростно защищает окоченевший труп самки от песцов и пернатых хищников. От одного из островных охотников я слышал такой рассказ. Весной была убита гусыня. Гусак, имевший клюв необычной формы (очевидно, в него когда-то попала дробь), долго кружил над охотничьей засидкой. Он появлялся над ней еще в течение двух-трех дней, а затем исчез. Следующей весной охотник устроил засидку на прежнем месте. Велико было его удивление, когда от пролетающей стаи отделился приметный гусак и стал кружить над тем местом, где год назад была убита его гусыня...

Впрочем, из всякого правила бывают исключения. Несколько раз мне приходилось видеть, как гусыню преследовали в воздухе сразу два и даже три гусака. Она садилась где-нибудь на краю гнездовья и не отказывала во внимании своим ухажерам. Следовательно, супружеская верность у птиц, хотя и существует и даже принимает трогательные формы, при каких-то обстоятельствах может нарушаться.

В гнездовое время между супругами существует довольно определенное разделение

обязанностей. Гусак охраняет гнездовой участок — «семейное пастбище» от посягательств соплеменников, защищает кладку и гусыню от хищников. Если он и насиживает яйца (вообще это основная забота самки), то нерегулярно и неподолгу. Зато он при этом не так стеснен в своем передвижении вокруг гнезда, имеет возможность часто щипать траву и почти не теряет упитанности. Жизнь самки более спокойна, хотя в этом есть и свои неудобства. Она привязана к кладке и может пастись гораздо реже, чем гусак. Все травинки, до которых можно дотянуться, не сходя с гнезда, она обрывает уже в первые дни насиживания. Неудивительно поэтому, что гусыни, покидающие колонии, оказываются сильно истощенными.

В первых числах июля начинают вылупляться гусята. Колонии распадаются, взрослые птицы забывают о недавних территориальных распрях, семьи объединяются в стаи и переходят на новые, к этому времени ставшие наиболее тучными пастбища. «Старики» и неполовозрелые гуси линяют, птенцы оперяются. К середине августа птицы приобретают способность к полету, но расставаться со своей родиной не спешат. Первыми под натиском приближающейся зимы сдаются и улетают бездетные гуси. Семьи с недавними гусятами медлят. Они как будто еще надеются на возвращение лета и трогаются в путь подчас уже в пургу или в морозы.

Гусям предстоит преодолеть громадное расстояние: они летят над побережьем Чукотского полуострова, вдоль тихоокеанских берегов почти всей Северной Америки и лишь тогда попадают на места своих зимовок — на крайний юго-запад США и в Мексику. Как показало кольцевание птиц на острове Врангеля, особенно много их оседает на зимовку в Калифорнии, в частности в окрестностях озера Туле-Лайк.

Зимняя жизнь птиц однообразна. Ночи они проводят на мелководьях озер, болот, морских заливов, где им не страшны четвероногие хищники. С рассветом по одним и тем же привычным маршрутам стаи гусей разлетаются на кормежку в степи или на поля. В середине дня гуси летят на водопой, затем вновь на пастбища и наконец, на ночевку. Так проходит день за днем до тех пор, пока их не начнет властно манить к себе далекая и суровая родина...

Белый гусь — желанный трофей любого охотника. Вес птиц достигает двух с половиной килограммов; большую часть года они хорошо упитанны (к весне слой подкожного жира у них около полусантиметра), а мясо считается деликатесом.

Здесь, в Арктике, где разведение домашней птицы невозможно или нерентабельно, колонии белых гусей представляют собой замечательные «птицефермы», созданные самой природой и требующие для своего обслуживания более чем скромных затрат труда и средств. При этом нелишне напомнить, что гуси используют для своего питания лишь скудную по сути дела бросовую растительность полярных пустынь, часто не находящую других потребителей.

На севере Евразии за сравнительно короткое время исчезли многие колонии белых гусей по размерам, возможно, не уступавшие гнездовью на острове Врангеля. Однако известны и противоположные случаи недавнего образования новых птичьих поселений. Возможно, к ним следует отнести небольшие очажки обитания гусей в низовьях Индигирки и Колымы. В провинции Онтарио (Северная Канада), на мысе Генриэтты-Марии, белые гуси впервые обосновались в 1947 г. Вначале здесь устраивали гнезда сотни пар, а через десять лет — уже около пятнадцати тысяч пар птиц. Другая канадская колония белых гусей возникла, по всей вероятности, несколько раньше на Эскимосском мысу. Следовательно, будущее этих птиц не столь уж безнадежно. При мало-мальски сносном отношении к ним человека они сами расширяют область своего обитания, образуют в подходящих местах, главным образом на путях своего массового пролета, новые гнездовья. Эти только зарождающиеся колонии конечно, требуют внимания, опеки и на первых порах особенно тщательной охраны.

Можно было бы также предпринять и искусственное расселение птиц в Сибири, в пределах их бывшего ареала, искусственное создание гнездовий, восстановление «стада», которое проводило бы круглый год в Советском Союзе и, как когда-то в прошлом, зимовало бы на побережьях Каспийского моря. И это вовсе не фантазия. Так, на Рыбинское водохранилище

и в некоторые районы Прибалтики искусственно вселен серый гусь. Сюда завозили гусиные яйца; вышедшие из них птенцы «признавали» свою новую родину, возвращались сюда с зимовок и здесь размножались. Таким же образом, очевидно, могут быть созданы и новые колонии белых гусей. Яйца их можно было бы доставлять на самолете с острова Врангеля и подкладывать в гнезда близких по биологии птиц — белолобых гусей. Есть и другой путь можно перевезти на материк уже подрастающих гусят, а затем выпустить их в стаи опять таки белолобых гусей. И в первом и во втором случае птицы должны обрести новую родину.

Как это установлено при помощи кольцевания, на Каспийском море зимуют белолобые гуси, гнездящиеся на севере Западной Сибири и на Таймырском полуострове. Сюда-то в первую очередь и нужно завозить яйца или птенцов. Наиболее вероятно, что переселенцы вместе со своими приемными родителями также будут проводить зиму на побережьях Каспия.

Опыт вселения белых гусей на север Западной и Средней Сибири представляет немалый научный интерес. На этом примере (а их в распоряжении зоологов не так уж много можно проследить за тем, как складываются новые пролетные трассы пернатых перенесенных за тысячи километров от своих исконных местообитаний, как осваиваются ими новые места размножения, линьки и зимовок. Да и сам объект наблюдений чрезвычайно удобен: крупные, белые, издали заметные птицы невольно должны обращать на себя внимание, постоянно быть в поле зрения наблюдателей.

Кстати, выясняется, что белый гусь обладает большим «запасом прочности» способностью приспосабливаться к жизни в самых, казалось бы, неподходящих для него условиях. Это следует, например, на опыта разведения белых гусей на юге Украины, в зоопарке Аскания-Нова. Впервые пара птиц попала сюда в 1900 г. Эти гуси так и не загнездились, хотя один из них прожил в зоопарке тринадцать, а другой — двадцать лет. В 1961 г. Асканийский зоопарк приобрел шестьдесят птиц и выпустил их на пруд, частью с подрезанными крыльями, частью лётных. В конце марта следующего года гуси разбились на пары, а в мае, примерно в привычные для них сроки, три гусыни отложили яйца и стали их насиживать. Птенцы вывелись только в одном гнезде; в другом, устроенном среди открытой степи, где почва днем нагревалась до шестидесяти градусов, зародыши в яйцах погибли. Яйца в третьем гнезде расклевал грач. В 1963 г. здесь загнездились двадцать пар, причем яйцекладка у них началась уже почти по «украинскому календарю», в апреле, и гусят вывелись во всех гнездах. Молодым птицам крыльев в зоопарке не подрезают, и, тем не менее, большинство их не разлетается отсюда. «Стадо» белых гусей в Аскания-Нова с каждым годом увеличивается.

Исполины арктических вод

До тех пор пока остров Врангеля не был обжит людьми, моржи залегали на южном его побережье во многих местах. Однако постепенно количество залежек здесь сокращалось, и теперь моржи более или менее регулярно лежат только на галечниковых косах юго-западной оконечности острова, у мыса Блоссом. Они начинают появляться в море у этих кос во второй половине августа, когда от берегов отходят льды. Передовики не сразу выходят на берег; какое-то время животные плавают вблизи, на мелководье, и принимают (моржи близоруки, неважно слышат и больше всего доверяются своему обонянию). Шумно плещется вода, воздух оглашают тревожно-вопросительные крики, похожие одновременно и на мычание коров, и на визг свиней. Но вот, решившись, моржи неуклюжими прыжками начинают забираться на гальку. Большинство их тут же валится на бок и засыпает. С моря подходят и карабкаются на берег все новые и новые косяки.

Хотя моржи не были объектом наших исследований, мне приходилось бывать на их залежке у мыса Блоссом и видеть эту впечатляющую картину. Тысячи моржей лежат здесь на боку, на животе, на спине, тесно прижавшись один к другому. Местами звери громоздятся в два и даже в три слоя, настолько прочен их костяк; вновь прибывшие без стеснения взбираются на тела товарищей и спят на них. Лишь очень бесцеремонное обращение с соседом вызывает его недовольство; удар бивнями или ластом, впрочем, часто достается не нахалу, а ни в чем не повинному собрату. Как по эстафете, удары передаются все дальше, хотя в самом очаге скандала давно уже воцарилось спокойствие. Воздух сотрясает богатырский храп спящих моржей, мычание, рев и визг бодрствующих. От туш исходит одуряющий, терпкий запах.

На залежку собираются почти исключительно взрослые моржи. Фото С. В. Билькевича.

Подавляющее большинство лежащих зверей — взрослые самцы. Значительно реже и лишь по краям залежки можно встретить подростков, начинающих самостоятельную жизнь. Старики, по непонятной причине, относятся к юнцам недружелюбно; каждая выходящая из моря партия моржей гонит их все дальше и дальше на «задворки».

Холостые самки и матери с малышами предпочитают отдыхать на плавучих льдах. Такая

залежка мало чем отличается от береговой, разве что бросаются в глаза моржата, спящие в разных позах на материнских спинах. Ложась на льду, животные выбирают окраины крупных полей, а еще охотнее ложатся на небольших обособленных льдинах. Их не смущает, что под тяжестью взбирающихся сюда все новых туш льдина постепенно погружается под воду и через нее перекачиваются волны. Замечено, однако, что моржи никогда не ложатся на льдины из пресной воды, образовавшиеся в реках и гораздо более хрупкие, чем морские.

Моржонок. Фото И. И. Зайцева.

В «ледовитые» годы, когда море у берегов полностью не открывается, все моржи — и самки, и самцы — забираются только на льдины. Впрочем, животные могут спать и на воде. Это случается, если нет льдов или невозможно почему-либо попасть на сушу. Спят они здесь отдавшись на волю течений, занимая либо горизонтальное, либо вертикальное положение. В первом случае на поверхности видна только часть моржовой спины, похожая на большой бурый бугор. Время от времени бугор скрывается в морской пучине, а на его месте показывается голова с закрытыми глазами, и раздается шумный вздох. Через несколько мгновений голова исчезает и вновь показывается спина. Если морж спит в вертикальном положении, видны его голова и плечи, поэтому он дышит, не меняя позы. Чтобы держаться в вертикальном положении, моржу не нужно затрачивать особых усилий. Специальный горловой мешок его наполняется воздухом, и этот поплавок свободно держит зверя на плаву.

Моржи поражают своей величиной, строением, образом жизни. После гренландского кита и арктического дельфина белухи морж — самое крупное из животных высоких широт. Длина его тела может достигать пяти и даже шести метров, а вес — полтора тонн! У него вальковатое туловище, обтянутое толстой, морщинистой кожей, приплюснутая спереди голова, украшенная щетиной жестких усов, мясистые ласты, задние из которых могут подгибаться вперед. Важный отличительный признак моржа — бивни, гигантские клыки развитые на верхней челюсти и выступающие по углам рта. У взрослых зверей (бивнями обладают и самцы и самки) они достигают семидесяти — восьмидесяти сантиметров длины и четырех с лишним килограммов веса. Молодые моржи покрыты буровато-коричневой шерстью. С возрастом она рыжеет, редеет, и кожа животных становится почти совсем голой. Шея и грудь старых самцов к тому же почти сплошь покрываются шишками размером с человеческий кулак, многочисленными рубцами и шрамами — следами сражений с соперниками.

При виде моржа первым приходит в голову вопрос о назначении его бивней. Быть может это оружие, средство самообороны? Но у моржей нет врагов. Белые медведи, за редким исключением, нападать на них не отваживаются. У южных пределов Арктики встречаются хищные киты касатки, и в открытом море они производят опустошения среди моржовых стад. Однако даже в этом случае моржи лишь пытаются спастись бегством, не помышляя о самообороне при помощи бивней. Следовательно, в обычных условиях бивни моржа вовсе

не орудие защиты, хотя раненые звери иногда пускают их в ход, нападая на шлюпки и байдары зверобоев. Высказывалось предположение, что бивни — это своего рода грузила, которые облегчают моржам ныряние на большую глубину. Но ведь эти «грузила» не остаются на морском дне и при подъеме на поверхность затрудняют движение в той же мере, в какой облегчают ныряние! К тому же груз в несколько килограммов не может заметно облегчить громадному животному спуск под воду.

Часто морж пользуется бивнями, чтобы взобраться на высокую льдину или скалу, или пускает их в ход, сражаясь с соперником; он может также разбивать ими нетолстый слой льда, намерзший в разводьях. Главное же назначение бивней — перепахивание морского дна при кормежке.

Однажды (дело происходило на Новосибирских островах) мне пришлось стать очевидцем интереснейшего зрелища. Стоял тихий солнечный день, в большом разводье под берегом тогда и дело показывались головы крупных моржей. Решив, что они кормятся, я поспешил к морю и прилег на край льдины. В прозрачной воде, особенно в полосе тени от льдины, при глубине не больше десяти метров движения животных были достаточно хорошо видны.

Моржи действительно кормились. В поле моего зрения почти постоянно находились два три исполина, которые вели себя одинаково. Провентилировав над водой легкие и набрав в них очередной запас воздуха, морж почти отвесно уходил на дно и принимался за его распашку. Его бивни временами полностью скрывались в грунте; при этом морж энергично двигал шеей, оставаясь на одном месте или плывя. Когда он выворачивал бивнями большие пласты грунта, вокруг него поднимались облачка мути. Проложив борозду в два-три метра длины, а иногда и больше, морж затем совершал какие-то непонятные движения. Вытянув перед собой, как руки, передние лапы и потирая ласт о ласт, он начинал подниматься, оставляя след в виде полосы мути. Однако, не достигнув поверхности, морж опускал лапы и вновь нырял в глубину, часто поворачивая при этом шею и что-то вылавливая в толще воды.

Пытаясь понять, что все это значит, я вспомнил, что исследователей издавна удивляло следующее обстоятельство: желудки убитых моржей, как правило, бывают набиты мякотью моллюсков, иногда настолько хорошо сохранившейся, что удается даже определить виды, к которым они относятся. И в то же время в желудках моржей не встречается остатков известняковых раковин. Каким же образом морж ухитряется за короткое время не только собрать под водой порядочное количество корма, но и тщательно очистить его, не повредив нежных частей моллюсков?

Пролежав на льдине около часа, я, наконец, стал понимать, как кормятся моржи. Вырытые из грунта моллюсков звери, оказывается, собирали не ртом, а широкими и подвижными передними лапами. Конечно, вместе с кормом они захватывали и немало ила. Поднимаясь в первый раз к поверхности воды, морж перетирав лапами добычу и перемалывал при этом раковины. А когда он разводил потом «руками», обломки раковин уже легко отделялись и первыми опускались на дно. Гораздо медленнее оседали очищенные тела моллюсков, которые морж и вылавливал, ныряя второй раз. Лишь собрав корм, животное появлялось на поверхности воды. Мне стало понятно также, почему внутренние поверхности лап моржа шершавы и похожи на терки или жернова. Стало ясно, что при кормежке морж пользуется своими густыми жесткими усами. Они очень облегчают ему вылавливание очищенных моллюсков во взмученной воде, особенно полярной ночью или просто при плохом освещении.

В тот день мне представилась редкая возможность не только увидеть, как эти подводные «пахари» используют в качестве плуга свои массивные бивни, но и оценить ловкость этих неповоротливых на суше животных, быстроту и точность их движений под водой.

Но не все моржи питаются моллюсками, ракообразными и другой мелочью. Иногда среди них встречаются хищники, предпочитающие охотиться на нерп, лахтаков и нападающие даже на шлюпки с людьми. Таких моржей чукчи называют келючами, узнают их издали и очень боятся. Считается, что бивни у них желтые, будто обкуренные, иногда обломаны или сильно расходятся на концах в стороны (бивни «нормальных» моржей белые, с легким желтоватым

оттенком и растут более или менее параллельно один другому), что кожа их покрыта царапинами и порезами, а мясо имеет прослойки жира. По мнению чукчей и эскимосов, келюч вырастает из моржонка, рано потерявшего мать и вынужденного питаться чем попало — рыбой, мертвыми тюленями и другим необычным кормом. Такое предположение вполне логично: ведь моржонок не имеет бивней, ему нечем распахивать грунт, и он, следовательно не может сам добывать моллюсков. Можно представить себе, что хищниками становятся и те моржи, бивни которых растут уродливо, или животные, обломавшие себе бивни. Нетрудно понять также, почему бивни у келючей желтые: келючи не распахивают дна и не «чистят» постоянно свои зубы.

Большинство зоологов выделяет моржа в качестве единственного представителя одноименного подотряда в отряде ластоногих млекопитающих. Так же как и остальные сочлены отряда (настоящие тюлени и ушастые тюлени-котики и морские львы), моржи происходят от наземных хищников, однако детали их происхождения во многом остаются неясными. Известно лишь, что древнейший из предков моржей, праморж, обитавший в третичном периоде (остатки его были найдены в Северной Америке), по своему строению был близок к ушастым тюленям. В свою очередь котиков и морских львов некоторые зоологи сближают с медведями. В таком случае оба полярных исполина — и морж, и белый медведь — находятся в некотором, хотя и отдаленном, родстве. В пределах своего ареала моржи образуют несколько самостоятельных стад. Наиболее крупное из них (к нему относятся и животные с острова Врангеля) ныне обитает в Беринговом и Чукотском морях; зиму эти моржи проводят в Беринговом море, в его незамерзающих частях и у кромки льда. Второе стадо моржей не выходит в своем распространении за пределы советской Арктики и круглый год обитает в море Лаптевых и Восточно-Сибирском море. Наконец, моржей можно встретить в арктических морях, примыкающих к Атлантическому океану, — в Баренцевом и Карском, у берегов Гренландии и восточной Канады. Представителей этих стад зоологи относят соответственно к трем различным подвидам: тихоокеанских моржей (они достигают наибольших размеров, и у них самые длинные и толстые клыки), лаптевских и атлантических моржей.

Моржи предпочитают селиться на прибрежных или мелководных участках морей. По сравнению с настоящими тюленями они меньше приспособлены к жизни в водной среде (нерпа, например, может пробыть под водой двадцать минут, морж — только десять); тем не менее эти исполины могут нырять и добывать корм на глубинах до семидесяти пяти — восьмидесяти метров. В то же время животные избегают и сплоченных льдов: когти на их лапах малы и не годятся для того, чтобы процарапывать ими лунки (как это делают нерпы) и поддерживать их открытыми. До тех пор пока толщина льда не превышает семи — восьми сантиметров, морж еще может пробить его головой. Более толстый лед для него непреодолим. Зато, оказавшись на сплоченных или смерзшихся льдах, морж может проползти большое расстояние до воды, которую он, как и белый медведь, безошибочно находит каким-то особым чувством. Ползет он, конечно, медленно, судорожно дергаясь всем телом и напоминая громадную гусеницу, однако иногда преодолевает десятки километров переползая через встречные гряды торосов и даже обширные участки суши.

Моржи проводят на суше или на льдинах много времени. Здесь они размножаются, линяют, отдыхают. В отличие от настоящих тюленей моржи связаны с твердью не в течение какого-либо определенного сезона, а круглый год (и в этом также выражается относительно слабая их приспособленность к жизни в воде).

Сезонные перемещения моржей изучены недостаточно. Известно лишь, что животные относящиеся к тихоокеанскому и атлантическому стадам, за редким исключением, движутся осенью к югу и проводят зиму у кромки льда. Они, следовательно, круглый год обитают среди разреженных ледяных полей, беспрепятственно добираются до воды и часто имеют возможность выходить на сушу.

Наименее исследована биология моржей, населяющих море Лаптевых и Восточно-Сибирское море. Они проводят в высоких широтах не только лето, но и зиму. В июле —

августе они также устраивают залежки на суше — на восточном побережье Таймыра, в устье Лены, на Новосибирских островах. Когда появляется припай, животные уходят в море, и на этом их следы теряются. Можно предположить, что большую роль в жизни этих моржей играет Великая Сибирская полынья, что здесь-то они и проводят зиму. Ранней весной летчикам иногда удается увидеть у полыньи небольшие группы животных. Моржи лежат тесно прижавшись один к другому, и густо покрыты инеем. Замечено, что в этом случае они выбирают преимущественно старые льдины толщиной не менее полутора метров и чаще ложатся с морской стороны припая, где они меньше рискуют оказаться в ледовой ловушке.

И все-таки избежать этой ловушки им удастся не всегда. Оказавшись среди смерзшихся полей, в большом удалении от открытой воды, они подчас зимуют у продухов, тщательно их поддерживая. Такое отверстие не спутаешь с нерпичьей лункой; диаметр его достигает метра, на краях намерзает толстый ледяной вал. Своих пленников дрейфующие льды, по видимому, нередко заносят далеко вглубь Центральной Арктики, даже в окрестности Северного полюса. Участь этих моржей печальна: на больших глубинах животные не могут достигнуть дна и добыть корм. Моржам, зимующим в высоких широтах, конечно, приходится переносить и сильные морозы. По наблюдениям очевидцев, кожа зверей может настолько промерзнуть, что хорошо отточенный стальной гарпун лишь скользит по ней. Когда зверь встает, одеревеневшие лапы его трещат и при движении стучат по льду. Впрочем, насколько тяжелы для моржа последствия обморожения, сказать трудно, ибо жир и мышцы под промерзшей кожей сохраняют нормальную температуру.

В марте — апреле у моржей происходит линька. Самки в это время рожают детенышей; в это же время начинается и брачный сезон.

Длина тела новорожденного моржонка около метра, а вес достигает сорока килограммов. В отличие от детенышей настоящих тюленей малыш покрыт довольно редкой шерстью и защищен от холода главным образом слоем подкожного жира. Мать необычайно привязана к детенышу: даже раненая, она стремится уйти с ним под воду, обхватив его одним из передних лапов. Если моржонок убит, самка непременно сталкивает его с льдины и тоже уносит с собой. Очень долго, почти два года, мать пестует малыша (если это слово применимо к зверю, достигающему при переходе к самостоятельной жизни двух с половиной метров длины и почти пятисот килограммов веса), причем больше года кормит его молоком: у годовалого моржа бивни только начинают показываться изо рта и корм взрослых животных для него недоступен.

Самцы никакой заботы о потомстве не проявляют. В течение недолгого брачного сезона они жестоко дерутся между собой, пуская в ход бивни; свидетельством тому служат страшные шрамы и рубцы на их шеех и груди. Но затем самцы отделяются от самок и, забыв о былых распрях, образуют самостоятельные залежки.

Прирост моржового поголовья происходит медленно. Самки созревают и становятся способными к размножению только в четырехлетнем возрасте, самцы созревают на год позже. Самка рождает, не чаще чем раз в три года, лишь по одному моржонку. Правда медленный рост стада в какой-то мере компенсируется большой продолжительностью жизни животных. Установлено, что они доживают до двадцати пяти — тридцати лет, но не исключено, что некоторые моржи живут и дольше, до сорока лет.

В природе у моржа практически нет конкурентов. Правда, моллюсков или донных ракообразных поедает и крупный арктический тюлень — лахтак, или морской заяц. Однако по видовому составу эти корма существенно отличаются от поедаемых моржами. К тому же в рационе лахтака большое место занимает рыба, вовсе не привлекающая моржей. Следовательно, эти арктические исполины почти безраздельно пользуются здесь дарами морского дна.

Какие-либо массовые и тяжелые заболевания, свойственные моржам, также неизвестны. Возможно, что животные иногда гибнут от паразитирующих в них (в желудке, тонких кишках печени) внутренних паразитов. Много беспокойства, несомненно, доставляют им и наружные паразиты — «моржовые вши», поселяющиеся у корней усов и в глубоких складках кожи.

Пытаясь освободиться от своих мучителей, звери катаются по льду или на суше, трутся о льдины и камни. При этом взрослые моржи иногда задавливают на лежах моржат. Кроме того, детеныши подчас погибают от голода и истощения, отбившись от своих матерей.

* * *

С моржами, очевидно, были хорошо знакомы древние обитатели побережий северных морей. Например, на Чукотском полуострове, в местах поселений предков современных чукчей и эскимосов, археологи находят хорошо сохранившиеся остатки гарпунов применявшихся палеолитическими охотниками для добычи животных, вырезанные из моржовых бивней скульптурные изображения или украшенные тонким, разнообразным орнаментом бивни. Моржи, во всяком случае, их бивни, с незапамятных времен известны и в Западной Европе. Одни из древнейших сведений о них исходят от норманнского вождя Отара. В 870–890 гг. он совершил поход в Биармию (на Кольский полуостров и, быть может на Белое море), где охотился на моржей и добывал их бивни. Незамысловатое повествование этого мореплавателя, записанное с его слов английским королем Альфредом Великим, дошло до наших дней. В X в. моржовые бивни начали поступать в Европу из Гренландии, от обосновавшихся там колонистов-скандинавов. Столетием-двумя позже основными поставщиками «рыбьего зуба» (моржовых бивней) стали русские поморы выходившие на промысел зверей в Белое море, на Грумант (Шпицберген), на Матку (Новую Землю), а впоследствии и на Чукотский полуостров.

И, тем не менее, вплоть до позднего средневековья моржи порождали в цивилизованном мире бесчисленное множество фантастических рассказов и описаний, рисовавших ужасную внешность животных, их необыкновенную дикость и свирепость; бытовали невероятные истории о способах охоты на полярных исполинов. Еще в середине XVI в. весьма просвещенный шведский картограф и миссионер Олаус Магнус писал о моржах, что те карабкаются на высокие скалы при помощи бивней и, зацепившись за трещины, на многие часы повисают в воздухе. Именно в это время, по Магнусу, здесь появляются охотники. Они вырезают на спинах и боках животных длинные полосы кожи, крепят их концы к скалам и после этого будят моржей, бросая в них большие камни. Проснувшись, исполины кидаются в море, оставив охотникам свои шкуры.

По силе разыгравшейся вокруг них фантазии моржи, возможно, превосходят всех других животных. В какой-то мере свидетельством тому служат многочисленные названия, под которыми они были известны в древности. Отар называл их морскими конями, или лошадиными китами (Horsvålum). На суше морж действительно имеет отдаленное сходство с лошадью; особенно «конскими» чертами обладают его сильная изогнутая шея, спина и в какой-то мере голова, если на нее смотреть сбоку. Моржи были известны и под именем морских коров (Vacca marina), и необыкновенных морских свиней (Porcus monstruosus Ocean Carmanici), и даже полярных бегемотов. Укоренившееся во многих современных европейских языках название моржа — Walrob, Walrub соответствует старому англосаксонскому Horsvålum — «морской конь». Второе распространенное в Европе название животных — Mors, Morsus, по-видимому, происходит от русского «морж». Можно предположить, что это слово родилось на заселенных поморами берегах Белого моря и как-то связано со словами «море», «морской».

Морж — одно из ценнейших промысловых животных Арктики. От одного моржа получают более двухсот килограммов жира, громадную толстую шкуру (перед выделкой она может быть разрезана вдоль на несколько слоев), около тонны мяса (вполне съедобного, тем более у молодых животных). Без промысла моржей немыслима жизнь коренного населения многих районов Крайнего Севера. Но наиболее известен этот зверь как поставщик ценных бивней. Наряду со слоновой «костью» они издавна используются для различных поделок: в средние века порошок из них применялся также как дорогое лечебное средство. Уже в начале колонизации европейцами Гренландии (X в.) моржовые бивни служили денежным

эквивалентом при торговых сделках. По свидетельству летописей, удельные князья посылали «рыбий зуб» ко двору киевского князя вместе с драгоценными мехами и другими самыми дорогими подарками. До начала массового промысла моржей на западе Баренцева моря (XVII в.) цена одного фунта бивней достигала в Европе баснословной по тем временам суммы — двадцати пяти голландских гульденов. Не менее высоко ценились бивни и в странах Востока — Персии, Византии, в государствах Средней Азии. Там они использовались преимущественно как материал для отделки ножей и кинжалов.

Не удивительно поэтому, что бивни моржей всегда были заманчивым трофеем для охотников и зверобоев. Русские поморы пускались в поисках «рыбьего зуба» в трудные плавания по арктическим морям, предпринимали удивительные по смелости походы в Сибирь.

В XV–XVI вв. поморские промыслы распространились уже на большую часть местобитаний моржей в Белом и Баренцевом морях. Охота на зверей и добыча «рыбьего зуба» превратилась в потомственную профессию многих поморских семей из Холмогор, Мезени, Пинеги, Пустозерска и других поселений, в важную отрасль хозяйства поморских монастырей. С середины XVII в. русские землепроходцы начали регулярно доставлять ценный «рыбий зуб» с северо-востока Сибири. В 1646 г. казак Исая Игнатьев первым проник на северное побережье Чукотки. Он же впервые привез в Якутск партию бивней, выменянных им у чукчей. Шестью годами позже состоялось известное плавание Семена Дежнева вдоль берегов всего Чукотского полуострова. Свершилось замечательное географическое открытие, был найден пролив между Азией и Америкой. Однако главной наиболее важной своей находкой Дежнев считал обнаруженные им в устье реки Анадыря громадные моржовые лежбища и скопления «заморной кости» (бивней погибших зверей). Большое внимание добыче «рыбьего зуба», развитию этого промысла придавалось и в столице Русского государства. Еще в XV в. в России была установлена государственная монополия на торговлю бивнями. Служилые люди, находившиеся на государственной службе, были обязаны сдавать в казну всю добытую «кость», с остальных промышленников взималась десятинная подать (одна десятая часть добычи). Специальными «отписками» (распоряжениями) учрежденного в Москве Сибирского приказа четко определялись сорта «рыбьего зуба». Он должен был быть «не меньше гривенки весом», выделялись «большой и средний зуб» и, наконец, «из двух голов пуд, или восемь костей в пуд» (бивни весом от двух до четырех килограммов каждый; для них вводилась штучная расценка). Даже в Якутске в XVII в. Государство платило промышленникам по пятнадцати — двадцати рублей за пуд бивней.

С развитием моржового промысла, особенно на севере Атлантики, цена на этот товар постепенно падала. Однако и в наши дни бивни находят себе сбыт. Их охотно покупают как сувениры приезжающие в Арктику туристы (современная цена пары хороших бивней на Аляске составляет около тридцати долларов). Во всем мире пользуются популярностью фигурки животных, броши и другие украшения, искусно вырезанные современными северными умельцами из моржовой кости, бивни с выгравированными на них рисунками. Особенно известны чукотские косторезы, главная «штаб-квартира» которых находится в поселке Уэлен, вблизи Берингова пролива, а также потомственные поморы — резчики по кости из села Холмогоры Архангельской области.

Промышленники-европейцы обычно не оставляли без внимания и туши животных. Издавна использовались жир и шкуры моржей. Известно, например, что при постройке Кёльнского собора употреблялись ремни из моржовой кожи, поставлявшиеся русскими поморами; кое где и сейчас еще приводные ремни из кожи моржа вращают станки.

С каждым годом увеличивается спрос на живых моржей. Моржи неплохо переносят неволю, иногда живут в зоопарках по десять и более лет и неизменно бывают окружены толпами зрителей. Впрочем, подобного рода использование этих животных также восходит к давним временам: еще в 1606 г. в Англию был доставлен живой морженок, пойманный охотниками у острова Медвежьего. В зоопарки и теперь поступают преимущественно

молодые животные, в возрасте всего лишь нескольких месяцев. Те из них, кого удастся приучить к необычному корму и вырастить, как правило, проявляют в неволе недюжинные умственные способности и сильно привязываются к обслуживающим их людям. К сожалению посетители зоопарков не видят даже у взрослых моржей главного их украшения — бивней. Дело в том, что в зоопарках животных содержат в бетонированных бассейнах. И хотя моржи питаются в неволе рыбой, рефлекс распахивания дна у них сохраняется, и свои бивни они начисто стирают о бетон. Кстати, по этой причине моржи в зоопарках чаще всего и гибнут: стирание бивней сопровождается развитием в них воспалительных процессов.

Добывают моржей, конечно, совсем не так, как представлял себе это Олаус Магнус. Современные зверобои, в том числе и охотники острова Врангеля, вооруженные крупнокалиберными винтовками и выходящие в море на моторных судах, конечно справляются с моржами без большого труда. Однако в прошлом, хотя животные и меньше боялись человека, добывать их без помощи огнестрельного оружия, а тем более стальных копий и гарпунов было нелегко. Стрела или копье с кремневым либо костяным наконечником должны были пронзить прочную кожу толщиной в два-три пальца, упругий слой подкожного жира и, миновав массивные кости, точно поразить зверя в сердце. Даже владея стальными орудиями, охотники не всегда справлялись с полярными исполинами. Об этом свидетельствует, например, красноречивый рассказ Де Фера, спутника Виллема Баренца в плавании к Новой Земле (в конце XVI в.): «Моряки думали, что это стадо моржей, возившихся на песке, не может защищаться на суше, и потому напали на них, чтобы овладеть их клыками, но поломали свои тесаки, топоры и копья, не сумев убить ни одного; только у одного они выбили клык, который и унесли. Не добившись в этой борьбе никакого успеха, они решили вернуться на корабль и привезти оттуда пушки и с ними атаковать моржей, но поднялся очень сильный ветер, который стал ломать лед на большие глыбы, так что от этого намерения пришлось отказаться».

Впрочем, еще задолго до плавания Баренца, русские поморы выработали надежные приемы охоты на моржей, передававшиеся из поколения в поколение, от отцов к сыновьям. В большинстве случаев они старались застать зверей спящими на берегу и, незаметно подкравшись к лежбищу со стороны моря, неожиданно нападали, причем старались колоть крайних, чтобы загнать других подальше на берег, где моржи оказывались сравнительно беспомощными. Поморы убивали зверей копьями с узким наконечником («спицами») и остроконечными гарпунами, к концам которых привязывали длинную веревку или ремень, так называемый обор. К другому концу обора прикреплялась пустая закупоренная бочка, выполнявшая роль поплавка (благодаря ей убитый морж не мог утонуть в море). Похожие приемы охоты на моржей во время их залегания на суше до последнего времени применяли также чукчи и эскимосы.

По мере совершенствования огнестрельного оружия стал преобладать промысел зверей в море или на плавучих льдинах. Так в основном добывают моржей и в наши дни. Зверобои подходят к стаду на кожаных байдарках или деревянных вельботах, стреляют в плывущего моржа, стараясь лишь ранить его, и тут же вонзают в тушу гарпун. Поплавки из нерпичьих шкур или железных бочек, прикрепленные к гарпуну, держат добычу на плаву. Впоследствии морж погибает от потери крови или от новых пуль. Зверей, лежащих на льдинах, охотники стараются убить наповал. Нельзя сказать, что моржовый промысел даже теперь легок и вполне безопасен. Много невзгод доставляет зверобоям суровое море: людей часами окатывают холодные волны, льды грозят раздавить байдару или вельбот. Тяжела разделка громадных моржовых туш. К тому же всегда есть опасность, что на шлюпку нападет раненый зверь, ударит в днище или борт бивнями и пробьет обшивку.

Напугать гребцов, даже искупать их в море, может и вполне здоровый морж: изредка случается, что он подплывает к шлюпке и, закинув в нее бивни, повисает на борту (любопытство, очевидно, свойственно не только человеку). Раненый же и разъяренный морж тем более опасен. Моржи, по мнению зверобоев, очень боятся крови и вообще всего красного. Именно по этой причине на Чукотке можно увидеть лодки с днищами

выкрашенными снаружи красной краской; считается, что в этом случае меньше риска, что моржи нападут на лодку. Бывает, что при разделке убитых моржей на льдинах зверобой выдерживают и настоящие осады. Животные в силу развитого у них чувства товарищества пытаются помочь своим пострадавшим соплеменникам, отвоевать у людей туши и столкнуть их в море. У охотников в таких случаях остается лишь один выход — отстреливаться от осаждающих льдину зверей.

Усиленный промысел моржей, развивавшийся столетиями, естественно, не мог не отразиться на их поголовье. Еще сравнительно недавно область распространения животных была значительно обширнее современной. Моржи обитали не только в арктических водах там, где их встречают и в наши дни, но и на севере Атлантического и Тихого океанов. Как мы уже видели, они населяли Белое море, были нередки также у берегов Шотландии, северного побережья Норвегии, в Охотском море. По-видимому, колоссальна была и их общая численность на земном шаре (например, в XVIII в. только с Европейского Севера поступало на рынок до тридцати тонн бивней в год, добывалось же моржей по меньшей мере по пять-шесть тысяч в год).

Численность моржей на земле стала уменьшаться особенно быстро с середины прошлого столетия, когда зверобой уже выбили в Арктике гренландских китов и моржи стали здесь главным объектом промысла.

Вот некоторые примеры. К берегам Новой Земли еще в 80-х годах XIX в. на моржовый промысел выходили десятки шун. Десятью — двадцатью годами позже моржи здесь уже почти не встречались. Их современная общая численность в Баренцевом море, очевидно, не превышает нескольких тысяч голов. Не в лучшем положении оказываются моржи обитающие у западной Гренландии и восточной Канады. Стадо, населяющее море Лаптевых и Восточно-Сибирское море (впрочем, и в прошлом самое малочисленное), состоит не более чем из десяти — пятнадцати тысяч животных. На побережье Аляски сто лет назад добывалось до десяти тысяч моржей в год, а пятьдесят лет назад — лишь тридцать моржей. Вообще стадо, обитающее в Чукотском и Беринговом морях, еще в середине XVII в. (до широкого развития коммерческого промысла) насчитывало около двухсот тысяч, а сейчас в нем меньше сорока тысяч моржей.

Техника и способы добычи животных, применяющиеся в последние семьдесят — восемьдесят лет, истребительны не только благодаря высокой «производительности труда» охотников, но и потому, что ведут к бесцельной гибели животных, сокращают и без того медленный прирост их поголовья. Когда промысел происходит в море, как правило, большая часть туш не достается зверобоям и тонет (загарпунить моржа гораздо сложнее, чем его убить). Гоняясь за крупными самцами, охотники уничтожают их в первую очередь и тем самым нарушают нормальное соотношение полов, а также соотношение числа взрослых и молодых зверей в стаде.

Судьба моржей, особенно их атлантического стада, так же как и судьба белых медведей вызывает в мире все большее беспокойство. Допустить их полное истребление — а такая участь им угрожает — означало бы лишиться интереснейшего в научном и хозяйственном отношении вида. А ведь моржи имеют не только прямую, но и косвенную хозяйственную ценность. Уничтожить их — значит добровольно отказаться от использования обильных даров северных морей — запасов моллюсков, вовлекаемых в хозяйственный оборот с помощью моржей. В самом деле, у побережий Гренландии, в Баренцевом, Беринговом и Чукотском морях на одном квадратном метре дна нередко обитает свыше трехсот и даже пятисот граммов различных живых организмов, основу которых нередко составляют поедаемые моржами моллюски. Лишиться моржей (вспомним, что моржи — основные потребители многих видов моллюсков) — значит потерять доступ к этим богатствам!

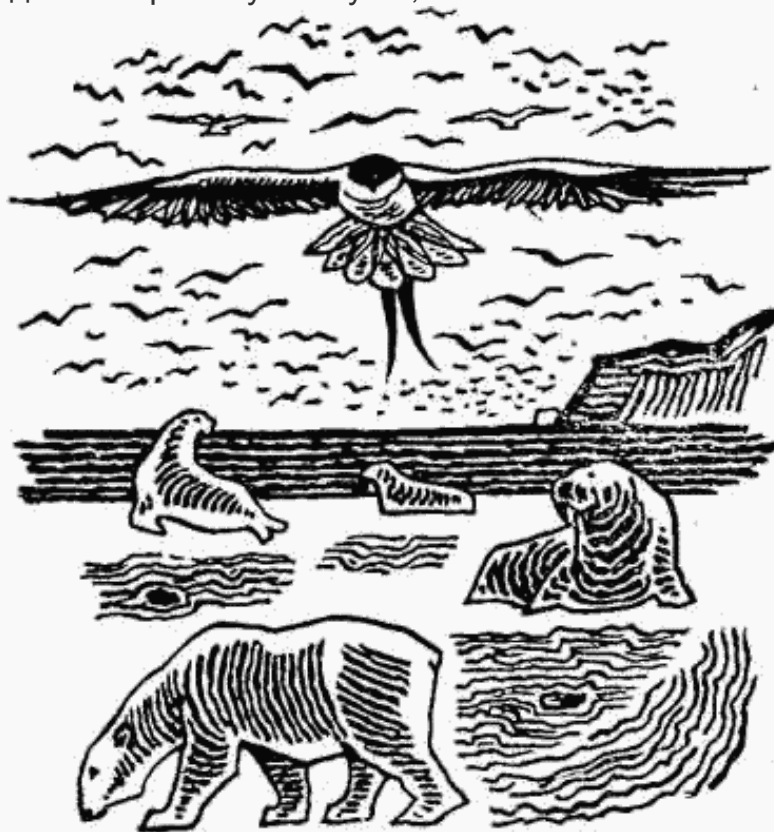
Нельзя сказать, что для охраны моржей не предпринимается никаких усилий. В СССР с 1956 г. полностью прекращен государственный промысел зверей; в ограниченном количестве их добывают теперь для своих нужд лишь чукчи и эскимосы. Запрещено также строительство маяков и других сооружений в местах береговых лежбищ животных

Существует проект завоза моржей в Белое море с целью восстановления здесь исчезнувшего стада. Государственный промысел моржей прекращен в США, Канаде Норвегии.

Однако угроза истребления полярных исполинов не миновала, и их численность, хотя и медленнее, чем прежде, продолжает сокращаться. Моржи требуют большего внимания к себе, более действенной опеки.

Они нуждаются в охране

Хозяйственное освоение Арктики, ее животных и растительных ресурсов, по сути дела только начинается. И, тем не менее, эти ресурсы уже успели оскудеть. С лица земли сравнительно недавно исчезли бескрылая гагарка и лабладорская гага, стеллерова морская корова и очковый баклан (последние два вида, правда, встречались лишь на подступах к Арктике, на Командорских островах). На грани истребления находятся гренландский кит и эскимосский кроншнеп. Вызывает тревогу судьба белого медведя, моржа, гренландского тюленя, некоторых видов северных гусей и уток, обитателей птичьих базаров.

Немало животных исчезло под натиском человека и в других частях земного шара. Но фауна Арктики вообще бедна видами, и понесенный ею урон особенно значителен. В чем же причина такой уязвимости арктической природы?

Арктика невелика, и широко распространенный взгляд на нее как на страну бескрайних просторов на самом деле ошибочен. Еще со школьной скамьи мы привыкаем к географическим картам, составленным в проекциях Меркатора и ей подобных. На всех этих картах Арктика представляется нам искаженной и чрезвычайно увеличенной. Северный Ледовитый океан и окружающие его побережья мы как бы постоянно рассматриваем через лупу, в то время как на другие районы смотрим невооруженным глазом. В доказательство достаточно привести несколько цифр. Площадь Северного Ледовитого океана (если оставить в стороне спорный вопрос о границах Арктики) исчисляется всего в тридцать с небольшим миллионов квадратных километров и примерно равна площади Европы. Площадь всех островов советской Арктики — менее двухсот тысяч квадратных километров, то есть

значительно меньше площади таких государств, как Югославия или Румыния.

На продуктивность и размещение природных ресурсов, в частности животных, в Арктике накладывает свой отпечаток своеобразие природных условий. В летние месяцы благодаря круглосуточному освещению и пониженному содержанию в атмосфере углекислого газа биологические процессы здесь происходят интенсивнее, чем в средних широтах, животные нередко размножаются и растут быстрее. Многие виды птиц, например, в высоких широтах бывают активны большую часть летних суток. Кайры, как мы уже видели, вообще не отдают предпочтения какому-нибудь определенному времени суток и одинаково активны и днем и ночью. Воробьиные птицы, в том числе пуночки, имеют в середине летней ночи лишь очень короткий перерыв в суточной активности — всего один-два часа. Благодаря круглосуточному солнечному освещению арктические птицы летом могут использовать для добывания корма наиболее благоприятные обстоятельства и не зависеть при этом от времени суток. Так некоторые кулики и чайки (в том числе бургомистры), кормящиеся на берегу моря, бывают наиболее деятельны во время отлива и отдыхают в периоды приливов.

Благодаря более длинному «рабочему дню» многие пернатые в состоянии откладывать в Арктике больше яиц, чем в южных и средних широтах. Так, широко распространенная птица из отряда воробьиных каменка на юге, в Сахаре, откладывает обычно не более пяти яиц, в умеренной полосе Европы — не более шести, а на севере, в Гренландии, — семь и даже восемь яиц. У соколов-сапсанов, гнездящихся в тундре, в гнездах чаще находят по четыре яйца, в то время как на большей части территории Западной Европы эти птицы откладывают обычно по три, а в Средней Азии, как правило, — по два яйца (*Наряду с этим для наиболее давних вселенцев в Арктику характерны, наоборот, низкие темпы размножения. Например, кладки белой чайки и поморников содержат по одному-два яйца, в то время как чайки других видов откладывают более трех яиц. У тундровых лебедей бывает в гнездах по два-три яйца, у лебедей кликуна и шипуна — больше четырех яиц. Белые медведи созревают в более позднем возрасте, чем бурые, и имеют меньше детенышей в помете. Очень медленно размножаются овцебыки и т. д.*). По этой же причине птенцы в Арктике нередко растут быстрее и оставляют гнезда раньше, чем в средних широтах. Очень короток период размножения у белых гусей. Птенцы соколов-сапсанов в Арктике оставляют гнезда примерно на десять суток скорее, чем в областях умеренного климата. У белой трясогузки рост птенцов ускоряется на Севере на один-два суток, но даже и это «выигрыш» дает птицам в высоких широтах большие преимущества.

В то же время неблагоприятные зимние условия — продолжительная полярная ночь, залегающий на долгий срок очень плотный снежный покров, замерзание, а иногда и промерзание до дна водоемов — для многих видов сводят на нет «выгоды» арктического лета. Поэтому-то например, так медленно растут в Арктике кустарники. Многие виды бабочек завершают цикл своего развития не за год, как это бывает в средних широтах, а за два и даже три года. Медленно растут и созревают многие виды северных рыб.

Из-за изменений в условиях обитания, в количестве и доступности кормов состав и весь облик арктической фауны резко меняется по сезонам года. Подавляющее большинство птиц и значительная часть зверей, встречающихся в этой области, принадлежат к числу мигрирующих, или кочующих, видов: на зиму они оставляют пределы негостеприимной Арктики. Здесь вообще нет строго оседлых наземных позвоночных животных. Весной и осенью даже лемминги совершают переселения с одних участков тундр на другие.

Из ста с небольшим видов птиц, гнездящихся в высоких широтах, немногим более десятка отваживаются проводить зиму в тундрах и в водах Северного Ледовитого океана. На острове же Врангеля зимует лишь один ворон. Остальные птицы нередко проделывают долгий и тяжелый путь, прежде чем достигают районов своих зимовок. Большинство арктических куликов проводит зиму в южной Азии, Африке и иногда даже в Австралии. Камнешарки, например, с северо-востока Азии улетают в южную Азию и Австралию. Там же зимуют их соседи по гнездовью — исландские песочники. Дутыши осенью отправляются в

Южную Америку. У ее тихоокеанских берегов проводят зиму размножающиеся на острове Врангеля плосконосые плавунчики. На зимовках, так же как и на своей родине, кулики обитают на морских побережьях, берегах рек, озер и болот. Поморники и моевки рассеиваются в зимние месяцы по просторам Тихого океана. Гаги зимуют у кромки льда в Беринговом море, где встречаются со своими «земляками» кайрами.

Замечательные по дальности перелеты совершают полярные крачки. Эти птицы еще не «открыли» Берингова пролива. С северных побережий Европы и Азии, в том числе с острова Врангеля, крачки летят на запад, огибают западные берега Европы, Африки и достигают Антарктиды. Там они и остаются на зимовку. В течение года птицы, следовательно, дважды совершают полукругосветные перелеты и большую часть жизни проводят под лучами незаходящего солнца.

С началом зимы начинается массовое переселение к югу стад тундровых северных оленей. Вслед за ними подобно пастухам движутся волки. Песцы либо откочевывают по замерзшим рекам к югу, либо, как на острове Врангеля, выходят на морской лед. В этом случае они держатся у кромки льда и полыней, собирая случайные выбросы моря, или становятся спутниками белых медведей. Весной все эти пернатые и четвероногие странники устремляются со своих дальних и близких зимовок в тундру, на побережья северных морей чтобы воспользоваться дарами арктической природы и успеть за короткое лето произвести на свет, выкормить и вырастить потомство.

Условия обитания живых организмов в разных частях Арктики также различны. В то время как большие пространства остаются здесь почти безжизненными, в отдельных очагах своеобразных оазисах, развивается жизнь, поражающая своим богатством и разнообразием.

Вообще жизнь летом сосредоточивается в Арктике преимущественно в долинах рек и межгорных котловинах, где растительность особенно пышна и разнообразна и где следовательно, больше кормов для растительноядных животных и укрытий для птиц. Склоны речных долин весной первыми освобождаются от снега, и растительность на них появляется раньше, чем в других местах. Крутые берега рек — единственные в тундре возвышения, где могут гнездиться хищные птицы — мохноногий канюк и сокол-сапсан. По склонам речных долин, где почва протаивает на большую глубину, роют свои норы песцы; привлекает их сюда и обилие корма — грызунов, птиц. Участки арктической суши, занятые ледниками или каменными россыпями, почти безжизненны (эти территории при подсчете общей площади арктической суши зоолог может просто не принимать во внимание). Очень мало животных обитает в сухих, лишь местами покрытых чахлой растительностью пятнистых тундрах, среди арктических «полупустынь».

Для Арктики очень характерно, что по мере продвижения к северу суша становится все менее гостеприимной, бедной кормами и жизнь все больше тяготеет к водоемам. Уже в подзонах мохово-лишайниковых и особенно арктических тундр (*Зону тундр, или Субарктику, большинство географов подразделяет на южную подзону мохово-лишайниковых тундр и северную подзону арктических тундр. Полосу кустарниковых тундр, с юга окаймляющую Субарктику, относят иногда к тундровой зоне, иногда — к зоне лесотундры*) многочисленные пресноводные водоемы и прибрежная полоса моря богаты жизнью, а количество кормов на суше становится ограниченным. Не случайно в птичьем населении этих районов преобладают водные или околководные птицы — чайки, утки, кулики. В высоких широтах Арктики в общем уже немногочисленные животные живут в основном за счет моря. Например, пуночки, на юге Арктики вполне наземные птицы, на крайних северных участках суши прокормиться не могут и весной вынуждены вести «полуморской» образ жизни, собирая у полыней выплеснутых на лед рачков. Даже северные олени на Шпицбергене существуют зимой в значительной мере за счет «даров моря» и кормятся водорослями, выброшенными на берег штормом.

Облик животного населения Арктики резко меняется и по годам. На суше эти изменения бывают обусловлены главным образом климатическими причинами. Если предшествующая

зима была относительно теплой, разливы рек невелики и не было гололедей, то летом в тундре многочисленны лемминги, а местами и другие мелкие грызуны, которыми кормятся все хищные звери и птицы. Даже такой «вегетарианец», как северный олень, не упускает тогда случая полакомиться леммингом. В годы массового размножения грызунов усиленно размножаются белые совы, поморники, мохноногие канюки. В такие годы успешно размножаются также гуси, куропатки, кулики и другие птицы: хорошо обеспеченные кормом хищники меньше обращают внимания на их яйца и птенцов. Громадные семьи бывают в такие годы у песцов.

В те годы, когда грызуны в тундре вымирают (*«Механизм» и конкретные причины изменений численности грызунов, в частности леммингов, изучены еще слабо*), белые совы, канюки и поморники не размножаются. Песцы кормятся яйцами и птенцами, а при случае и взрослыми птицами, и пернатое население сильно сокращается. «Урожаи» леммингов обычно бывают раз в два — четыре года. С такой же периодичностью случаются «песцовые» (они же «совиные») годы. Необычайно высокая амплитуда колебаний численности видов вообще одна из характерных особенностей здешней фауны. Достаточно сказать, что, например, на севере Якутии численность зайцев-беляков может увеличиваться в две тысячи четыреста раз! (*На севере лесной полосы Европейской части СССР эта цифра бывает по крайней мере в двадцать раз меньше*).

Благополучие многих морских животных в высоких широтах Арктики связано с полярной треской — сайкой, количество которой в морских водах зависит главным образом от температурных условий в том или ином участке моря. Большие изменения произошли в животном мире Арктики за последние пятьдесят — шестьдесят лет. Причиной этому было общее потепление Арктики, оказавшее в общем благоприятное влияние на ее органический мир. За эти годы продвинулась к северу древесная и кустарниковая растительность (*Хотя по мнению некоторых авторов, лес на север не продвигался*). В связи с тем, что лето удлинилось, богаче и пышнее стала растительность, зарастают голые и бесплодные тундровые пятна, увеличилось количество насекомых; все это улучшило питание и условия обитания зверей и птиц в высоких широтах.

В связи с потеплением на Севере появились виды животных, которых здесь прежде не было. Все чаще видят в тундрах лосей. Они не только заходят сюда летом, достигая побережья Ледовитого океана, но и размножаются здесь, а нередко и зимуют среди зарослей тундровых кустарников. Область обитания лисицы за последние тридцать — сорок лет продвинулась к северу более чем на сто километров.

В тундровой зоне и даже на юге зоны арктических пустынь появились и стали размножаться новые виды птиц — переселенцы из лесной зоны. Нередко они начинают гнездиться в необычных для них условиях. Так, например, чечетки, исконные обитатели кустарников, устраивают теперь свои гнезда в открытой тундре — в мотках проволоки и поселков, очевидно, принимая их за своеобразные «кусты», и даже в различных постройках человека.

Всего за последние пять-шесть десятилетий в тундрах и арктических пустынях Советского Союза расселилось не менее тридцати новых для этих мест видов птиц, более южных по своему происхождению. Чаще всего они проникали в тундру по речным долинам, где более благоприятны климатические условия и где больше кормов. Лишь окончательно закрепившись в речных долинах, новоселы распространялись и на водоразделы.

Однако «южане» при своем расселении нередко теснят и вынуждают отступать к северу местные виды животных. Например, там, где появляются лисы, исчезают песцы: лисица, как более крупный и сильный зверь, становится серьезным конкурентом песца, и не только как потребитель тех же кормов: она занимает его норы, которых в тундрах не так уж много, а при случае просто загрызает своего арктического родственника.

Отступление «северян» и сокращение их численности иногда были и прямо связаны с климатическими изменениями. Особенно они сказывались на видах, проводящих в высоких широтах зиму. Повышение температуры воздуха в зимние месяцы сопровождается

гололедами, а это затрудняет добывание корма овцебыкам, северным оленям куропаткам и нередко ведет к их массовой гибели. В результате своего рода «цепной реакции», связанной с отступлением к северу холодолюбивой сайки, исчез в некоторых южных районах Арктики белый медведь.

Потепление Арктики вызвало заметные сдвиги в сроках прилета и отлета птиц, изменил районы зимовок многих видов. Климатические изменения происходят на земном шаре постоянно, но в полярных областях они проявляются особенно резко, сопровождаясь коренной перестройкой органического мира. В самые последние годы процесс потепления Арктики, очевидно, приостановился, однако последствия его все еще сказываются.

* * *

Хотя усиленное использование природных ресурсов Арктики началось недавно, промысел некоторых животных имеет здесь солидную историю. Уже в XVII–XVIII вв. северные районы Баренцева моря называли «жиротопнями Европы». Отсюда шли во многие европейские государства жир, китовый «ус» и другие продукты, полученные при добыче гренландских китов.

Эти громадные животные (длина их может достигать почти двадцати метров, а вес — ста тонн) — единственный вид усатых китов, сумевший приспособиться к жизни в арктических морях. От холода их защищает мощный слой подкожного жира; даже новорожденный китенок необычайно упитан. Они прекрасно ориентируются среди ледяных полей и в полыньях и могут пробивать проходы собственной спиной, если толщина льда не превышает известного предела.

Существовало несколько обособленных стад гренландских китов, хотя нередко они перемещались из западной, приатлантической, части Арктики в восточную и наоборот. Ценность китов как промысловых животных чрезвычайно высока. Каждый кит давал до тридцати тонн жира, который использовался как сырье для изготовления мыла, в кожевенном производстве, а до появления керосина — для освещения улиц и жилищ. Употреблялся он и в пищу. От одной китовой туши можно было получить до полутора тонн роговых пластин — эластичного и упругого китового «уса». До изобретения пластмасс и развития металлургии этот материал имел универсальное применение. Из него делались пружины для экипажей, матрацев и даже часов, кости для корсетов и вееров, спицы для зонтов и рыболовные удила, парики и подушки для мягкой мебели. Вполне съедобно мясо гренландского кита.

Промысел китов по тем временам был грандиозен. Лишь в водах Шпицбергена в 1620–1635 гг. промысляло более трехсот китобойных судов, а в начале XVIII в. их число достигало уже шестисот в год. В течение XIX в. в шпицбергенских водах только американские компании добыли китов на сумму свыше миллиарда долларов. Еще в 1905 г. здесь было добыто шестьсот китов, но уже в 1912 г. — лишь пятьдесят пять китов... В 1920–1930 гг. киты в Баренцевом море считались уже полностью истребленными. К счастью, это мнение не подтвердилось. Фонтаны гренландских китов еще виднеются на горизонте в Беринговом, Чукотском и даже Баренцевом морях. Киты возобновляют свои миграции, «вспоминая» пути предков. Конечно, чрезвычайно важно сохранить их, дать им возможность размножиться. Ведь киты потребляют подчас никем больше не используемые громадные запасы морского планктонных беспозвоночных и являются «живыми фабриками» мяса и жира.

В большинстве районов Арктики резко сократились запасы диких северных оленей. Количество этих животных на севере Европы, Азии и Северной Америки еще в начале нынешнего столетия не поддавалось исчислению. Достаточно сказать, что, например, на Аляске стада оленей, переправлявшиеся осенью через реки, нередко были серьезной помехой для движения пароходов. На Юконе по этой причине пароходы бывали вынуждены простаивать по нескольку суток. В Канаде, по мнению известного зоолога Э. Сетона, в 1907 г. насчитывалось не менее тридцати миллионов северных оленей (*Возможно, что эти*

цифры преувеличены). К 1947 г. их запасы сократились до шестисот тысяч и к 1955 г. — до двухсот семидесяти тысяч голов. Таким образом, за последние пятьдесят лет поголовье оленей здесь резко уменьшилось. Очевидно, не меньший урон понесли северные олени и в евразийских тундрах.

* * *

Местное население на Севере охотилось на тюленей и пушных зверей, оленей и водоплавающую дичь с давних пор. В течение тысячелетий наряду с оленеводством и рыболовством охота была основным источником существования многочисленных местных племен и народностей. Она играет в их жизни большую роль и в наши дни; мясо, шкуры, сухожилия оленей или моржей до сих пор остаются незаменимыми в обиходе северных охотников.

Природные ресурсы Арктики используются с каждым годом все шире. Промысловое направление остается ведущим в экономике колхозов и совхозов Крайнего Севера: растущее население Арктики нуждается в заготовленных на месте свежих и полноценных продуктах питания. Все больше становится здесь охотников-спортсменов: они составляют немалую часть жителей арктических городов и поселков, приезжают сюда и из других районов в качестве туристов (поездка в Арктику стала сейчас простой и доступной). Увеличивается спрос на северную пушнину, гагачий пух и другие виды добываемого здесь сырья.

Кроме того, на многих арктических животных охотятся во время их миграций в южные расположенных областях. Например, много песцовых шкурок заготавливается в лесотундре и лесной полосе (хотя эти звери размножаются только в открытых тундрах). Северных птиц происхождения гусей и уток гораздо больше добывают в густонаселенных областях средних широт во время пролета и зимовки птиц, нежели на их родине. А такие пернатые, как кулики вообще считаются дичью только вне их родины. Повсеместный рост числа охотников-спортсменов в последние годы опять-таки ведет к увеличению «нагрузки» на природные ресурсы Арктики (хотя и за ее пределами).

Нельзя забывать и о косвенном воздействии человека, его хозяйственной деятельности на арктических животных. Оно проявляется в разных формах, непрестанно усиливается и порой ведет к не менее катастрофическим последствиям, чем прямое истребление зверей или птиц. Изменение ландшафтов на местах зимовок арктических птиц (распашка земель, осушение болот или, наоборот, обводнение территорий), неумеренное применение химических средств борьбы с вредителями сельского и лесного хозяйства нередко приводят к резкому уменьшению численности и даже к почти полному исчезновению пернатых. Так случилось, например, с эскимосским кроншнепом; когда-то он в громадном количестве гнезился на севере Америки, но уже в 20-х годах встречался единичными экземплярами. В прошлом столетии, по-видимому, по этой же причине исчезли многие колонии белых гусей в материковых тундрах Сибири.

Одно из проявлений такого рода «хозяйственной» деятельности людей — гибель птиц от нефти, мазута и других загрязнений морских вод. Например, в 1957 г. близ острова Готланд в Балтийском море погибло, попав в нефтяное пятно, более тридцати тысяч зимующих полярных уток-морянок. Не удивительно, что в последующие годы уменьшилось число морянок на их родине — в шведской Лапландии.

Арктические звери и птицы все чаще сталкиваются теперь с домашними животными и все чаще заражаются от них ранее неизвестными на Севере инфекционными и инвазионными заболеваниями. Возможно, таков по своему происхождению трихинеллез у белых медведей, тюленей и песцов, ящур у диких северных оленей.

Важно, наконец, и то обстоятельство, что все более совершенствуются орудия добывания животных. Человек и здесь привлекает себе в помощь технику. Неизмеримо упростились, например, стали продуктивнее и добычливее китобойный и зверобойный промыслы. При

охоте на белого медведя, как мы видели, используются даже самолеты.

Итак, эти природные ресурсы легко уязвимы, они требуют особенно бережного к себе отношения. Тем более что в Арктике их значение наиболее велико: они имеют здесь не только прямую, но и косвенную ценность.

В самом деле, охотничий промысел в Арктике еще долгие годы будет наиболее целесообразным способом хозяйственного освоения больших территорий. Несмотря на то что в этих районах быстро развивается транспорт — водный, наземный и воздушный — перевозки на Севере стоят дорого, и отсюда выгоднее вывозить легкие, но ценные грузы например пушнину.

Большие по площади (около трехсот тысяч квадратных километров), но скудные пастбища северной части полуострова Таймыр, участки его арктических пустынь и полупустынь непригодны для разведения домашних оленей: отсюда трудно перегонять стада на зимние выпасы, здесь нет топлива, без которого немыслима жизнь пастухов. Однако дикие олени здесь могут кормиться, и, таким образом, промысел их позволяет в какой-то мере вовлечь в хозяйственное использование растительность таймырских тундр. Мало того, что мясо и шкуры диких оленей обходятся гораздо дешевле, чем домашних, — у «дикарей» есть и другие преимущества перед их домашними сородичами. Они не вытаптывают так сильно пастбища и вообще полноценнее используют съеденный корм. К тому же они не испытывают зимой столь большой потребности в лишайниках (*В отличие от домашних оленей, зимний корм которых составляют преимущественно лишайники, дикие олени поедают зимой много травянистых растений и кустарников*), запасы которых возобновляются крайне медленно.

Благодаря ограниченному видовому составу северной фауны и флоры промысел тех или иных видов здесь является своего рода ниточкой, потянув за которую можно получить доступ к природным ресурсам вообще, во всяком случае, к значительной их части. Так, разумный промысел моржей позволяет вовлечь в хозяйственный оборот запасы донных моллюсков арктических морей, а заготовка пуха в гагачьих колониях является в то же время использованием залежей прибрежных моллюсков.

* * *

Особенно реальна опасность исчезновения тех видов животных, которые распространены на очень небольших территориях или представлены малым числом особей. Не случайно так сильно пострадали островные фауны: за короткое время, например, на острове Бони вымерло не менее трети, а на островах Лайсан и Мидуэй — более половины местных птиц и млекопитающих. Гавайские острова потеряли около половины, остров Гуаделупа — около трети аборигенных видов пернатых. По мнению зоологов, животные, численность которых не превышает двух тысяч особей, находятся уже под угрозой полного вымирания.

Печальна и поучительна судьба стеллеровой морской коровы и очкового баклана. Они были открыты в 1741 г. на ранее необитаемом острове Беринга (Командорские острова участниками русской Великой Северной экспедиции. Особенно замечательными животными были морские коровы. Судя по сохранившимся описаниям и рисункам, а также по скелетам длина их тела достигала девяти-десяти метров, окружность тела — пяти метров, а вес — четырех тонн. Передние конечности коров были коротки и напоминали недоразвитые ножки задние конечности отсутствовали; туловище, как у китов, заканчивалось плоским расположенным в горизонтальной плоскости хвостом. Во рту помещались роговые пластины выполнявшие роль терок.

Морские коровы держались стадами, оседло, по тихим морским заливам, особенно часто устьев рек, причем в середине стада помещались детеныши. Корм их составляли бурые водоросли («морская капуста»), густые заросли которых и теперь окружают Командорские острова. Животные были малоподвижны, очень доверчивы и вовсе не обращали внимания

на людей. Мясо коров, видимо, мало отличалось от говяжьего и было прекрасно на вкус. Вскоре острова стали посещаться промышленниками, и уже к 1768 г. (всего лишь за двадцать семь лет!) стеллеровы морские коровы были полностью истреблены.

Очковые бакланы селились только на скалах острова Беринга. Они достигали большой величины (вес их превышал пять килограммов), плохо летали, а мясо их было вполне съедобно. Они лишь ненадолго пережили морских коров и исчезли в середине прошлого столетия. Не исключено, что, кроме человека, в этом было повинно и какое-то массовое заболевание птиц. Памятью о них служат теперь шесть экземпляров чучел, два из которых хранятся в музеях СССР.

Печальная судьба постигла и обитавших на небольших участках Арктики и также истребленных человеком бескрылую гагарку и лабрадорскую гагу.

Первая из этих птиц когда-то гнездилась большими колониями на Фарерских островах, в Исландии, Гренландии и на побережье Лабрадора. Охота на этих крупных, нелетающих птиц была всегда добычлива, и они в большом количестве добывались как местным населением так и моряками с проходящих судов. Последним прибежищем гагарок была Исландия, но случившееся здесь в 1830 г. вулканическое извержение приблизило их гибель. В 1844 г. на острове Эльдей, у исландского побережья, была убита последняя пара бескрылых гагарок. Теперь сохранилось около семидесяти чучел этих птиц, два из которых хранятся в коллекциях зоологических музеев СССР.

Лабрадорская гага еще в 1842 г. не была редкостью на побережьях Лабрадора и залива Святого Лаврентия. Но уже в 1852 г. в Канаде, в бухте Галифакс, была убита последняя из этих птиц. В музеях мира теперь сохраняется сорок восемь чучел лабрадорских гаг.

Некоторые виды животных, обитающие только в советской Арктике, распространены на очень малых территориях или представлены небольшим количеством особей. Это в первую очередь краснозобая казарка, розовая чайка и белый журавль-стерх.

Краснозобая казарка — самый мелкий на земном шаре вид гусей; размером она не превышает кряквой утки, а вес ее всего лишь около килограмма. В оперении казарки красиво сочетаются рыжий, черный и белый цвета, резко отграниченные один от другого. И летом и зимой краснозобые казарки встречаются в нескольких небольших районах. Размножаются они только в тундрах Средней Сибири, от восточной части Ямала до восточных частей Таймырского полуострова. Наиболее обычны они на западе Таймыра. Зимуют казарки главным образом в советском Азербайджане, преимущественно в южной и юго-восточной части республики.

На своей родине краснозобые казарки появляются позже всех других видов гусей, в середине июня. В тундрах в это время уже сходит снег, оттаивает поверхность почвы, трогаются в рост злаки и пушица — основной летний корм гусей.

Для гнездования казарки занимают обрывистые берега рек, поросшие травами и кустарниками, высокие островки на реках или озерах. Гнездятся птицы, как правило небольшими колониями, вблизи гнезд хищных птиц — соколов, мохноногих канюков. Самки обильно выстилают гнезда светло-серым пухом, а кладка состоит из трех — шести, а иногда даже из девяти зеленоватых яиц. По окончании насиживания семьи собираются в стаи и держатся только на воде или вблизи воды, причем при опасности как птенцы, так и взрослые птицы хорошо ныряют. Характерно, что и в послегнездовое время казарки продолжают держаться недалеко от гнезд пернатых хищников. Закончив линьку, в первых числах или в середине сентября эти гуси покидают гнездовую область.

На зимовках краснозобые казарки выбирают такие участки, где есть пастбища, пресная вода и безопасные места ночевки. Обычно это полупустынные земли, граничащие с морским мелководьем или озерами. Самые большие зимние скопления казарки образуют в Кызыл Агачском государственном заповеднике (расположенном на одноименном заливе западного побережья Каспийского моря). Птицы держатся здесь с конца октября до конца марта. Больше всего их скапливается тут в холодную и снежную погоду: в заповеднике всегда теплее, чем в других частях республики. Суровой зимой 1956/57 г. сотрудники заповедника

насчитали «рекордное» за последнее время количество птиц — сорок тысяч. Вероятно именно столько или немного больше (часть птиц зимует вне пределов СССР, в Иране и Ираке) краснозобых казарок было в то время на всем земном шаре. В последующие годы численность птиц резко сократилась, и сейчас они относятся к самым малочисленным видам гусей Евразии.

Розовая чайка, пожалуй, лучшее украшение Арктики, прекрасный символ ее суровой природы. Она изящно сложена, невелика (длина ее тела тридцать-тридцать пять сантиметров). В оперении ее сочетаются главным образом жемчужно-серый и нежно розовый цвета: спина и крылья у нее светло-серые, голова и шея белые с розовым оттенком, грудь и живот ярко-розовые. Шею опоясывает, словно ожерелье, узкая черная полоса. Клюв и ноги у чаек ярко-красные.

Впервые эту птицу обнаружили в 1823 г. в арктической Америке. Затем в течение почти восьмидесяти лет розовые чайки представляли для натуралистов неразрешимую загадку. Изредка их встречали в разных частях Арктики и еще реже в более южных широтах — на Камчатке, в Охотском море, у берегов Норвегии, Англии, Франции и даже в Средиземном море.

Заветной мечтой великого исследователя Арктики Фритьофа Нансена было хоть раз в жизни увидеть розовую чайку. Мечта его осуществилась. Во время чрезвычайно тяжелого пути по дрейфующим льдам ему удалось не только увидеть, но и подстрелить птицу. Радость его не знала границ. Ученый, забыв об усталости, пустился в такой лихой пляс, что не на шутку перепугал своего товарища, решившего, что Нансен сошел с ума. Лишь в 1905 г. русскому зоологу и исследователю Севера С. А. Бутурлину посчастливилось наконец открыть родину розовых чаек, увидеть их гнезда, описать особенности жизни птиц. Гнездовья розовых чаек встретились Бутурлину в низовьях Колымы, среди изобилующей озерами равнинной тундры и лесотундры. Позднейшие исследования добавили к этому открытию немного.

Теперь известно, что розовые чайки гнездятся небольшими колониями лишь в северо-восточной Якутии, в междуречье Яны и Колымы, и, быть может, нерегулярно, отдельными парами кое-где в арктической Америке. Свои гнезда из травы и мха они устраивают на кочках, откладывая до четырех зеленоватых с коричневыми пятнами яиц. Как только птенцы становятся самостоятельными, чайки оставляют места гнездовий, но улетают не на юг, как остальные пернатые, а на север, к полярным и разводьям Северного Ледовитого океана, где и проводят зиму и вообще большую часть жизни. Летом они питаются пресноводными беспозвоночными, насекомыми, мелкой рыбой, а зимой кормятся преимущественно раками и другими морскими беспозвоночными.

Общее количество этих птиц очень невелико (хотя на их родине это местами довольно многочисленный вид), и к тому же они встречаются в труднодоступных районах. Увидеть их зоологу удастся крайне редко. Правда, чучела и шкурку розовых чаек можно найти теперь во многих зоологических музеях, но они, даже если хранятся в полной темноте, быстро теряют свою чудесную розовую окраску. Да и кроме того, чучело не может дать представления о легкости и изяществе движений живых птиц.

Стерх в отличие от краснозобой казарки и розовой чайки принадлежит к числу очень крупных птиц. Длина его тела превышает метр, размах крыльев — два метра, а вес достигает семи-восьми килограммов. За исключением первостепенных маховых перьев (они черные), все оперение взрослого стерха чисто белое, а клюв, голая кожа «лица» и ноги кирпично-красные.

По-видимому, еще в XVIII–XIX вв. стерх был широко распространен в Сибири, от степной до тундровой зоны, однако позже на большей части этой территории он исчез. Причиной тому могли быть и пересыхание водоемов (особенно усилившееся во второй половине прошлого века), и распашка степей, и прямое преследование птиц человеком. Теперь белые журавли размножаются только в двух изолированных очагах: на северо-востоке Якутии, в лесотундре и тундрах междуречья Яны и Алазеи, и в очень небольшом числе в заболоченной тайге Западной Сибири, в бассейнах рек Конды и Сосьвы (в левобережье Оби). Зимуют они в

Южной Азии — в Иране, Пакистане, Индии, Китае.

На места гнездовий стерхи прилетают одновременно с гусями, в последних числах мая когда начинается бурное таяние снега. Летят они небольшими стайками и, прежде чем приступить к гнездовым делам, так же как и другие виды журавлей, какое-то время посвящают своеобразным «танцам». Как рассказывают очевидцы, эти «увеселения» пернатых происходят каждый год в одних и тех же местах. Собравшись в круг, птицы медленно приседают, отвечая друг другу глубокие поклоны, то подпрыгивают на своих длинных ногах, размахивая крыльями и издавая при этом мелодичные, звучные крики. Якуты издавна считали стерхов священными птицами и никогда не охотились на них.

Местами гнездования стерхи избирают топкие берега озер среди равнинной, заболоченной тундры, среди лесотундровых или лесных болот. Гнездо они устраивают на кочке и скудно выстилают его только растительной ветошью. Кладки состоят из одного или двух крупных зеленоватых яиц с коричневыми и фиолетовыми пятнами. Птицы успешно защищают и гнезда, и самих себя от всех тундровых хищников, даже от волка. Не всегда опасен для стерха и охотник. Среди открытой тундры журавль виден за несколько километров, зато подобраться к нему незамеченным почти невозможно. Даже когда журавли линяют и теряют способность к полету, за ними не может угнаться не только пеший человек, но и всадник на лошади.

Птенцы вылупляются покрытыми густым рыжеватым пухом и уже через несколько часов начинают разыскивать корм. При опасности они мастерски маскируются среди порыжевшей растительности. К осени они достигают размеров взрослых птиц, но одеваются пока не в белое, а в серое оперение. На юг стерхи улетают также вместе с гусями в конце августа — начале сентября. Как было недавно выяснено, кормятся они в основном теми же кормами что и гуси, — корневищами, стеблями и побегами трав, ягодами (так же как и у гусей, их желудки наполнены камешками, облегчающими перетирание грубой растительной пищи). В то же время журавль не прочь проглотить лемминга, поймать в озере мелкую рыбешку.

Стерхи относятся к числу редких, даже редчайших, птиц земного шара: общая их численность, по-видимому, не превышает одной-полутора тысяч. Уместно добавить, что стерх очень близок (по внешнему виду и биологии) к находящемуся на грани вымирания американскому белому журавлю, встречающемуся в лесной полосе Северной Америки.

Несколько обширнее (хотя тоже очень невелика) гнездовая область «самой арктической» из птиц — белой чайки. Хотя этих пернатых изредка встречают у побережий Западной Европы, Камчатки и даже Китая, родина их — крайние северные участки суши: север Гренландии и Канадского архипелага, острова Шпицберген, Земли Франца-Иосифа Северной Земли. Гнездятся они также на севере Новой Земли и Новосибирских островов, на мелких островках Карского моря.

Среди других животных высоких широт белые чайки выделяются и своим внешним обликом, и образом жизни. Окраска их оперения чисто белая, без каких бы то ни было отметин (*Как уже говорилось, такая белая окраска является как бы суммарным выражением приспособления животных-северян к арктическим условиям*). Белые чайки еще более, чем их «земляки», неприхотливы в выборе кормов и мест размножения. Пищу их составляют буквально любые организмы: рыба и морские беспозвоночные, лемминги и насекомые. Кормятся они также отбросами зверобойного или китобойного промысла, зимой сопровождают белых медведей и подбирают остатки медвежьих трапез. Во время пурги, так же как и их «кормильцы» — белые медведи, эти чайки иногда по неделе и больше отсиживаются в каких-нибудь укрытиях и голодают. Можно предположить, что они в таких случаях впадают в оцепенение, сходное с зимней спячкой (правда, недолговременное).

Гнездятся белые чайки и отдельными парами, и разной величины колониями на крутых скалистых берегах, на песчаных или галечниковых пляжах.

Полярные летчики неоднократно встречали над многолетними ледяными полями, иногда вдали от воды, стайки каких-то мелких чаек. Скорее всего, это были белые чайки. Можно допустить, что при наличии корма и «фундамента» для устройства гнезд чайки могут даже

размножаться среди льдов. Если это так, то белые чайки — единственный вид гнездящихся в арктических льдах пернатых. В качестве «фундамента» для своих гнезд они могут использовать скопления валунов, стволов деревьев и т. д., нередко находимые на дрейфующих льдинах. Гнезда они обычно устраивают из травы, мха, лишайников и откладывают в них одно-два буроватых, с темными пятнами яйца.

Лед, большую часть года сковывающий сплошным панцирем арктические моря, сильно затрудняет жизнь большинства птиц и зверей. Не доставляет он неудобств лишь белому медведю и белой чайке. Именно эту особенность отражает ее латинское название — *Ragophila eburnea*, что значит «льдолюбивая, цвета слоновой кости». В самом деле, белые чайки проводят среди ледяных полей круглый год. Гнездованию их не препятствует окружающая суша полоса припая шириной в десятки километров. Птицы в таких случаях (если на суше нет корма) регулярно, один-два раза в сутки, вылетают на кормежку к кромке припая на полыньи или разыскивают во льдах своих «кормильцев» медведей. «Любовь» чаек к льдам проявляется и в другом. По наблюдениям, сделанным на Шпицбергене, гнездовья этих птиц оказываются наиболее надежно защищенными от песцов в том случае, если они располагаются среди ледниковых массивов. Потепление Арктики, сократившее площади ледников, поставило птиц в трудные условия и привело к исчезновению многих их колоний.

Только высоким широтам Арктики свойственны и черные казарки. Родина этих птиц — арктические пустыни и полупустыни Евразии и Северной Америки. В Советском Союзе они обитают на Земле Франца-Иосифа, на севере Ямала, Гыданского полуострова, Таймыра, на мелких островках Карского моря, на островах Северной Земли, на материковом побережье Восточной Сибири, Новосибирских островах и острове Врангеля. Зимуют черные казарки на побережьях Атлантического и Тихого океанов, в некоторых странах Западной Европы, в США и Китае.

В прошлом это, возможно, был самый многочисленный вид северных гусей. Еще в конце XIX в. на своих европейских зимовках казарки были так многочисленны, что, по образному описанию известного немецкого зоолога Науманна, «голоса несметных стай птиц заглушали шум моря, и рои их издали, точно дымом, затемняли свет». Однако из-за неумеренного истребления черных казарок на местах их гнездования, пролета и зимовок и вследствие широких мелиоративных работ в Западной Европе и Северной Америке количество этих птиц быстро уменьшилось.

Особенно катастрофическое уменьшение их численности началось в 30-х годах. Это произошло главным образом благодаря тому, что в Северной Атлантике исчез основной зимний корм казарок — морская трава zostера (произошло грибковое поражение этого растения). В Голландии, например, до 1931 г. ежегодно зимовало не менее десяти тысяч казарок, а уже в 1953 г. здесь насчитывалась всего тысяча особей. В Дании количество добываемых черных казарок сократилось с семи тысяч в 1941 г. до двух с половиной тысяч в 1951 г. Количество птиц, зимующих у восточных берегов Северной Америки, с 1910 по 1940 г. сократилось приблизительно на девяносто процентов.

В последнее время численность черных казарок несколько стабилизировалась. В ряде государств была запрещена охота на них. Частично восстановились их зимние пастбища. Тем не менее, судьба черных казарок (в Советском Союзе, например, их насчитывается лишь немногим больше пятидесяти тысяч особей) продолжает вызывать беспокойство.

Не в лучшем положении находятся и белошеикие казарки, распространение которых на земном шаре ограничено несколькими участками Северной Атлантики. Это небольшие по величине, удивительно доверчивые на местах гнездовий гуси. В их скромном, но нарядном оперении сочетаются черный, темно-бурый, серый и белый цвета. Размножаются они местами на восточном побережье Гренландии, в западной части Шпицбергена, на западе южного острова Новой Земли, севере и западе острова Вайгач. Зимовки белошейкой казарки располагаются на побережьях Западной Европы и у восточных берегов Северной Америки. Общая современная численность этих птиц, возможно, всего лишь около тридцати тысяч особей, причем, только незначительная часть их обитает в Советском Союзе.

Гнездятся они небольшими колониями на вершинах крутых прибрежных скал, часто по соседству с кайрами, моевками и другими обитателями птичьих базаров. Не менее охотно они ищут «покровительства» у хищных птиц, особенно соколов.

В СССР на места своего размножения белошекие казарки прилетают несколько позже чем другие гуси, — во второй половине мая. Гнезда их представляют собой неглубокие лунки в земле, выстланные растительным материалом и большим количеством светло-серого пуха. Кладки содержат до пяти — семи чисто белых яиц. Пуховые птенцы казарок, так же как и кайрята, бесстрашно прыгают с высоких утесов в море. Свою родину казарки покидают в конце августа — начале сентября. Корм казарок летом составляют различные наземные растения, зимой — преимущественно водные травы и некоторые водоросли. Круглый год в питании их существенную роль играют животные корма: ракообразные, водные насекомые моллюски.

В большой опасности находится и еще один арктический гусь — белошей. Это наиболее редкий и слабоизученный вид гусиных Евразии и Северной Америки. Голова и верх шеи у него белые, остальное оперение голубовато-серое. Встречается белошей лишь по побережьям Берингова моря на Чукотском полуострове, в Анадырском заливе и на западе Аляски. Основные места его зимовок находятся на Алеутских и Командорских островах, на востоке Камчатки и западе Северной Америки (к югу до Калифорнии).

В своем распространении белошей тесно связан с морскими побережьями, на которых он гнездится и кормится. На места гнездовой птицы прилетают во второй половине мая. В это время у них происходит своеобразная «брачная церемония»: гусак неуклюже расхаживает вокруг гусыни, покачивает головой, издает хриплые крики. Гнезда они устраивают из растительной ветоши среди выбросов водорослей и плавника и хорошо, их маскируют. Нелегко заметить насиживающую гусыню; при опасности она распластывается на земле вытягивая вперед шею. В кладке белошеев бывает до восьми белых яиц. Когда самки садятся на яйца, самцы группируются в стаи и держатся обособленно. После появления птенцов они вновь присоединяются к семьям. В конце июля — начале августа перелинявшие взрослые птицы и молодежь начинают летать. Места гнездовой гуси покидают в конце сентября — начале октября.

Основной корм гусей составляют моллюски, ракообразные, полихеты и другие беспозвоночные, добываемые ими в прибрежных участках моря. Растительные корма, в том числе и ягоды, играют в их рационе, очевидно, небольшую роль. По-видимому, в связи с особенностями питания мясо (и особенно кожа) взрослого белошея обладает резким запахом, похожим на запах чеснока.

Сведения о численности этого вида отсутствуют; можно лишь предполагать, что в пределах Евразии обитает всего несколько тысяч гусей-белошеев, причем, судя по отрывочным данным, количество их все сокращается.

Далеко не всюду благополучно обстоят дела с гнездовьями обыкновенных гаг.

Колонии их широко распространены по побережьям Северной Атлантики. По мере продвижения к северу, как и многие другие птицы, гаги гнездятся все более крупными и плотными колониями (в СССР наиболее грандиозные гнездовья гаг расположены к северному пределу их обитания, на Новой Земле). В высоких широтах возрастает количество гагачьего пуха в гнездовой выстилке (в Исландии гнезда гаг содержат до шестнадцати, на севере Кольского полуострова — до девятнадцати и на Новой Земле — до двадцати пяти граммов пуха), и к тому же пух здесь наиболее чист. Благодаря отсутствию деревьев и кустарников и вообще угнетению наземной растительности он гораздо меньше, чем в средних широтах, засорен травой, веточками и другими примесями.

Если человек относится к гагам разумно, сбор пуха из их гнезд (а он может быть, во всяком случае, в высоких широтах, единственной формой хозяйственного использования этих птиц не приводит к сокращению гнездовой и даже может сопровождаться их постоянным увеличением. Но охота на гаг, сбор их поистине «золотых» яиц, разорение гнезд, выпас скота на местах гагачьих поселений ведут к быстрому падению количества пернатых.

Еще более уязвимы при неразумном использовании птичьих базары. Кайры, наиболее массовые и ценные в хозяйственном отношении обитатели птичьих базаров, размножаются медленно. Они откладывают только по одному яйцу, а половой зрелости достигают лишь на третьем году жизни. При этом их естественная смертность очень велика: например, на Новой Земле около половины наседок по тем или иным причинам лишается яиц, а из вылупившихся птенцов почти половина погибает до спуска на воду. Не удивительно поэтому, что в течение последних пятидесяти — семидесяти лет многие птичьи базары в Евразии и Северной Америке не только сильно уменьшились, но и полностью исчезли.

Из прочих арктических птиц, наиболее нуждающихся в охране, можно упомянуть тундрового лебедя и соколов сапсана и кречета.

Тундровый лебедь — самый мелкий из лебедей Евразии и Северной Америки (североамериканские птицы выделяются в самостоятельный подвид, а иногда даже и вид) впрочем, длина его тела может превышать метр, а вес — пять килограммов. В Советском Союзе он, хотя и неравномерно, распространен по всей тундровой зоне. Места зимовок этих птиц находятся в Западной Европе, Закавказье, Средней Азии, южной и юго-восточной Азии. Небольшое количество лебедей зимует кое-где и севернее на незамерзающих водоемах.

На родину тундровые лебеди прилетают в начале мая. Гнездятся они в сырых тундрах с хорошо развитой растительностью, чаще вблизи озер. Свои громадные, до метра в диаметре, гнезда они складывают из травы или мха: в кладке обычно бывает только два яйца. Половая зрелость, как и у всех лебедей, наступает у них очень поздно, по-видимому лишь на четвертом году жизни. Поэтому размножаются птицы медленно. Зато в отличие от других, южнее обитающих лебедей птенцы у этого вида растут очень быстро и поднимаются на крыло уже в возрасте сорока дней (у лебедя-шипуна начинают летать только четырехмесячные птенцы). На места зимовок полярные лебеди улетают в сентябре. Корм их составляют различные травы: летом — злаки, осоки, пушицы, зимой — водные растения. Общая современная численность полярных лебедей в Советском Союзе вряд ли намного превышает десять тысяч особей.

Сокол-сапсан распространен на земном шаре очень широко, но в тундрах Евразии представлен хорошо обособленным подвидом — тундровым соколом, зимовки которого находятся в Западной Европе, Передней, Средней и южной Азии. На свою родину он чаще всего прилетает в мае, а улетает оттуда в сентябре. Обитает сокол, как правило, по речным долинам и обрывистым морским берегам. Гнездо его представляет собой неглубокую ямку в земле, иногда выстланную птичьими перьями; в кладке бывает до четырех коричневых пятнистых яиц.

В евразийских тундрах сокол-сапсан пока нередок. В Советском Союзе общее число этих птиц, возможно, достигает пятидесяти тысяч; при благоприятных условиях их гнезда встречаются здесь через каждые три — пять километров. Но местами птиц становится заметно меньше. Одна из причин этого — до сих пор практикуемое в некоторых странах истребление «вредных» в охотничьем хозяйстве хищных птиц. Сапсана, конечно, нельзя отнести к этой категории: добычу его составляют преимущественно мелкие, не охотничьи пернатые, но «за компанию» под выстрелы попадает и он. Другая причина исчезновения сапсана, как и многих других видов хищных птиц, — широкое (и нередко не оправданное необходимостью) использование в сельском хозяйстве ядохимикатов. Накапливаясь в организме птиц, эти химические соединения ведут к их гибели или к снижению их плодовитости.

В материковых тундрах гнезда белых гусей часто охраняет сокол-сапсан. Фото автора.

Сокол-сапсан заслуживает повсеместной охраны особенно потому, что, как мы видели часто только благодаря нему в тундре успешно размножаются многие водоплавающие птицы, в том числе различные казарки.

Кречет вообще принадлежит к числу редких видов мировой фауны. Он населяет север Евразии и Северной Америки и либо ведет оседлую жизнь, либо совершает зимой небольшие кочевки к югу от гнездовой области. Наиболее обычны кречеты на морских побережьях особенно вблизи птичьих базаров, в лесотундре и горных тундрах. Гнезда они устраивают на скалах или на деревьях (в первом случае это неглубокая лунка, выстланная сухой травой и перьями, во втором — несложное сооружение из сучьев; птицы обычно используют уже готовые постройки воронов или мохноногих канюков). В кладке бывает до четырех красноватых с темными пятнами яиц. Добычу кречета составляют разные средней величины пернатые, чаще всего обитатели птичьих базаров или белые куропатки, а также грызуны зайцы, белки, лемминги.

Эти крупные северные соколы (длина их тела может быть больше шестидесяти сантиметров, а вес — более полутора килограммов) с давних пор исключительно высоко ценились среди охотников-сокольников. Еще в XIII в. достоинства их отметил в своем обширном трактате «Об искусстве охотиться с птицами» немецкий император и выдающийся орнитолог своего времени Фридрих II Гогенштауфен. С ними связаны многочисленные сказания и легенды, родившиеся у разных народов: кречеты упоминаются, например, в саге о Нибелунгах и в песне о Сигурде, в известных преданиях о покровителях соколиной охоты — святом Бавоне (во Франции) и Трифоне-сокольнике (в России).

Уже в IX в. киевский князь Олег построил у себя «соколиный двор», где, возможно

содержались и кречеты. С XV в. торговля птицами, доставленными из России, Норвегии, Швеции и отчасти также из Исландии и Гренландии, широко распространилась в Европе, причем право первой покупки кречета во многих странах принадлежало королевскому двору. В XVI–XVII вв. охота с ловчими птицами достигала здесь наибольшего расцвета. Крупные соколы начали играть важную роль в русском экспорте. Ловля соколов была объявлена государственной монополией; была разработана подробная система оценки птиц, среди которых наиболее ценились северные белые кречеты. В XVIII в. масштабы соколиной охоты значительно сократились, хотя она и до сих пор практикуется как в Западной Европе, так и в Северной Америке, так и в странах Востока (в Советском Союзе — главным образом в Средней Азии).

Кречеты, по-видимому, всегда были редкими птицами; во всяком случае, даже в периоды наибольшего спроса на них с севера России обычно доставлялось не более чем по сто особей в год. Общая современная численность кречетов в СССР, по-видимому, в лучшем случае лишь две-три тысячи особей. В Швеции их гнездится всего двадцать — тридцать пар, на Аляске сто — сто пятьдесят пар, а всего в мире — не более чем пять тысяч особей.

Из зверей советской Арктики кроме белого медведя, моржа и гренландского кита наиболее ценны и особенно нуждаются в охране гренландский тюлень и дикий северный олень.

Гренландский тюлень, обитатель приатлантических окраин Арктики, — важнейший в хозяйственном отношении вид ластоногих на Севере. Взрослый самец, носящий среди русских поморов название «лысун» или «крылан» (темя у животных светлое, а большие черные пятна по бокам тела действительно похожи на крылья), достигает двух метров длины и двухсот килограммов веса. Самка, «утельга», несколько мельче самца. мех ее светло-серого цвета с темными расплывчатыми пятнами. Новорожденный детеныш, «белек», достигает в длину почти метра и покрыт густой, пушистой белой шерстью. Эти тюлени образуют три самостоятельных стада. Первое из них, ньюфаундлендско-гренландское, обитает у западного и южного побережий Гренландии и в Канадском арктическом архипелаге; для размножения оно собирается у острова Ньюфаундленд и в заливе Святого Лаврентия. Второе стадо, янмайенское, обитает у южного и восточного побережий Гренландии (размножаются эти тюлени у острова Ян-Майен). Наконец, третье, беломорское, стадо заселяет окрестности кромки льдов на востоке Баренцева моря и частично Карского моря. Места размножения этих тюленей — горло Белого моря и прилежащие районы Баренцева моря.

Гренландские тюлени — типично общественные животные. Держась стадами, они большую часть года проводят в миграциях, но с середины зимы образуют на льдах большие залежки. Здесь они рожают детенышей, спариваются, линяют, а весной отправляются в дальнейший путь. Корм тюленей составляют морские беспозвоночные — ракообразные, моллюски, — а также мелкая рыба.

Местное население издавна промысляет тюленей, добывая шкуры, мех (особенно ценятся шкурки бельков), жир (до семидесяти килограммов от одного тюленя) и вполне съедобное мясо (например, в годы первой мировой войны Норвегия в большом количестве экспортировала его в Германию). С середины прошлого столетия промысел гренландских тюленей особенно расширился. В отдельные годы зверобойные суда добывали до полумиллиона тюленей у Ньюфаундленда и до двухсот тысяч — у Ян-Майена. Усиленное использование беломорских тюленей началось позднее, в конце XIX в.; в 20-30-х годах XX в. из этого стада выбивалось уже по полмиллиона животных в год.

Не удивительно, что запасы гренландских тюленей быстро сокращались. Помимо неумеренного промысла и особенно уничтожения молодых и самок (без которых невозможно обновление стада) этому способствовала и низкая плодовитость вида. Тюлени приносят по одному детенышу, самки достигают половой зрелости в возрасте трех, самцы — четырех и даже пяти лет. Много тюленей гибнет при торошении льдов во время залежек и от хищников — косаток, полярных акул, отчасти также белых медведей. Уже в 30-х годах у Ньюфаундленда

зверобойи не могли добывать более чем по сто тысяч зверей в год. Беломорское стадо, по подсчетам советских зоологов, еще в 1927–1928 гг. насчитывало около трех миллионов тюленей; к 1952–1953 гг. их количество уменьшилось до полутора миллионов, а к 1960 г. — до 400 тысяч (*С 1963 г. здесь прекращена добыча самок, а в 1965 г. государственный промысел гренландских тюленей в Белом море был запрещен на пять лет*).

Диких северных оленей зоологи подразделяют на большое количество подвидов, однако все они могут быть объединены в две большие группы — лесных и тундровых животных. Лесные олени, как правило, более крупные, живут оседло или совершают лишь небольшие перекочевки и даже в прошлом никогда не достигали высокой численности. Тундровые олени совершают регулярные, иногда очень дальние миграции, лето проводят в открытых тундрах и на морских побережьях, а зимуют в горных тундрах и лесотундрах.

Даже там, где тундровые олени сохранились в сравнительно небольших количествах, встречи с ними производят на натуралиста большое впечатление. По тундре проложена густая сеть их троп; переправы стад через крупные реки, например Пясину, и в наши дни длятся по несколько часов; ниже переправ по поверхности воды плывет толстый слой оленьей шерсти, и валы ее откладываются на берегах.

В СССР тундровые олени обитают главным образом на севере Сибири, где образуют два самостоятельных стада: одно населяет Таймырский полуостров и прилегающие к нему с юга горные хребты, второе — Северную Якутию: дельту реки Лены, Новосибирские острова Яно-Индигирскую низменность. В 50-х годах размеры каждого из стад определялись примерно в сто тысяч особей (всего, следовательно, насчитывалось около двухсот тысяч тундровых оленей, что составляло примерно половину их мирового поголовья). Позже происходило увеличение численности животных, и в 1966 г. величина таймырского стада была при помощи самолетов определена в триста тысяч особей.

* * *

В Советском Союзе предпринимается много усилий к тому, чтобы сохранить и умножить природные ресурсы, природные комплексы и отдельных представителей флоры и фауны. Охране природы посвящены многие государственные акты. Из них наиболее важны в решении судеб арктических животных декрет «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море», принятый в 1921 г., и специальное постановление «О мерах охраны животных Арктики», принятое Советом Министров РСФСР в 1956 г.

Декрет 1921 г., как следует уже из его названия, был направлен на защиту интересов Советского государства в рыбных и зверобойных промыслах Севера, на охрану ресурсов промысловой фауны. Постановление 1956 г. предусматривало полный запрет в СССР охоты на белых медведей, промысла моржа и дикого северного оленя (добывание моржей и оленей в ограниченном количестве разрешается местному населению по специальным лицензиям), а также другие меры по их охране и строго регламентировало промысловое использование птичьих базаров и гагачьих колоний. Это постановление сыграло очень большую роль в сохранении белого медведя и восстановлении поголовья обитающих в Советском Союзе северных оленей.

В СССР существует система государственных заповедников — научных учреждений, проводящих многолетние комплексные исследования на территориях, изъятых из хозяйственного пользования. Охрану арктической природы в какой-то мере осуществляет заповедник «Семь Островов» (*Официально он считается филиалом Кандалакшского государственного заповедника (административный центр его помещается в городе Кандалакше Мурманской области)*). Еще в XVII в. указом царя Алексея Михайловича эти скалистые острова, расположенные у северного побережья Кольского полуострова, — «кречатьи сedyбища» (места размножения кречетов) — были объявлены «государевой

заповедью» и охранялись специальными стражниками. В 1938 г. здесь был организован заповедник, основная задача которого заключается в охране и изучении птичьих базаров и гнездовой гаг.

Семь заповедных островов, образующие небольшой архипелаг, находятся за полярным кругом. Они сложены из гранитов и гнейсов и круто обрываются к морю. Вершины их пологи и покрыты зарослями вороники и морошки, ивнячков и карликовой березки. Карнизы прибрежных обрывов заняты смешанными поселениями кайр, моевок, тупиков, гагарок, чистиков, серебристых и морских чаек, бакланов. Самые крупные птичьи базары, где обитает больше десяти тысяч кайр, находятся на островах Кувшин и Харлов. Около тысячи гагачьих гнезд располагается в островных тундрах по соседству с гнездами поморников и рогатых жаворонков, пуночек и многочисленных куликов. Из зверей в заповеднике обитают норвежские лемминги, горностаи, изредка появляются выдры и даже лоси. В окружающих водах держатся нерпы и лахтаки, устраивают залежки представители редкого вида тюленей — тебяки, показываются фонтаны китов.

В заповеднике работают в основном орнитологи. Здесь в массе кольцуют птиц (в некоторые годы было окольцовано более десяти тысяч пернатых). Проводились тут интересные опыты по искусственному увеличению прироста гаг в колониях. Исследователи собирали яйца из части гагачьих гнезд и помещали их в инкубатор, тем самым вынуждая гаг откладывать и насиживать повторные кладки. Полученные из инкубатора птенцы подпускались потом в «дикие» выводки. Таким путем удавалось увеличивать потомство гаг вдвое.

На противоположном конце советской Арктики, на острове Врангеля, с 1960 г. существует долговременный заказник. Именно здесь в значительной мере решается судьба обитающих в СССР белых гусей и белых медведей.

Важные положения по охране и рациональному использованию арктической фауны содержатся и в правилах охоты, действующих в северных областях страны. На этих территориях повсеместно запрещены истребительные способы добывания животных при помощи моторного транспорта, ядов и т. д. Запрещены разорение гнезд птиц и нор песцов, промысел линных птиц, сбор яиц и гнездового пуха (сбор яиц на птичьих базарах и пуха в гагачьих колониях допускается лишь по специальным разрешениям областных управлений охотничьего хозяйства). В течение всего года запрещается охота на особенно ценных редких и исчезающих животных. Так, в Архангельской области запрещено охотиться на лебедей, обыкновенных гаг, белощеких казарок, а кроме того — на водоплавающих птиц всех видов, зимующих на незамерзающих водоемах. В Тюменской области и Красноярском крае запрещена охота на лебедей, краснозобых казарок и всех хищных птиц, кроме ястребов. В Магаданской области не допускается охота на лебедей, гусей-белошеев, гаг, черных казарок, белых гусей (в отношении последнего вида некоторое исключение делается лишь для населения острова Врангеля).

Однако всего этого для охраны арктической природы уже недостаточно, север на наших глазах превращается в область высокоразвитой индустрии. Он дает стране нефть и газ, цветные металлы и уголь. Северные реки (помимо рыбы и самой воды, ставшей большой ценностью) таят в себе громадные энергетические ресурсы. В Заполярье вырастают крупные города, строятся новые электростанции. Население Севера будет непрерывно увеличиваться: полярные страны остались на нашей планете одним из последних еще не использованных земельных ресурсов.

Но нельзя допустить, чтобы пришедший на Север человек создал здесь пустыню. Ведь арктическая природа особенно уязвима. Даже след проехавшего летом трактора или вездехода оставляет в тундре на десятилетия незаживающий шрам. Гусеницы сдирают с грунта моховую дернину, в колеях быстро протаивает мерзлота, в них зарождаются и растут овраги. С этого начинается эрозия почв. Леса на северном пределе их распространения не только украшают пейзаж, дают приют пернатым и четвероногим обитателям, но и смягчают климат. Срубить здесь дерево (а росло он скорее всего столетия) — значит открыть доступ

ветру и пурге. Загрязнение суши и вод промышленными отходами нежелательно повсеместно. Но для Севера, с его обедненными фауной и флорой, последствия такого загрязнения могут быть необратимы и катастрофичны.

Общеизвестна та большая роль, которую играют в охране природы государственные заповедники. Они наилучшим образом обеспечивают сохранение тех или иных природных комплексов. Их территория подчас служит единственным прибежищем для редких видов животных и растений, является резерватом, который обогащает смежные охотничьи и рыболовные угодья. Проводя многолетние стационарные исследования, заповедники разрабатывают научные принципы и формы самой охраны природы, рационального использования ее ресурсов применительно к тем или иным природным зонам и ландшафтам. Но распределены государственные заповедники по стране очень неравномерно, и главный пробел в их сети — северные районы. Между тем именно в Арктике и Субарктике от этих учреждений можно ждать наибольшей отдачи, поскольку требующие охраны объекты и воздействие на них человека, как правило, приурочены на Севере в отличие от южных расположенных мест к отдельным ограниченным участкам.

Но заповедники и заказники, хотя они и очень нужны, все же не решат всех задач охраны арктической природы. Мы в общем до сих пор не особенно хорошо знаем эту природу, научные же основы ее сохранения и рационального использования разработаны и вовсе недостаточно. Между тем, только располагая ими, можно выработать четкие контролируемые нормы и правила, регламентирующие все формы хозяйственной деятельности человека. Надобность в подобных правилах на Севере ощущается особенно остро. Как мы уже видели, большинство животных высоких широт распространено кругополярно, совершает далекие миграции. По этой причине меры по их охране и вообще по охране природы Арктики, предпринимаемые каким-либо одним государством или несколькими государствами без достаточного взаимного согласования, часто не дают желаемых результатов. Здесь, следовательно, особенно необходимо международное сотрудничество.

Начало ему было положено созданием Международного союза охраны природы и природных ресурсов. Заключены уже важные в решении судеб животных, в том числе и арктических, международные соглашения и конвенции: по охране китов, водоплавающих птиц и их местообитаний, по предотвращению загрязнения нефтью открытого моря и по охране его живых ресурсов.

Однако и в международной охране природы Севера нужно еще сделать многое. Так совершенно очевидна необходимость подготовки и заключения специальной конвенции регламентирующей степень и формы воздействия человека на органический мир этих областей. Примером подобной конвенции может служить Международная конвенция по охране природы Антарктики. Она уже вступила в силу и дает хорошие результаты.

Природа Севера нуждается в охране, и ее можно сохранить. Розовые чайки и моржи, белые медведи и северные олени — вообще все те виды животных, которые обитают в Арктике, должны уцелеть.